

У Р А Л Ь С К И Й

2/93

СЛЕДЮЩИМ

U R A L S T A L K E R

ISSN 0134 - 24IX

ИГОДА КАРЮБИ
САНДРА КАМАРИ
1717 ГОДА

УЧРЕДИТЕЛИ —
Союз Писателей России,
Ассоциация советских
книгоиздателей,
трудоу коллектив журнала

ИЗДАТЕЛЬ —
Издательство
«Уральский следопыт»

Журнал основан в 1935 году,
возобновлен в 1958 году.

РЕДАКЦИЯ:

Станислав Мешавкин
(главный редактор),
Виталий Бугров,
Юний Горбунов,
Сергей Григорькин
(главный художник),
Герман Иванов
(заместитель главного
редактора),
Ольга Нагибина
(исполнительный директор),
Андрей Понизовкин,
Юрий Шинкаренко,
Нина Широкова

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Виктор Астафьев, Сергей Казан-
цев, Владислав Крапивин, Юрий
Курочкин, Николай Никонов,
Олег Поскребышев, Борис
Стругацкий, Марат Шишигин

Адрес редакции:

620219, г. Екатеринбург,
ГСП-353, ул. Декабристов, 67
Телефоны отделов:
223-662 (фантастики),
224-501 (краеведения,
секретариат),
220-481 (прозы и поэзии, публи-
цистики, науки и техники, моло-
дежных проблем)

Компьютерная верстка выполнена
в ТМ «КВН УПИ»
Оператор: А. Беляшкин

Рукописи принимаются
перепечатанными на машинке через
2 интервала, 60 знаков в строке, 28-30
строк на странице. Рукописи не
рецензируются и не возвращаются.

По вопросам подписки и доставки
обращаться в районные отделения
«Россвязьинформа»

Бракованные экземпляры отправлять
в Чеховский полиграфический комби-
нат.

Подписано к печати
Формат бумаги 84x108 1/16.
Бумага типографская №2.
Офсетная печать.
Усл. печ. л. 8, 82
Уч.-изд. л. 13, 2
Усл.кр.-отт. 11, 3
Тираж 112000 экз.
Заказ №250
С.-2

Ордена Трудового Красного Знамени
Чеховский полиграфический комбинат
Министерства печати и информации
Российской Федерации
142300, г. Чехов Московской обл.

На 1 стр. обложки Никита Демидов
(Антуфьев), на 2 стр. обложки -
Аврора Карловна Шерваль-Демидо-
ва-Карамзина.

Слайды А. НАГИБИНА

© «Уральский следопыт», 1993 г.

В НОМЕРЕ:

Учредитель Демидовских наград Н. МЕЗЕНИН	2
Царевич и поэт в Приисетьи А. ЕМЕЛЬЯНОВ	6
Ургупская встреча Е. БАГИНА, О. ВОЛКОВ	9
Сгибаясь, как под тяжестью таланта. Стихи Л. ЛАДЕЙЩИКОВА	10
Бывший Мотыльков Ю. КОКОШКО	11
Гением назовут потомки Р. ПОВИЛЕЙКО	20
«На добро общее»?.. Ю. РЯЗАНОВ	22
«Меховой» мастер Иван Янвер И. ЮРКИН	23
Открывая тайны Каспия А. ХАКИМОВ	25
Рассказы о названиях А. МАТВЕЕВ	29
Планета-Мечта. Фантастическая повесть В. КАЛИНИНА	31
Заочный КЛФ Юродивый. Повесть. Окончание К. ЛАГУНОВ	48
Первая русская гитарная энциклопедия В. ПОПОВ	51
И не страшен серый волк! А. МАТВЕЕВА	70
Хурма А. СЕМЕНИН	72
«Супруги» поневоле С. ВАСИЛЬЕВ	74
«Лирический пробег вдоль клетки» Я. ЗУНДЕЛОВИЧ	76
Мир на ладони Воспоминание об изумрудном острове А. ПОНИЗОВКИН	78
	80

Николай МЕЗЕНИН

УЧРЕДИТЕЛЬ

В 1991 году мы начали, а в 1992-м продолжили печатать исторические очерки Николая Мезенина о династии уральских заводчиков Демидовых («Уральский следопыт» 1991 №№ 7,8,10,12; 1992 №№ 1,2,7).

Рассказали

о «птенце гнезда Петрова» — Никите Демидове, его сыновьях-соперниках: знаменитом Акинфий и младшем сыне — Никите; чуде и меценате Прокопии Демидове; нетипичном представителе династии Григории Акинфиевиче, создателе Демидовского лица; третьем сыне Акинфия — Никите, владельце тагильских заводов, и, наконец, о Николае Никитиче Демидове, посланнике во Флоренцию.

В этом году мы завершаем публикацию очерков.

Павел Николаевич Демидов

ПОЕЗДКА НА УРАЛ

После перехода заводов к сыновьям Николая Никитича, фактически участвовать в управлении ими мог только 30-летний Павел Николаевич. Анатолию было всего 16 лет. Павел жил в отцовском особняке на набережной Мойки в Петербурге, а Анатолий закончил лицей Наполеона и безвыездно пребывал в Париже.

Отец при жизни ограничивал Павла в средствах: он получал из главной конторы «только»... 100000 р. в год. Этой суммы молодому наследнику не хватало, и он постоянно влезал в долги. Надо полагать, в кредите ему не отказывали в чаянии будущего наследства.

При вступлении в наследство Павел Николаевич издал приказ по Петербургской конторе именовать ее впредь главной, а управляющего делами величать

директором главной конторы. Управитель же Нижнетагильского округа стал директором Нижнетагильских заводов. Таковым в то время был А. А. Любимов.

В 1830 году егермейстер царского двора Павел Николаевич Демидов приехал на Урал. В Нижнем Тагиле его встречали с хоругвями, колокольным звоном всех церквей и пушечными выстрелами.

На другой день новый хозяин отправился осматривать свои владения. В производстве он ничего не смыслил и ходил по фабрикам и цехам со скучающим видом. На медном руднике заинтересовала было паровая машина для откачки воды из забоя, которую изготовили Черепановы. Но и здесь он не задержался: устройство машины оказалось сложным и для него непонятным. Потом осмотрел госпиталь для чиновников управления, дом своих предков и все семь церквей.

Поразил Входо-Иерусалимский собор. Малахитом украшенные иконы и ковчег-дарохранильница из чистого малахита. Под престолом обнаружилась глыба магнитного железняка с Высокогорского рудника. Любимов объяснил владельцу, что его прародители уложили сюда рудную глыбу в знак крепости и нерушимости власти Демидовых на Каменном поясе. Иконы, писанные крепостными художниками, вызвали восхищение, и хозяин пожелал увидеть мастеров по камню и живописцев. Он решил, что крепостные художники не хуже иностранных, но дешевле, а в обработке камня и художественного литья превзошли многих. Приказал Любимову отправить более способных в столицу. Там возводили Исаакиевский собор, на отделку которого везли из Нижнего Тагила гранит и мрамор, малахит и яшму, золото и другие драгоценные металлы и камни.

Кстати сказать, в 1836 году Павел Николаевич подарил Николаю I малахитовую ротонду — восемь колонн, соединенных куполом, внутренняя поверхность которого отделана лазуритом, а мозаичный пол ротонды выложен уральскими самоцветами. Этот малахитовый храм сейчас украшает аванзал Зимнего дворца.

ДЕМИДОВСКИЕ НАГРАДЫ

ВЫЙСКОЕ УЧИЛИЩЕ

В 1820-30-х годах живописная и арифметическая школа, существовавшая при конторе Демидовых, влилась в Выйское заводское училище, а потому оно значительно расширилось. Готовило людей для разнообразных заводских должностей. С 1839 года училище становится уездным и в учебном отношении подчиняется министру просвещения. Количество учеников достигает 160 человек. Наряду с общеобразовательными предметами им преподают специальное черчение и рисование, административное дело, бухгалтерию, основы механики и горного дела, металлургию. Еще музыку, пение, а в отдельные годы — алгебру, физику, немецкий, французский, английский языки.

В училище создаются учебные кабинеты и мастерские. Первостроитель М. Е. Черепанов руководил практическим обучением и занимался с учениками механикой. Преподавали и бывшие воспитанники училища: А. Черепанов вел черчение, Ф. Ф. Звездин — литейное дело, инженер А. П. Ерофеев — горную часть. Способнейшие из учеников отправлялись для дальнейшего технического образования за границу. В 1840 году в разных странах Европы обучалось 16 человек.

Тагильский историк-краевед П. К. Шиленко считает, что «Выйское училище, пожалуй, было единственным техническим учебным заведением в России, в котором за редким исключением учились и преподавали крепостные, причем многие из поколения в поколение».

КРЕПОСТНАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ

К Черепановым Павел Николаевич относился довольно снисходительно — помнил покровительство родителей заводским механикам. Профессор В. С. Виргинский высказывает предположение, что тщеславному заводовладельцу imponировал интерес, проявленный к Черепановым знаменитым немецким ученым А. Гумбольдтом, одобрившим при посещении Тагила «отличные по своему устройству и пользам паровые машины».

Хуже складывались отношения с соратниками Черепановых, Ф. И. Швецов после заграничного обучения вернулся в Тагил в год смерти Н. Н. Демидова. Ему пришлось иметь дело с его наследниками. Будучи два десятилетия на службе у Демидовых, он управлял технической частью Нижнетагильских заводов, предло-

жил способ обогащения «продуктов, которые по убогому содержанию в себе меди шли прежде в отвал», помогал Черепановым в постройке первых паровозов, ставил опыты по использованию отходящих газов, изготовлению литой стали. В итоге был уволен и скончался в полной нищете в Томске после тяжелой болезни.

Литейный мастер Ф. Ф. Звездин прославил своими литыми фигурами заводы Демидовых на многих выставках, а в конце жизни его было приказано «уволить на свое пропитание по неимению в нем надобности». Талантливый механик П. П. Мокеев, не выдержав издевательств главного управляющего, покончил с собой...

Число крепостных на Нижнетагильских заводах в 1845 году превысило 43 тысячи, а вольноотпущенных было только 66 человек. По штатному списку на 1846 год в числе вольноотпущенных значились Ф. И. Швецов, его отец и братья, Ефим и Мирон Черепановы, братья Ерофеевы, Е. Устинов, И. С. Макаров, И. Ф. Макаров и некоторые другие.

Чтобы увековечить труд мастеровых и память о славной и трудной истории горнозаводского Урала, краеведы предлагают назвать одну из площадей Нижнего Тагила именем Черепановых. Она находится на Вые и знаменита тем, что в 1834 году на ней стоял первый русский паровоз Черепановых. Большими окнами на

Нижний Тагил в конце XIX века. Вид с Лисьей горы. В центре Выход-Иерусалимский собор.

нее смотрит двухэтажный кирпичный особняк — дом Черепановых. Невдалеке виднеется здание бывшего механического заведения, организованного Черепановыми еще в первой половине XIX века.

Характером Павел Николаевич пошел в отца. Делами себя не обременял, больше интересовался развлечениями. Жил в столице, имел там несколько домов-дворцов. Пристрастился к игре в карты и выигрывал людей, обеспечивая уральские заводы работниками. Это признавалось за особую хозяйственность и заботу о владениях. Село Шайтанка, ныне Николо-Павловское под Нижним Тагилом, было заселено крестьянами, выигранными у помещиков Рязанской и Черниговской губерний. А когда в поселке Черноисточинского завода начали строить православную церковь, то согнали сюда 600 мужчин и 700 женщин, тоже выигранных в карты.

АЛМАЗ САНСИ

В день свадьбы П. Н. Демидов подарил своей невесте Авроре Карловне алмаз. Крупные бриллианты редки, и потому во всем мире принято присваивать алмазам в 20 каратов и более собственные имена. Бриллиант Санси, подарок Павла Николаевича, был величиной с голубиное яйцо весом 53,5 карата и стоил владельцу 500 тысяч франков — зарплата рабочих всех его заводов за пять лет. История алмаза полна загадок.

Незавидная участь постигла первого его владельца — бургундского герцога Карла Смелого. Уверовав в чудодейственную силу камня, он носил его в шлеме, но был убит во время сражения при Нанси в 1447 году. Вражеский солдат, вынувший алмаз из шлема, продал его за один флорин. Около четырех веков Санси странствовал в Европе, переходя из рук в руки, получая то самую низкую, то самую высокую цену, был собственностью знаменитых особ и королей, служил предметом коммерческих сделок... До 1789 года Санси принадлежал французскому двору. Во время французской буржуазной революции скрывался в неизвестности, но в 1830-м объявился собственностью герцогини Б., по поручению которой ювелир Л. Бургильон сделал стразу — стеклянную копию алмаза.

По версии автора книги об алмазах Р. Г. Валеева, через 10 лет после смерти Бонапарта, т.е. в 1831 году по Парижу разнесся слух, что бриллиант Санси приобрел П. Н. Демидов. Покупка камня сопровождалась судебным процессом, ибо камень был признан краденым. П. Н. Демидов пригласил лучшего юриста Франции. Знаменитый адвокат из года в год

оттягивал слушание «дела» о покупке краденого бриллианта. В конце концов герцогиня Беррийская подтвердила, что Санси — один из ее фамильных бриллиантов и что она продала этот камень через

Глава Сибирского приказа А. А. Винуиц

подставное лицо. Злые языки говорили, что свидетельство герцогини обошлось Демидову еще в 150 тысяч франков.

По утверждению Р. Г. Валеева, молодая вдова Аврора Карловна, выйдя вторично замуж за Андрея Карамзина, принесла с собой в новую семью платиновую шкатулку с драгоценностями. В груди жемчугов, изумрудов и александритов был и бриллиант Санси. «В доме Карамзинных уникальный бриллиант находился с 1846 по 1917 г., а затем след этого замечательного камня теряется. Известно лишь, что он не был вывезен за границу и остался в России».

Какова в наше время примерная стоимость алмаза Санси? По сообщениям газет, на нью-йоркском аукционе в Сотби в 1988 году был представлен бриллиант Мандалай Раби весом 48,02 карата. Владельцы запрашивали за него 15 миллионов долларов.

РОКОВАЯ АВРОРА

Павел Николаевич Демидов женился поздно — всего за четыре года до своей кончины. Его женой стала фрейлина императорского двора Аврора Карловна, урожденная Шернваль. По воспоминаниям современников она слыла одной из красивейших женщин в Петербурге. Хотя многие, по словам писателя В. А. Соллогуба, предпочи-

тали ее сестру Эмилию Карловну Мусину-Пушкину, в которую был влюблен М. Ю. Лермонтов и которой он посвятил стихотворение «Графиня Емилия».

О красоте Авроры Карловны можно судить по известному ее портрету кисти знаменитого Карла Брюллова. Полотно хранится в Нижнетагильском музее-заповеднике и составляет его особую гордость.

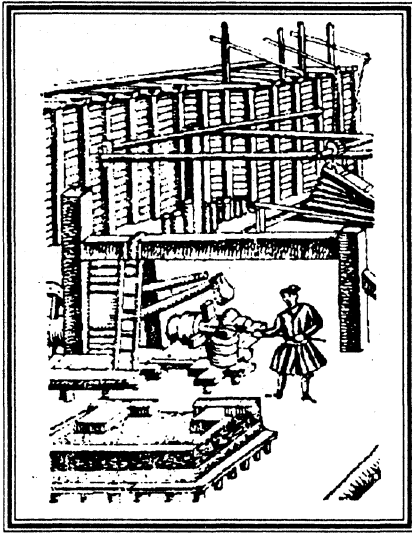
Баронессу Аврору Карловну Шернваль-фон-Валлен (1808-1902), дочь выборгского губернатора, воспевали в своих стихах поэты, ею восхищались, в нее безумно влюблялись. Среди поклонников Авроры были Е. А. Баратынский, П. А. Вяземский, В. А. Жуковский, Ф. И. Тютчев. Сохранились сведения о встречах А. С. Пушкина с сестрами Шернваль. Какой-то рок преследовал Аврору Карловну: в семь лет она теряет своего отца, умирают два ее жениха, причем второй неожиданно скончался в день свадьбы, за час до венчания. «Роковая Аврора» — говорили о ней современники.

Свадьба Авроры Карловны и Павла Николаевича состоялась 9 ноября 1833 года. Недолгая супружеская жизнь Авроры Карловны с Демидовым проходила в балах и развлечениях. Лето они проводили в Финляндии, в окрестностях Гельсингфорса, где собиралось большое и изысканное общество. А зимние вечера посвящали приемам в своем столичном доме.

Павел Николаевич с детства был слабым здоровьем, страдал болезнью легких. Скончался он в возрасте 42 лет, похоронен в Финляндии в поместье Шернваль.

В 1840 году молодая вдова и младший брат умершего Анатолий Николаевич остались владельцами огромного заводского хозяйства. Аврора Карловна приехала на Урал, в Нижний Тагил. Она повела дела с немецкой аккуратностью. Сократила многочисленную прислугу. Каждый день

Кричная фабрика

отчисляла совладельцу заводов А. Демидову 24000 рублей.

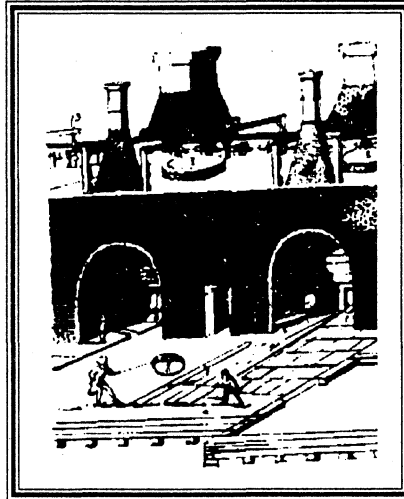
Шесть лет она не снимала вдовьего наряда, пока в доме Соллогуба не встретилась с Андреем Карамзиным, сыном знаменитого историка, их брак благословил Ф. И. Тютчев, знавший Аврору еще по Москве и любивший ее.

После женитьбы на Авроре Карловне А. Н. Карамзин стал опекуном ее малолетнего сына от первого брака — Павла и в этом качестве управлял унаследованной мальчиком частью огромного демидовского состояния совместно с Анатолием Демидовым. Он бывал в Тагиле. «Его пребывание на заводах является, кажется, лучшей страницей в их истории, по крайней мере, старожилы вспоминают о нем с благоговением, что и понятно, если принять во внимание жестокие заводские порядки крепостного времени», — писал Д. Н. Мамин-Сибиряк.

Потом Андрей Николаевич Карамзин уехал на Крымскую войну, воевал с турками, а погиб в Валахии в бесславном сражении с восставшими крестьянами. Аврора Карловна долго хлопотала, чтобы его тело вывезли с места гибели в Петербург, что и было сделано. На Госпитальной площади в Нижнем Тагиле Карамзину поставили довольно массивный чугунный памятник. До наших дней он не сохранился.

После смерти Карамзина в 1854 году Аврора Карловна больше замуж не вышла. Она была вхожа в высшие светские круги, много жертвовала на приюты и школы, помогала голодающим и сиротам. Благотворительность началась после смерти мужа, когда она осталась богатой наследницей. В. А. Соллогуб писал в воспоминаниях: «Я видел не так давно Авро-

ру Карловну, и она даже старушкой остается прекрасной». Старушка пережила двух мужей, младшего брата первого мужа — Анатолия Николаевича, двух сестер и брата, своего единственного сына Павла Павловича Демидова и двух его жен. Прожила она 94 года. Скончалась в 1902 году в Финляндии. В особняке А. К.

Домна первой половины XVIII века

Шернваль-Демидовой-Карамзиной согласно ее завещанию теперь располагается городской музей Хельсинки.

ДЕМИДОВСКИЕ ПРЕМИИ

Будучи губернатором в Курске, Павел Николаевич прослыл благодетелем края. Во время холеры 1831 года построил четыре больницы. На его деньги был воздвигнут памятник поэту И. Ф. Богдановичу. Демидов увлекался античной археологией и стал почетным членом Академии наук и искусств в Ареццо и Сиене. Ему посвящен один из лучших путеводителей того времени по Риму, написанный итальянским археологом Антонио Нибби, который сопровождал П. Н. Демидова во время осмотра римских античных памятников. Этим путеводителем пользовался и высоко его ценил Н. В. Гоголь, знаток истории и искусства древнего Рима и итальянского Возрождения. И все-таки Павел Николаевич больше известен как учредитель знаменитых Демидовских наград.

17 апреля 1832 года в конференц-зале Петербургской академии наук состоялось первое присуждение новой академической премии, учрежденной уральским заводчиком. Учредитель ежегодно вносил

в Академию наук по 20000 р. ассигнациями «на награды за лучшие сочинения о России» и по 5000 р. «на издание увенчанных академиею рукописных творений». По завещанию и после смерти учредителя деньги продолжали поступать в течении 25 лет. Премии делились на полные — по 5000 р. и половинные — по 2500 р. За все время существования премий (1832-1865) было рассмотрено 903 сочинения, из них получили премии: полные — 55, половинные — 220, отмечено почетными отзывами — 127. В списке лауреатов против некоторых фамилий отсутствуют даты жизни, не нашлось и каких-либо биографических данных. Таковых сейчас насчитывается 20 человек: двое из них лауреаты полной премии (Иохим, Л. Э. Шварц) и 18 — половинной премии (Р. Гельмерсен, Григорьев, Боде, Дихт, Саломон, Татаринов, Георгий Эвлампиос, Г. Я. Ильенков, Г. М. Вольфельдт, П. Савваитов или Завваитов, К. Ватфлеф, Георг Бревверн, о. Савва, Воскресенский, Борман, Боннель, Геппнер, А. Васильев, Р. Э. Ленц). Называю эти фамилии, чтобы привлечь внимание краеведов.

На пятом году существования премии ее учредитель ходатайствовал перед Академией наук о присуждении оной Н. В. Гоголю за комедию «Ревизор» — так она ему понравилась. Академики на собрании 17 апреля 1837 года отказали учредителю в его просьбе, напоминая положение о наградах, где в области литературы премии предусматривались лишь за сочинения по теории изящных искусств и словесности.

Интересна сохранившаяся переписка великого писателя с П. Н. Демидовым. В письме 1839 года Николай Васильевич пишет Демидову: «Нет, во что бы то ни стало, но я должен вас видеть... Не зная еще ваших достоинств личных, я вас почитаю по имени, которое слилось с народностью и Россиею и осталось с ними нераздельно с вашим подвигом для просвещения».

Место Демидовских премий в культурной жизни России весьма весомо. В числе лауреатов 275 премий были Н. И. Пирогов (4 премии), П. К. Пекарский, Д. И. Менделеев, П. Л. Чебышев, Н. Я. Бичурин (4 премии и почетный отзыв), А. Н. Пыпин. Но не забудем, что «трудом тысяч и тысяч уральцев многих поколений, — цитирую статью А. Мосина, — ...заработана та четверть миллиона рублей серебром, которую затратил Демидов на поддержку всего талантливого в науке».

Репродукции Ивана КОВЕРДЫ

Анатолий ЕМЕЛЬЯНОВ

ЦАРЕВИЧ И ПОЭТ В ПРИИСЕТЬИ

В 1837 году 19-летний наследник престола великий князь Александр Николаевич по приказу отца императора Николая I совершил путешествие, чтобы «узнать Россию сколько сие возможно и дать себя видеть будущим поданным».

Из Питера выехали 2 мая на 11 экипажах. Царевича сопровождали наставники, адъютанты, лейбврач, камердинеры, фельдъегери. Всем сопровождающим велено было вести дневники. В том числе и поэту В. А. Жуковскому, уже более десяти лет состоящему наставником наследника престола.

К счастью, дневник поэта сохранился. Выписываю из него строки, касающиеся г. Ялуторовска и Приисетья.

«5 июня 1837 года.

Переезд из Тюмени в Курган. Бедственное начало дня в Тюмени. Раздавленная женщина.

...Около Ялуторовска глубокий песок и березовые кусты. Подъезжаю к городу — две прекрасные березовые рощи. Из-за реки белая колокольня. Город на широкой веселой равнине. Около самого горы песков. Приятное место. У въезда в город пруд. Строение бедное. Городничий, почтмейстер и скакун на дрожках, коим я поручил поклоны Якушкину, Черкасову, Муравьеву.

Ялуторовск — Сл. Бешкильская — песок сыпучий мысами. Березовые кусты и рощи. Метель песку — на 15 версте подстава в деревне Русский Сингуль. Прекрасный луг. Несколько курганов. На одном мельница ветряная. Сл. Бешкильская — Исетская. Обед. Глупая ссора за столом. Не возвратиться ли мне? Ошибка (неутешное сожаление).

Исетская — Боровлянская. Характер степной природы. Необозримое поле с прелестными рассеянными рощами. Переезд и мост через Исеть, построенный для вел. князя. А в. к. и не показался. Равнина усыпанная мельницами. У смены исправник Черкасов. Якушкин один. Муравьев, женатый на воспитаннице Бранта, совет в Бух-

тарме. С Тизенгаузеном, который завел свой дом. Черкасов один. Янтальцев. Соболевский. Часть дороги песчана.

Боровлянский завод — Сладковская. Боровлянский завод без действия 8 лет. Вся дорога до подставы 15 верст песчана — столбы на дороге, начиная от Тюмени. Треугольник загородки в Курганском уезде. Конец пескам. Остальной переезд сонный до Кургана. Свидание с Нарышкиным».

Вот и все. От Тюмени до Ялуторовска 70 километров, от Ялуторовска до Исетска — 75, отсюда до Кургана — 135. Итого 280 километров. На лошадях, а не на автомашине по асфальту, Курганский тракт отходил от Ялуторовска и через Слободу Исетскую шел через Курган до крепости Пресногорской Акмолинской области, на его пути было 18 селений и жило в них 16066 человек. К приезду великого князя тысячи крестьян в течение многих недель кирками и лопатами выравнивали, благоустраивали дорогу.

И. Завалишин в своей книге о Сибири писал: «Дороги и почты хорошо устроены, возят быстро, ямщики ловки и расторопны, лошади крепки и гонки».

А сейчас поясним краткие записи В. А. Жуковского, ибо без этого многое читателю не понять.

Итак, кортеж наследника выехал из Тюмени 5 июня. «Бедственное начало дня в Тюмени. Раздавленная женщина». В толпе народа, стремившегося за великим князем, пострадала женщина, ее ушибло колесом. «Я оставил ее, — читаем зачеркнутый текст дневника, — на руках нашего поддекаря, — не знаю, что он скажет. Городничему дано 200 рублей для лечения. Но этого мало».

Наверное, поэтому В. А. Жуковскому пришлось отстать от общего поезда. Он приехал в Ялуторовск в ту минуту, когда «великий князь выезжал из него». Поэт горько сожалел, что не остановился в городе и не повидал бедных изгнанников, декабристов, удалось лишь передать

поклоны через встретивших его городничего, почтмейстера и «скакуна на дрожках».

Тем временем наследный князь обозревал Ялуторовск — столицу огромного округа с площадью в 18353 кв. версты.

Основан город в 1659 году тюменскими крестьянами Гилевым и Ульяновым. В 17 веке был он острогом (крепостью), окруженным «стоячим тыном» длиной в 210 сажений, позднее забран горизонтально в столбы по периметру в 2 версты при трех проезжих башнях в сторону — одна в Тюмень, другая в Тобольск, третья в Исетскую провинцию. А с полевой стороны выкопан был ров, возведены надолбы и рогатки.

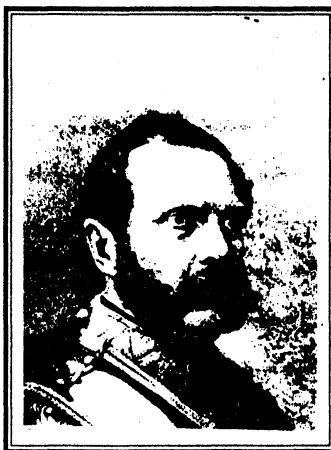
В остроге находились солдаты, пушки, пищали, как они были и в укрепленных местах Исетской провинции — Рафаиловском мужском монастыре, Архангельской и Кодской монастырских заимках, и, конечно, Исетском остроге.

К приезду знатного гостя Ялуторовск был уже «довольно красивым окружным городом». Украшением его служили две каменные церкви да два-три небольших каменных дома, в одном из которых находилось уездное училище.

Великий князь помолился в Сретенском соборе. Собор этот двухэтажный, построенный в 1777 году, имел два престола — в честь Сретения Господня и во имя славы Живоначальной троицы, а в штате — протоиерия, двух священников, дьякона и трех псаломщиков.

Поэт же спешил догнать уехавших. В д. Русский Сингуль в 15 верстах от Ялуторовска он сменил лошадей, а через 35 верст въехал в первый населенный пункт Приисетья — огромную Слободу-Бешкильскую, промчался через деревню Скородум, с. Архангельское, д. Сплывайку. Ее после этого стали называть Царской деревней.

От жителей деревушки я узнал, что здесь, за мостиком, переброшенным через речушку Средний Бешкиль, останавливался на отдых будущий император Александр. Дескать, в ожидании его

Великий князь Александр Николаевич

приезда местные власти руками крестьян так прибрали и разукрасили деревушку, что прошло столько лет, а жители до сих пор с нескрываемым удивлением вспоминают об этом событии.

До приезда царевича славилась Сплывайка больше странными названиями: Красавина, Зеленая Бараба, Большая Мельница, Ветроудуйка. Теперь стала Царская деревня, а че-

ремуховый колок, где отдыхал царевич, — Царевой рощей.

Жаль, что эта по-своему красивая, хотя и бедная деревушка в наши годы оказалась неперспективной и исчезла с лица Приисетья. Перепахали ее, засеяли хлебом, и только несколько могучих тополей напоминают, что здесь когда-то была деревня. Говорят, что собираются сплывавцы в один прекрасный день съехаться со всего белого света в родные места и решить, как им возродить или хотя бы увековечить памятником свою Красавину.

Миновав Сплывайку, В. А. Жуковский въехал в волостное село Бешкильское, а через 12 верст — в Исетскую слободу.

Исетская провинция Оренбургской губернии, столицей которой был Исетск, некогда охватывала огромную территорию. На западе граница проходила по Уральскому хребту, на востоке провинция граничила с Сибирью. Северные ее районы примыкали к Екатеринбургскому горному ведомству, на юге смыкались с государственной границей Российской империи.

С 1747 года Исетск стал уездным городом, в состав которого входили ныне здравствующие районы — Шатровский, часть Белозерского Курганской области, Исетский, часть Упоровского Тюменской области и часть Свердловской области.

К приезду же именитых гостей Исетск стал обычной слободой, волостным селом. Была в нем двухпрестольная церковь, построенная в 1816 году на средства прихожан и купца Кожевникова, волостное правление, почтовая и

земская станции, ярмарка в девятую пятницу после Пасхи и торжок 20-22 октября. Через Исеть моста не было, а только перевоз.

Вот как писали о посещении Исетска великовельможными гостями «Тобольские епархиальные ведомости» за 1918 год, приводя слова очевидца:

«1837 г. июня 5(18) в субботу в 5 часов вечера в Исетском удостоился видеть Его Императорское Высочество великого князя и наследника Александра Николаевича, на 20 году от роду, лицо его белое, полное, глаза серые, пронизательные, ус небольшой, русский, собою корпушен и осанист, и красив, ростом примерно 2 аршина 8 или 8,5 вершков, в коляске путешествовал открытой, в свите его был полковник Юрьевич, чернявого лица, молодой, роста посредственного, лет примерно 18.

Церемониал при церкви следующий был: царевич, не доезжая до Исетска верст за пять, начал благовест в один колокол, когда подъехал к селению, то во вся, и по отъезде тоже во вся. Народ кричал по приезду и отъезду «ура».

О других сопровождавших не сказано ни слова.

В Исетске, по всей вероятности, в Земской станции для приехавших был организован обед, где произошла «глупая ссора», вызвавшая «неутешное» сожаление В. А. Жуковского и даже желание прервать путешествие и возвратиться обратно.

Чем была вызвана ссора? Вероятнее всего, не простил царевич Жуковскому его задержку в Тюмени из-за ушибленной женщины. Теперь вместо 3-го номера в дорожной кавалькаде дали поэту № 5 с худыми лошадьми и тяжелым экипажем. В неотправленном письме на имя великого князя Жуковский писал: «Признаюся Вам, что такое обращение крепко мне не нравится». Дело, конечно, было не в номере — рушились надежды наставника воспитать из наследника престола гуманного монарха.

Остановка в Исетске была недолгой: предсто-

Поэт В. А. Жуковский

яло проехать еще 135 верст до Кургана. Кавалькада из 11 экипажей промчалась через специально построенный через реку Исеть мост.

Теперь ждал путешественников пос. Боровлянский, что в 30 верстах от Исетска.

В 1662 году тюменский крестьянин Тимофей Невежин с небольшим отрядом построил Царево городище у подножья большого кургана. Впоследствии Городище было переименовано в Курганскую слободу, а с 1872 года по указу Екатерины — в г. Курган.

На пути из Исетска в Курган в 1724 году на р. Боровка и была поставлена д. Боровлянка.

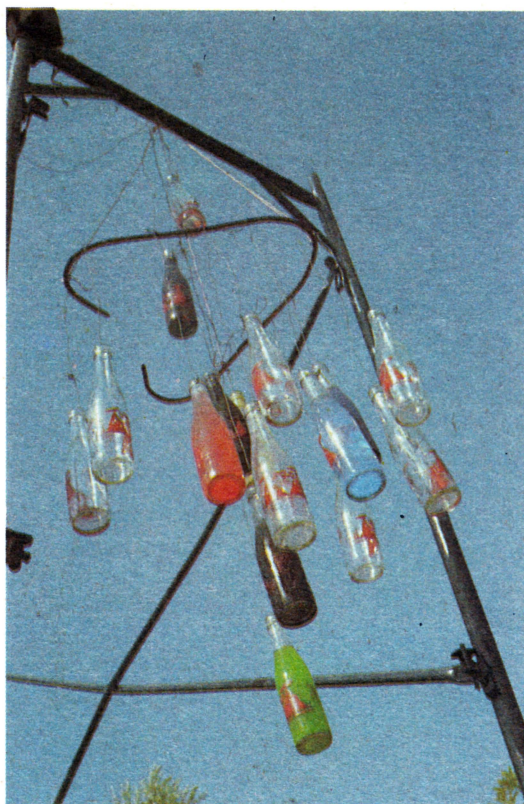
Со временем деревня стала богатеть. Через нее гоняли на продажу из Казахстана в Тюмень отары овец, гурты крупного рогатого скота, табуны лошадей. В 1742 году управитель Исетского уезда Константин Выходцев построил винокуренный завод, получивший название Исетско-Боровлянский. Завод просуществовал до 1831 года, из них последние 42 года — как каторжный завод.

На этом заводе, с 10 февраля по 7 июня 1829 года отбывал каторгу национальный герой Украины Устим Кармелюк. Через 4 месяца он бежал, выбрав удобный для этого момент. Версий побега несколько. По одной из них Кармелюка послали на копку глины в местечко Раскаты, недалеко от с. Боровлянка. Пришлось заночевать. И вот ночью, в кандалах, Кармелюк бежал.

В Исетском народном музее (филиал Тюменского облмузее) вам покажут ножные кандалы, найденные школьниками в Теренкульском озере, недалеко от тракта Тюмень — Курган. Кто знает, может, принадлежали эти тяжелые оковы одному из тех каторжан, кого гнали вместе с Кармелюком на Боровлянский завод. Покажут картину местного художника В. И. Сухова «В. А. Жуковский в Исетске». □

В Исетском народном музее (филиал Тюменского облмузее) вам покажут ножные кандалы, найденные школьниками в Теренкульском озере, недалеко от тракта Тюмень — Курган. Кто знает, может, принадлежали эти тяжелые оковы одному из тех каторжан, кого гнали вместе с Кармелюком на Боровлянский завод. Покажут картину местного художника В. И. Сухова «В. А. Жуковский в Исетске». □

Слайды Олега ВОЛКОВА

МЯСНОЙ БОР

Четыре миллиона солдат не захоронено с прошлой войны. На местах боев сеют, пашут, пасут скот — буквально на костях наших с вами дедов и прадедов.

В этот заболоченный лес под названием Мясной Бор, что находится под Новгородом, до сих пор не ходят даже грибники и ягодники. Здесь в начале сорок второго года полегли остатки целой армии. Задуманное советским командованием наступление на Ленинград провалилось, и вторая ударная армия попала здесь в окружение. Только около десяти тысяч из ста двадцати тысяч солдат смогли вырваться из «мешка». Тридцать тысяч попало в плен. Остальные остались лежать в новгородских болотах...

Для того, чтобы откачать воду из воронки от бомб, требовалось двенадцать-четырнадцать часов. Это тяжелая работа. Нелегко и расшифровывать пролежавшие в земле столько лет солдатские медальоны. Не говоря уже о том, что собирать человеческие кости в гробы — это просто душевная боль... Не всякий такое выдержит.

Ни бывшее министерство обороны, ни правительство пятьдесят лет не проявляло интереса к поиску и перезахоронению останков: над павшими бойцами Второй ударной все эти годы висело проклятье «власовцы», «предатели»... А с «предателями» и «врагами народа» у нас не считались. О судьбе армии, об обстоятельствах ее гибели, о роли бывшего советского генерал-лейтенанта А.А.Власова, выведшего из окружения в самом начале войны две армии, нет ни серьезных исследований, ни книг, ни воспоминаний.

Шестнадцати-семнадцатилетние ребята приехали в Мясной Бор по своей воле. Их было шестьсот — из разных поисковых отрядов всего СНГ, которых объединила ассоциация «Возвращение». Приехал отряд и из Свердловской области, вместе с ним работали два отряда екатеринбургских суворовцев. Можно было встретить здесь и зарубежные экспедиции, с которыми приехали немцы, итальянцы — потомки тех, кто воевал по другую сторону линии фронта.

В этих болотах нужны были хотя бы старенькие палатки, ношенные сапоги. Но и без них обходились. Своими руками собирали ребята кости в гробы, копали братские могилы, искали медальоны.

В прошлое лето в Мясном бору похоронено самое большое количество солдат. Надо упокоить и оставшихся. Под Новгородом и в это лето встанет стационарный лагерь. Соберитесь, кто крепок духом — слабому тут делать нечего.

Владимир
ЯКУБОВ

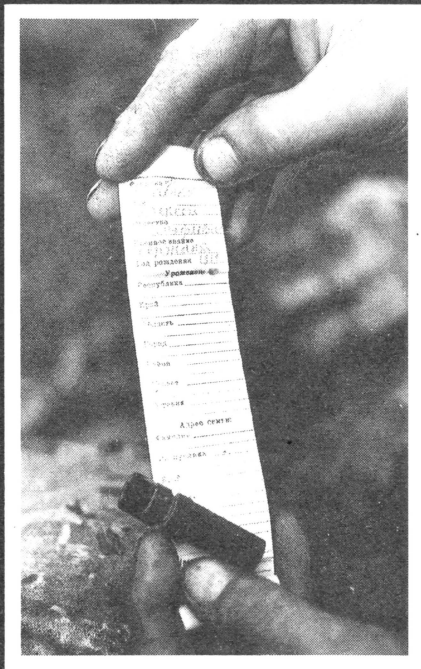

Фото автора

УРГУПСКАЯ ВСТРЕЧА

Елена БАГИНА, Олег ВОЛКОВ

ЕАСА-92 в ТУРЦИИ

Едва ли многие знают, что такое ЕАСА. Расшифровывается аббревиатура так: Европейская Ассамблея Студентов-архитекторов. Проводится она в разных странах Европы с 1981 года. В 1991 году проходила в России, а в 1992-м студенты-архитекторы и преподаватели архитектурных вузов из всех европейских стран собрались в Турции, в маленьком городке, расположенном в центре самой экзотической турецкой провинции Кападокии. Фантастические ландшафты оказали идеальным окружением для проведения архитектурных и околоархитектурных экспериментов, в третий раз в этих встречах участвовали студенты и преподаватели из Екатеринбурга.

Обыкновенно для ЕАСА заранее выбирается тема. Тьюторы, то есть те, кто хочет руководить работой творческих семинаров (воркшопов) от английского workshop — мастерская) разрабатывают программу на две недели. Студенты вольны выбирать воркшоп и тьютора на свое усмотрение. Если выбранный воркшоп по каким-либо причинам разочаровался, можно перейти в другой без обид и объяснений, можно работать сразу в нескольких. Никакого насилия, полная свобода творчества!

Лидеры среди тьюторов выделились уже на презентации, где каждый, как мог, рекламировал свой семинар. Некото-

рые выступления напоминали лекцию, другие, напротив, гротескное шоу. Но в любом случае от чуткой аудитории невозможно было скрыть за броской формой отсутствие содержания. Студенты хотели работать с тем, кто действительно мог увлечь и чему-нибудь научить. Из 26 заявленных воркшопов только 6-8 имели популярность и стойких приверженцев. Среди них, без ложной скромности, наш, русский — «Кристаллический купол в небе», где ежедневно трудились 20-25 человек. Здесь учили проектировать складчатые конструкции из плоских элементов и строили огромный кристаллический купол из картона.

Тема ЕАСА в Турции — «Взгляд на окружающую среду 2000 года». Как оказалось, к этой теме может иметь отношение очень многое — даже керамические горшки, которые с увлечением лепили участники ЕАСА в настоящей керамической мастерской на ручном гончарном круге.

Каждый вечер профессора из разных стран читали лекции в городском зале собраний, и каждый вечер зал был полон. А после лекций устраивались национальные вечера, где та или иная делегация организовывала театральное представление, показ слайдов или фильмов и посильное угощение. Были и экскурсии — платные, бесплатные и почти бесплатные: подземный город, византийские христианские монастыри, караван-сарай и прочее...

Но самое главное на ЕАСА в Турции были не развлечения и поездки и даже не архитектурные эксперименты, а то, что удалось познакомиться и поработать с интереснейшими людьми из разных стран. Невозможно описать все встречи, но об одном тьюторе турецкой ЕАСА-92 не упомянуть невозможно; о Рудольфе Дорнахе из Германии.

Рудольф называл себя интеллигентным фермером, собирал семена растений, наблюдал за жизнью черепах и скорпионов. Его мастерская была самой серьезной и самой конкретной. Там учились строить шалаши и жилые дома с каркасом из живых растений, строили солнечные печи и туалеты, знакомились с основными принципами биотектуры — одного из экологических направлений современной архитектуры, в котором используются только естественные материалы: например, растущие деревья, и природные источники энергии. — солнечный свет, зимой — снег в качестве теплоизолятора. Биоструктуры Дорнаха известны во всем мире, его книги пользуются популярностью. Вероятно, после ЕАСА-92 последователей биотектуры станет гораздо больше.

Турецкая встреча закончилась, но последствия ее, думается, будут влиять на судьбы многих ее участников, в том числе — наши, еще долгое время. Может быть, она изменила что-то и во взгляде на окружающую среду сегодняшнего дня. Как знать?..

БЫВШИЙ

МОТЫЛЬКОВ

Юлия КОКОШКО

На этот гигантский, до потолка, в два пятьдесят длиной холст нанес неизгладимое жизненное впечатление мой знакомый Опушкин и назвал свою продукцию: «Портрет молодого человека в белом». Как гражданин наслышанный, он, конечно, слышал, что у одного великого британца двухсот с полтинником с медяками лет тоже имелся на картине некий юнец, но тот был в голубом и в английском, а сей изображенный приятель — в американском и в белом, в теннисной майке с широким призывом: «Кисс ми!» и в снежных джинсах с гербом штата «Аризона» в должном гербовом месте, хотя по природе своей являлся простым советским человеком и звали его Мотыльков Вадим Иванович. Что же до моего знакомого Опушкина, тот и вовсе был странным существом — не человек, а холодец из собственных рогов и копыт, но ничья рука его не посолила и не поперчила, просто холодец заливается в праздничные блюда-ладьи, чтоб придать ему значительную конфигурацию, а этот случайно выплеснули в полосатую пиджачную пару пятьдесят шестого размера и в скосбоченные вельветовые туфли с бантиками, вот он и принял форму человека. Но, конечно, остался собой недоволен, да и все им были недовольны — что хорошего, если холодец, вместо того, чтобы быть заправленным, чем надо, и с ь е д е н н ы м, разгуливает по улицам и сам уничтожает гастрономические предметы? Может, у кого-то из-под носа прощальный сервелат забирает? Впрочем, тут я вру — уступил бы, слезно вымолил позади стоящих принять сервелат, и на язву бы свою сослался, вы что, при язве — сервелат? — милочка, да вы же Медея! Вот таков был ротозей Опушкин, а вздумалося ему живописать, вернее — худописать порядочных людей, маэстро нашелся, а на деле-то — смиренный сучок бухгалтерского древа, вот куда его пристроила жизнь. Не слишком, скажем, позаботился. Вот он и возмечтал быть другим, с солью, с перчиком. И не каким-нибудь типовым, как бог с ремесленничал, а как индивидуальность на портрете — Мотыльков Вадим Иванович. Так страстно возмечтал, что и Мотыльков в бухгалтерском исполнении получился ничуть не хуже, чем у британского пост-пенсионера. Блистательный, светский, весь преуспевающий в делах, а так же и по любовной части. И такой породистый у него был экстерьер, американского роста, с бесстрашным ястребиным взором и отчасти нахальный, но чрезвычайно ослепительной улыбкой. А однажды мне пришлось наведаться к Опушкину, то ли пятерку от него отстегнуть, то ли патентованный рецепт на изготовление холодца... Вот тогда мне и явилось изображение Мотылькова, видение Вадима Ивановича, и сердце мое переключило скорость, ах!

— Кто это? — спросила я у горделиво раздувающегося за моим плечом худописца.

Но тут с Опушкиным произошла обратная метаморфоза, он испуганно вплыл обратно в свои посудины и так сник, что и горловина пустой оказалась. И выкрикнул из глубин, от третьей пуговицы, престранное сообщение:

— Это бывший Мотыльков.

— Бывший? — удивленно переспросила я. — Разжалованный из Мотылькова в Куколкина?

— А вот так. Бывший, — сердито прошептал бухгалтерский работник, шокированный моей неуместной шуткой, и где-то глубоко внутри даже всхлипнул. — А не придерживаетесь ли вы той весьма распространенной и весьма, мне кажется, неверной теории, что каждый полу чаёт то, что заслужил? Ведь жизнь поразительно несправедлива-с...

— Да, придерживаюсь! — сказала я. — Каждому — по заслугам. По собственной стоимости!

Но тут нахально усмехнулся Вадим Иванович Мотыльков.

— Стоимость — вещь архисубъективная, лапонька. Смотря кто нас оценивает, — заметил он. — Могут в пятак, а могут — в миллион. Я вот некогда стоил два миллиона сто тысяч сорок копеек, а теперь распят в опушкинской недометражке. А что во мне переменилось? — но тут он замолчал, потому что спохватился, потому что говорящие портреты — сплошное беззаконие.

Мир охладел к Мотылькову.

Он охладел, пока Мотыльков болтался в командировке, какую-то там неделю. Пока он жил в провинциальной гостинице с узким и знойным, как духовой шкаф, буфетом, распляющимся в округу благоговения кислой капусты в томате, и с сортиром на одну персону-грату по т у сторону коридорного экватора, в ледяном континенте. На этажах дворца кемарили оплывшие совы-администраторши с резиновыми лопатками под мышкой, орудием казни мух, а на третьем — ах!.. — на третьем через день восходила административная супер-звезда по фамилии: «Смерть командировочным!» — и как местный образчик была исключительно недурна, правда, чуть-чуть подвядшая, августовская, тридцати с мелочью, но в дни ее дежурства Мотыльков придумывал десятки причин, чтобы прошвырнуться, красуясь, по капустному у гостиничному прешпекту, скользнуть взглядом по горячительным ножкам и выпустить пару-тройку огнестрельных комплиментов.

За отсутствием ресторана, он уписывал по утрам в буфете соленый до судорог жареный круг колбасы, этакое свински-розовое Колесо Фортуны, и отправлялся на дело. А возвращаясь, неспешно прогуливался вечерним бульваром, смущая снисходительным и оценивающим взором барышень и будоража общественность. А летний бульвар в угоду Мотылькову наряжался в нежные чайные розы и прочие компотные соцветья, и запускал горячие ветродуи в листве и в травах, и разбрасывал в кустарниках цветочки-конфетти... Напомаженные дамы, по-гусарски звякая шпорами-каблуками, неслись ему навстречу, вышмыгнув из учрежденческих подъездов, сбежав из дому в забвении выключить очаг и вытряхнуть младенческий горшок, и переметнувшись с других улиц, потому что по другим Мотыльков не прогуливался. И фривольные затлетные мотивчики тоже птичками скользили за ним, и легко-

мысленные летние разговоры сладко плескались вокруг, даже солнце и то преданным адъютантом мчалось ему вослед, продираясь сквозь клокочущие аплодисментом ветки и выдирая свои бесчисленные конечности, чтобы мчаться дальше... Но то доигрывались последние, прощальные финалы любви. И мотивчики были лебедиными и кровожадными. И дамы, полюбовавшись им, испустив неутоленный вздох, шныряли в гастрономические врата за селедкой и кашей «Артек», и в овощные — за капустой и томатом, а блестящий Мотыльков блаженствовал и ни о чем не догадывался. И воображал, что великие летние погоды будут стоять над ним всегда, и безмятежное небо — этот гущенный ультрамарин — всего лишь его, мотыльковский парашют, который он, если захочет, так отстегнет сам, а не захочет, так вечное лето ему обеспечено.

Он поднимался по окислившейся гостиничной лестнице, где под ржавыми скелетами пальм стояли плюшевые диваны, а на них дымили роскошными сигаретами сощурившиеся братья из солнечных республик, и целились взглядами, и подшибали на лету откомандированных куропадок. А рядом туснели зеркала в музейных рамах, и Мотыльков щедро одаривал каждую раму Портретом Молодого Человека в Белом, ослепительного субъекта, укротителя жизни, а чего ж ему не быть укротителем, если дамская фракция богов, то есть богинь, вздыхало по нем столь же страстно, как и смертные сестры, и Мотыльков был надежно бронирован и неуязвим и для масштабных вражьих козней, и для мелкотравчатых коммунальных пакостей.

Проходя мимо супер-звезды, он отклонялся и узрел подкапывающегося к звездному сердцу коварного постояльца в усыпанной якорями пляжной кепке с красным пластмассовым козырьком и кротинными усиками. А потом Мотыльков отправился в буфет, чтобы, корчась в судорогах, сжевать очередную порцию жареного свинства, а перед супершей уже сидел пылающий плодово-ягодной, за два-сорок, страстью прапорщик и тоже забрасывал удочки, а свалывшаяся голова его, отягощенная грезами об улове, скатилась и возлежала на правом погоне, как на подносе.

— Ну ведь ты же человек, а человек выше, чем зверь и птица, — ласковым педагогом для младших классов ворковала звезда, но прапорщик был не человек, а рыбак, да к тому же и пьяный в хлам, прапорщик обожал комнатных рыбок, а на прочую живность страстно плевал.

Мотыльков фыркнул, а еще через час пропутешествовал за сигаретами, а перед супершей восседал уже партикулярный муж с впечатляющим распузыренным портфелем, это и был между прочим наш общий знакомый. Ха-ха, сказал Мотыльков, да это же о'Пушкин, он всегда так его называл для собственного удовольствия, диетическая личность, вечно во-

зит на себе, как ишак, этот разжиревший портфель с термосом и Хеопской горкой бутербродов, нежит-холит-пестует свою язву. А как просительно заглядывает всем в глаза, в чужой райский сад заглядывает, на цыпочках и из-за оградки, а не за плодами ведь полез — обратно язва. Пусть бы только с ним пощобетали о том, о сем, о духовном... И перед звездой расположился задаром, беседовать девические беседы, а гулять на Москву-реку — господь спаси от такого нецеломудрия! Да только дамская интуиция звезду не подвела, и если на прочих своих поклонников она взирала импонирующе, то на беднягу Опушкина выплескивала проргоркий осадок.

Мотыльков подмигнул звезде, и звезда ему подмигнула. И тогда Мотыльков притормозил у ее стола и широко улыбнулся.

— Ба, кого я вижу! Соотечественник и даже соконторец! — бурно приветствовал он Опушкина, коего вовсе не собирався замечать, не подмигни ему суперша. И с оказанных Опушкину незаслуженных щедрот игриво вонзил в него «козу». — Давно ли в сей Гвинее?

— Вадим Иванович? — озарился Опушкин. — Как я рад, как несказуемо счастлив, что в такой вот... хм... действительно Гвинее — и вы! — однако, мотыльковская «коза» его несколько смутила, и в ответ он церемонно подал ручку. А ведь прежде никогда не подавал. Да Мотыльков с ним и не здоровался. Так, разве что крикнет для собственного удовольствия: «О-о-о! Пушкин!..» Но поскольку Мотыльков спас беднягу от чреватых поступков, принял милостиво на грудь, и звезду спас, то ручку, так и быть, великодушно тряхнул. А счастливый Опушкин чуть было не растаял, чуть было не вытек из посуды, но спохватился, втек обратно и засуетился.

— Прошу всяческих пардонов, но — такая немислимая встреча, коллега по предприятию... — забормотал он звезде. — А что, Вадим Иванович, не осквернимся ли коньячком? — вдруг фамильярно спросил он, еще доигрывая в здешней епархии свою роль. — У меня наличествует! Идемте, идемте в мой чертог.

Ишь ты, ишак припортфельный, как размахнулся! И блестящий Мотыльков похотел про себя и двинулся за ним, очень хотелось проглотить проклятый кус жареной колбасы, да и интересно было, неужто Опушкин отважится? И интереса ради он дошел до опушкинского чертога. Славный был чертог, совсем как у Мотылькова: лыжина-лежанка, креслице, обглоданный тараканами стол и телефон со справочником, с расчерченной на тыльной стороне корки пулей на троих, до ста. А на океанской столешнице и впрямь мерцал этаким вот дальний, еле видный маячок, стограммовая мензурочка с трехмощным созвездием.

— Ах ты, моя сиротка! Птенчик! — жалостливо произнес Мотыльков и нежно пощекотал тощее птенчиково горлышко.

— Так ты заливаешь, Опушкин? Я-то думал, что вся твоя жизнь под штандартом язвы вершится, а ты вон зелье купил. И небось бешеные купюры просадил?

— Ничего, ничего, Вадим Иванович, для содержательного диалога только на пользу, — и Опушкин смущенно протирал полотенчиком два граненых сосуда, и золотую шляпку поддел пальцем за козырек. — А я вот здесь на ревизию... А погоды стоят какие, а? Буйство, неистовство, июльский пир! Впечатляющие стоят погоды! Вы не находите?

— Да не открывай, голубчик, не срывай печати, — уныло зевая, сказал Мотыльков. — Прости скотину Мотылькова, а только в тот исторический час, когда ты подкатил к молодежи, у нас с ней было условлено о любовном свидании. Пришлось, так сказать, обезвредить территорию. Да к тому же я отродясь из наперстков не потребляю. Все, милый, ящиками да бочками. Ну, не поминай лихом! До встречи в родной кормушке.

— Да когда же вы отбываете?

— С первой лошадей.

И белоснежный Мотыльков оставил холодца трепыхаться от обиды, а сам направился к административному посту.

Принят он был, естественно, по высшему разряду, и в ответ завел прелестные беседы о патриархальности брачного института и о безбрачной любви до гроба. И ножками полюбовался, осязательно полюбовался, и сувенирный поцелуй запечатлел, но, как землячок, на сих стыдливостях и ограничился. Потому что держать марку родного града не входило в задачи Мотылькова, а четвертая очередь после пляжной кепки, рыбного браконьера-прапора и Опушкина его не устраивала. Потому что Мотыльков везде привык быть премьером, и снимать сливки, и откупоривать, и разрезать ленточки. И потому, что Мотыльков был сыт и влюблен, что конечно же не мешало ему замечать прочие прелестные наборы ассорти, но Мотыльков вносил их в резервный список. И вообще, как человек нравственный, Мотыльков всегда поклонялся одной только даме. Другое дело, что те менялись, и продвигались по резервному списку еще выше, а менялись порой даже дважды в неделю, но зато уж ни одна из них не могла пожаловаться, что Мотыльков расплывается. Мотыльков никогда не расплывался и в каждый отдельный отрезок времени был влюблен только в одну.

Пока же он был влюблен в Ольгу Павловну, а Ольга Павловна была ангел, однажды опустившийся Мотылькову на плечико и нежно прикрывший крылышками его глаза. Но поскольку крылья у ангела были полупрозрачные, вообще, можно сказать, никакие, вот Мотыльков и замечал сквозь них других женщин, вот и вносил их в резерв, но пока был влюблен в Ольгу Павловну, и довольно-таки вкрутую, что как будто даже и не к лицу блестящему Мотылькову, а может, напро-

тив, оттого и были так хороши на портрете его бесстрашные голубые глаза, что осенены крылами ангела...

И вот он вернулся из командировки, довольный и ничего не подозревающий, субботним поездом, потому что поклялся прибыть в субботу, и хотя билетов не оказалось и ему всучили общий вагон, за что Мотыльков устроил скандал, это тоже не насторожило его. До сих пор, правда, ему доставались партер и бельэтаж, только партер и бельэтаж, и кому как не Мотылькову, а пришлось карабкаться на галерку, на третью полку, в липучую духоту, но, брезгливо морщась и засыпая, он решил, что взял штурмом этот чертов пик экскурсии ради, а впредь займет законное место, где заслужил.

Сейчас с поезда, он заскочил за шампанским, чтобы отсалютовать Ольге Павловне, а шампанское тоже взяло да и кончилось у него перед носом. И это было странно, ведь шампанского сроду — хоть завались, но и тут Мотыльков не догадался, что мир уже охладел к нему, а выгреб из кармана все, что было, и взял коньяк.

Он взлетел домой, задав приветственный подзатыльник старине холодильнику, отчего старина мгновенно пришел в себя и задрожал мелким бесом, Мотыльков вывалил в оттаявшую пещеру трофейный провиант и, на ходу сбрасывая кроссовки, носки и прочее оперение, помчался в ванную, выдавил полтюбика пены и, закурив, полез отмокать от производственных нужд и капусты в томате. А вынырнув царевичем-лебедом, надел снежные джинсы, представил на столе сочный натюрморт и в семнадцать часов был вооружен к прилету их святейшества Ольги Павловны.

Но тут за окном стало накрапывать, и грянул ливень. Резвые сотни казаков, шашки наголо, с конским грохотом мчались по мостовой и, сверкая булатной сталью, рубили все подряд: и колесных насекомых, и отшатнувшиеся в ужасе деревья, и расшвыривали окна... и со шпарящих с кудахтаньем врассыпную прохожих наотмашь сбивали тыквы, и тыквы хлюпались в лужи, вздымая фонтанчики... Но опять Мотыльков ни о чем не догадался, а постоял, посмеиваясь, у окна и решил, что для их высокой любви Гражданская — ничто, а Всемирный Потоп — слякоть.

Однако, ни в семнадцать, ни в двадцать часов Ольга Павловна не прилетела. Сначала Мотыльков ожидал ее в непригнуженной светской позе в кресле, воздев ноги на подлокотник, и, почесывая ступни одну о другую, изучал леденящий иностранный роман «Челюсти». А потом и правда замерз, запеленался в плед и переместил свое ожидание на тахту, где расположился в домашней позе, простершись на животе, пятками в потолок.

А ливень все бушевал. Странный был ливень. Очнувшись и подойдя в нетерпении к окну, Мотыльков обнаружил, что казачьи сотни давно уже ускакали, и Анхельский водопад низ-

вергался с крыши его дома, а на той стороне улицы висело торжественное солнце и по-прежнему, во всю ширину улицы улыбалось безмятежное лето. И тут Мотыльков впервые забеспокоился. И выскочил к телефону-автомату. И позвонил, но архангельша-мамуля, дожевывая ужинный пирог с амброзией, картавая кусками, сообщила ему, что Ольга Павловна, нарядно одевшись и опять надушившись без спросу ее французскими духами, нагло вылив на себя полфлакона, вильнула куда-то хвостом.

Он вернулся, насквозь промокший, потому что угодил-таки под чертов Анхель, словно тот нарочно так и выкарауливал Мотылькова, вернулся рассерженный, но, вспомнив, как аппетитно мамуля жевала свой ужин, ощутил вдруг небывалую гастрономическую тоску, разом затмившую прочие чувства.

— Ну что же, ангел мой Ольга Павловна, принужден оставить мечты о вас до завтра и заняться утробой, — сказал Мотыльков. — Я закачу себе нынче банкет в честь вступления в отчую землю.

Он убрал второй прибор, сложил у себя в тарелке груды помидоров и огурцов, настелил вокруг ломтики ветчины, включил телевизор, откупорил коньяк, влил к себе в рюмку и торжественно поднялся.

— Дамы и господа! Блудливые ангелы! Грандиозный банкет, посвященный явлению Мотылькова народу, позвольте... — начал он. Но, увидев на экране голодающих американских безработных, скромно выключил телевизор. — Итак, многоуважаемый шкаф, любезное моему сердцу, да только ли ему, кресло и матушка тахта, — продолжал Мотыльков, снова подсев к столу. — А впрочем, оставим эти церемонии. За вас, мессир Тренер! — и он чокнулся с бутылкой и опрокинул.

Банкет удался. Сбросив смущающие пищеварение джинсы, Мотыльков последовательно сжевал весь стол, выплюнув лишь несъедобные ножки. Да и то, по здравому размышлению после последней, решил, что наутро сварит из них холодец. Вот так, позвонит Опущину, проконсультируется и сварит. И хлопнул в ладоши, выкрикнув:

— А теперь, маэстро, музыку! Только не надо, не надо Баха, не выпендривайтесь! Что-нибудь простенькое, в моем вкусе, я из народа.

Он снял со шкафа гитару, долго и въедливо подтягивал струны, и наконец, четвертая струна, нежно всхлипнув, лопнула. Мотыльков оторвал ее, скрутил лассо и набросил на горло Тренеру.

— Я извиняюсь, уважаемый, но вы уже отработанный материал. Вы мне больше — увы... — и, покрутив обреченным мессиром в воздухе, позволив ему прощальное колесо над останками праздника, Мотыльков зашвырнул его под тахту. И ударил по струнам и запел:

Созрели вишни в саду у дяди Вани,
созрели вишни, созрели виш-ни,
а дядя Ваня тетю Груню моет в бане,
а мы с тобою погулять сегодня выш-ли...

Проснулся он в воскресенье, к полудню. Холодец к этому времени он варить раздумал, а вместо этого сбегал в соседний пивбар и принял два литра микстуры. А вернувшись, снова улегся почитать иностранный роман и ожидать прекрасную Ольгу Павловну.

Однако и в воскресенье Ольга Павловна не явилась.

— Ах так! — сказал Мотыльков. — Ах вот как! А я вам не позволю целую неделю. Мотылькова для вас нет, Мотыльков уплыл первым классом в круиз Одесса-Батуми-Обратно и ожидается лишь в грядущий понедельник. Не с палубы же мне вам названивать, этак и за борт выплеснет!

Он сказал это внутри трамвайной погребушки, которая неистово трезвонила и, громыхая спрессованным вместе с Мотыльковым содержимым, швыряя тяжкий ком со щупальцами

от одного окна к другому, ползла по рельсам и везла народ на службу.

Забавный, между прочим, это был маршрут. Маршрут номер 26, две чертовых дюжины. Погребушка тащилась мимо кладбища, отгороженного полуразрушенной стеной из серого камня, а там, в заводи, торчали ржавые леера и завалившиеся набок мачты со звездами и крестами на стенах. А потом, жизнерадостно натренькивая, погребушка подкатила к мастерской со скромным названием: «Салон обслуживания», где умельцы тесали гробы, ловко пеленали их в голубой и красный сатинчик и спускали на спинах скорбящих граждан со ступенек, а у крыльца паслись, пощипывая травку, катафалки черной ярославской породы. Следом расположилось похоронное бюро и другая гостеприимно разверстая дверь: продажа пышных венков, бумажные розочки в металлической сбруе. И наконец, выдержав уважительную паузу к снарядителям усопших, погребушка заворачивала за угол и вырывалась на шумную, хорошенькую, запруженную мирянами авеню.

Соскочив с погребушки, Мотыльков ворвался в лабораторию — как обычно, лучезарным лебедем с царских прудов, сиятельным лебедем, и бросил на стол коробку «Птичьего молока», предназначавшегося Ольге Павловне.

— Гули-гули! — позвал Мотыльков. — Как вы тут без меня, мои птички? Истосковались? Исстрадались?

— Ах, Вадичка, и вы посмели бросить нас на целую неделю?!

— М-мм, какая вкуснятина! Ракову небось и в башку не стукнет отвалить нам что-нибудь сладенькое!

Дамы любили Мотылькова. Дамы обожали его. Да и можно ли было не обожать? Кто останется равнодушным к такому породистому, почти американскому экстерьеру? Да к тому же Мотыльков имел просто-таки неистребимый запас комплиментов.

— О-о, Альхен, ваши прелести опять не дадут мне спокойно работать! — заметил он заплесневелой кокетке Александре. — Если шеф станет пенять мне на неисполнение, я вынужден буду сослаться на вас, неистовая!

А у фарфоровой статузки, красоти Аннушки, чмокнул пальчики, на которых туго сидели три кольца кряду:

— Боже, как я счастлив ежедневно являться в сад, где произрастает сей розан!

И даже сухостойкой статс-девице Наталье сбросил с барского плеча:

— Опять отвергла вчера очередного поклонника? Опять интеллектом не вылез? Что, уличный словарь? Вставные зубы?

— А у меня как раз сегодня именины, — сообщила Александра, потянувшись за четвертой конфетой. — Обожаю с белой начинкой, а мне все попадает с желтой и с беж. Я загадала: если вот эта — с белой, значит, мне дадут премию.

— Да благословится эта дата во веки веков. Аминь! — и Мотыльков схватил со своего стола телефон и, упав на колени, переставил на стол к Александре. — Дарю! Безвозмездно! До следующего понедельника.

— Невероятно мило с вашей стороны! — растаяла Александра. — Нет, вы только взгляните: опять как лимон! А, риску-ка еще раз!

— А я всю пятницу на телефонной станции проторчала. Со всей очередью перезнакомилась, — сказала Наталья. — Будем переписываться: с Новым годом, с днем рожденья, как светские люди. Знаю теперь, когда мне телефон поставят. Они мне в гроб его проведут!

А Мотыльков и точно устроил пост. И точно ни разу не позвонил. Но — увы! — ведь Ольга Павловна, коварная и неверная Ольга Павловна тоже ни разу не позвонила. Что там неделя, миновал целый месяц, а блудный ангел так и не воплотился!

Мотыльков ничего не понимал. Он набрал ее номер через

понедельник, прибыв из плавания, из солнечного, исхлестанного ливнем Батуми, взбежав по одесской лестнице и облобызав на радостях позеленевшего Дюка. А потом позвонил во вторник, и в среду, а потом — каждый день, но всякий раз кто-нибудь разлюбезно сетовал, что Ольга Павловна сию секундочку вышла. И оказывалось, что вышла она отовсюду: из материнского гнезда, от любимой подруги бонвиванши Алки, оставила мирады служебных кабинетов, но, в ы и д я, как ни странно, никуда не вошла.

Но если некто убрался из одного контекста, думал озадаченный Мотыльков, он неминуемо должен угодить в другой! Одна нога здесь, другая — там, уже в марше, и никаких промежуточных нелепиц! Однако д р у г о й контекст был для Мотылькова неуловим. Он, как дурацкие глаголы совершенного вида, не имел настоящего времени, а существовал только в прошедшем и в будущем. «Вероятно, скоро вернется», обнадеживали иногда Мотылькова, но если она и возвращалась, то до его звонка непременно успевала опять ускользнуть в прошедшее время, то есть, в историю. И опять он наткнулся на лукавую картонку из-под прекрасной куклы, где, должно быть, еще клубился аромат ее, вернее, мамулиных французских духов, и еще тоненько, чуть слышно позванивало эхо ее голоса, и под потолком еще летали смятенные отблески золотого света от ее волос, но самой Ольги Павловны уже не было — не было! — словно она предчувствовала, что Мотыльков уже грозно накручивает вертушку, нажимает кнопку, готовит атомный взрыв, и спешно спасалась бегством. Что там броуновское движение! Ольга Павловна открыла новый закон — броуновское исчезновение!

И наконец, когда Мотыльков в очередной раз набрал номер любимой подруги, гуляющая Алка, посмеиваясь, с паузами, в которые затягивалась сигареткой и томными мелкими глоточками прихлебывала кофе, сказала:

— Ох и нудила ты, Мотыльков! Что ты гоняешься за прошедшим временем? Марафон для кретинов. И не таким философом, как ты, еще не удалось дважды искупаться в одной Сене или в одном Амуре! — и Алка хрипло расхохоталась, довольна своим каламбуром. — Неужто ты не можешь уразуметь, что пока ты мотался в командировку, река утекла? Утек-ла! Подожди, я сходу на кухню и плесну еще кофе...

Мотыльков подождал и снова услышал Алкин голос. Кто-то оттирал Алку от телефона и кричал:

— Мотыль, она ни хрена не понимает! Просто ты приехал в другой город! Сообрази, отец: ты уехал из города, в котором ты был, а приехал в город, где тебя не было... — и снова был хохот, но Алке удалось завладеть трубкой.

— Ты можешь мне позванивать, — сказала Алка, прихлебывая новый кофе. — Но будет умнее, если ты начнешь интересоваться не уплывшей Ольенькой, а мной. Мужик ты актуальный, фактура племенная, так что имей меня в виду... — но тут урбанист все ж отобрал у Алки телефон и разъединил.

Мотыльков уныло повесил трубку. И вспомнив идиотскую Натальину фразу: «Они мне в гроб телефон проведут!..» Этот телефонный пенал очень даже конфигурально напоминал гроб. Поставленный на попа стеклянный гроб со сломанной дверцей, длинная, зауженная к низу трапеция. Сверху — твердокаменный, как последняя подушка, телефон, а под ним висит червем облупленная фигура, в правое ухо заткнута телефонная трубка, а шнур ее, захлестнув суровой петлей шее, крепко-накрепко опутал беднягу по рукам и ногам и свернулся в клубок где-то на дне, под болтающимися башмаками...

Мотыльков вздрогнул, очнулся, вышагнул из пенала и пошел под дождь, потому что уже наступила осень, прочный сентябрь, а он-то и не заметил. Он шел под дождем, и совсем уже не белоснежный, а бурый, как неочищенная свекла, с суровым рубцом телефонного шнур а на шее, с распухшим свекольным правым ухом, только ухо и было очищено. Он бродяжничал по вечерним улицам, отсыревшим, расклеив-

шимся, расплывающимся, где все было не в фокусе, все расплывалось и таяло на глазах, теряя свои углы, превращая прямые в кривые; по мостовым скользили тучные кляксы красок и под колесами у них хрустели огни светофоров, по стволам деревьев сползали струи веток, а с домов стекали крыши и окна, и дома сливались друг с другом, и перетекали один в другой, а внутри, должно быть, сами собой плыли по течению чьи-то мужья и жены, и заплывали в другие заводы, то есть ячейки общества, нескончаемая детская игра с ядовитым названием «Ручеек». Здесь когда-то стояли прокаленные солнцем и полыхающие ультрамарином незбылемые своды лета, и Мотыльков прогуливался здесь с Ольгой Павловной, и наслаждался, и нежился, овеваемый любовями, и собирался гулять так вечно. Но кто-то случайно или нарочно, бог весть, решил захлопнуть блаженную дверь лета, и случайно или нарочно взял да и вытолкнул зазевавшегося Мотылькова из вечности в захлопывающуюся дверь, и ведь уже почти в щель, а успел! И Мотыльков оказался под промозглым дождем, под чужими домами и заборами, и шел теперь по собственному следу, как ничейная дворняга, черная негрятянка, и громадные собачьи капли скатывались с его волос за воротник, по сточному желобу между лопаток. Он еще надеялся найти эту дверь, проклятую дверь, он чувствовал, что она где-то рядом, просто он не видит ее из-за дождя, найти да и высадить плечом! Но дождь все изливался, и проглатывал квартал за кварталом, и топил дома по самые крыши, и очумевшему от сырости Мотылькову казалось, что внутри его тоже идет дождь, а может быть, Мотылькова и вообще уже не было, а был один только дождь... Короче говоря, Мотыльков простудился.

— Кто последний? Я за вами.

Эту знаменательную фразу он произнес охрипшим извожичким голосом в поликлинике, перед аппаратом участкового эскулапа. И каждый, кто узрел размокшего, недостаточно слипшегося субъекта с жидким киселем волос, стекающим со лба, словом, фигуру высочайшего трагедийного звучания, каждый справедливо подумал: «Этот шпрот уж точно последний! Распоследней и не бывает!»

Мотыльков болел и томился. Сначала его зацепила фолликулярная ангина, после — неблагоприятный грипп, а за ним еще что-то, то ли свинка, то ли колит, потому что и колики тут же прорезались, совершенно свинские колики! А потом потащились осложнения в той же последовательности: караван плевучих верблюдов, верблюдо-ангина, верблюдо-грипп, верблюдо-свинка с коликами и так далее... участковый врач, облысевший вконец от натуги, разгадывая головоломки-диагнозы, долго цацкался с Мотыльковым и долго, мрачно прищипывая железной коронкой, продлял ему больничный, но и терпение участкового имеет свой предел. Ибо на каждого пациента ему отвешивали десять минут, а начальный Мотыльков умножал свои десятки друг на друга и прищелкивал к ним все новые. И едва он появлялся в кабинете, с шерстяной скаткой на шее, единственной выпуклостью, потому что весь оставшийся Мотыльков провалился в решетку собственного скелета, едва он протягивал пачку больничных, а в т о р к и й лист, а врач должен был начертать: «Продолжение следует» и заключить с Мотыльковым контракт на следующую главу — он превращался в сплошную судорогу и остатки волос вытыгивались на лысине в мольбе ко Всевышнему. Ведь если разобратся, раз Ольге Павловне было плевать на Мотылькова, и всем наплевать, то и участковому наплевать, и с какой это стати должен бедный участковый выхаживать молодца, на которого всем порядочным людям — плевать? Всеми миру — плевать! И Мотылькову, наконец, стало стыдно. Он, слава богу, устыдился и осознал. И прохрипел:

— Отпишите меня с понедельника трудиться.

— Вот и славно, вот и голубой мизер! — и врач превратился в сахарный, правда, несколько черствый пряник. —

И катитесь, катитесь на работу, в стране без вас полный беспорядок, одни убытки! — и поскольку этот неожиданный милейший Мотыльков спас его от ночного кошмара Мотылькова, участковый даже позволил себе вот так пофамильярничать и пошутить со спасителем, с облегчения, восемьдесят килограммчиков — с плеч, и подмигнул, и поцеловал бы, не будь он таким инфекционным, после чего Мотыльков и был торжественно изгнан веселящимся участковым к черту и его близким родственникам.

И наступил понедельник, и Мотыльков отправился на работу. Горло все еще болело, но шерстяную скатку он застенчиво стащил и оставил дома, и теперь ветер свободно оведал его голую шею и надувал в нее новые ангины и колиты. Соседка с верхнего этажа попала ему навстречу, и прежде чем поздороваться, освидетельствовала Мотылькова подозрительным взглядом, и усомнилась: он ли? Словно некий гастроном взял да и ощипал с него снежное оперение и оставил навек пребывать в синюшной коже. Он ехал в трамвайной погремужке, а погремужка тащилась мимо старого кладбища, мимо мастерской, из которой съезжали по ступенькам пустые, готовно распахнутые гробы, а у крыльца паслось стадо катафалков ярославской породы. А потом мимо похоронного бюро и цветочно-веночного писчебумажного магазина. Прежний Мотыльков только посмеивался над погремужкиным маршрутом, он любил его, как свойский анекдот, и летал от одного окна к другому, уткнувшись в «Иностранку» или в «Знание — сила», а на крутых виражах вдруг распахивал свои неукротимые голубые глаза и принимался разглядывать девочек от восемнадцати до двадцати трех, сверху вниз, а затем снизу вверх, и девочки тоже с тех пор уж не опускали очи долу... А теперь Мотыльков смиренно созерцал мокрое кладбище с рогатыми призраками деревьев, и покуривавших под козырьком крыши грободелов, и магазин, в освещенной витрине которого сияли покойницкие лавры. И думал: какой это славный, восстанческий маршрут, с кладбища в жизнь, почему и нет? — а возвращаться придется обратным путем, растоптанным, проторенным: венки, вон тот, за тридцарик, с синими розочками, скромненько и недорого, гроб, пожалуй что красный, и кладбище, вон есть уютный пятачок под елкой, пустует... э, хрен вам, елку-то и спилить недолго, а ну как завалят сюда аморальные типы под Новый год? И отсидят свое, а Мотылькову пребывать под голым пнем вечно...

Пока он тащил свое обретшее некую призрачность тело с кладбища на службу, дождь топнул последним восклицательным знаком. И сквозь утлую небесную трещину, разламывая тучи, выпросталось солнце, бледный октябрьский тысяченог, и опутал, сгреб в желтую авоську и прохожих, и дома, и деревья. И Мотыльков, сощурился, посмотрел вверх. И увидел на крыше, на баранке сточной трубы, белую птичку. И птичка

увидела Мотылькова. И дотянулась до него крылышком и любовно отвесила оплеуху. «Экий ты тьфу! — излучал обращенный на него сладкий и презрительный птичкий взгляд. — Как размедузился! А между тем надеяться никогда не вредно. Уж лучше, чем корчиться в свиных коликах. Лично мне надежды всегда улучшают аппетит и функционирование поджелудочной! Надейся, дурак, на лучшие времена. Ура!..» — и Мотыльков схватился за щеку и вдруг воссиял. И пошевелил затянувшимися паутиной извилинами и подумал: «А что если... — с надеждой подумал Мотыльков, которому так хотелось надеяться, — если кончился дождь и вылезла солнечная погода, жалкая репродукция с летнего оригинала, и эта лукавая птичка явилась не кому попало, а отыскала меня — значит, именно для меня она украла и приволокла с небес надежду? И значит, сегодня все будет не так, как всегда! Все изменится, все! Решительно и бесповоротно!» Вообще-то, правильной было назвать всеобъемлющим словом «всегда» эпоху написания Опушкиным знаменитого портрета, когда Мотыльков вовсе не был еще таким ничтожным, ангина-свиночным, а был прежним блестящим и удачливым Мотыльковым, царским лебедем, ослепительным Мотыльковым, которого все обожали, и он обожал всех щедрым ответным чувством. Но между тем счастливым и нынешним прискорбным «всегда» разверзлась такая глубокая самолетная пропасть, и так безнадежно провалился он в свои хвори, и так увяз, что и ни один кран не вытащил бы его оттуда... Кран — что... а вот птичка! И Мотылькову явилась птичка на баранке водосточной трубы, чудесная птичка с надеждой в клюве. И Мотыльков пробудился, встряхнулся, расправил плечи и стал... ну, хоть и не метр девяносто, как раньше, а во всяком случае — сто восемьдесят, для начала вполне недурно. Он пробудился и засмеялся, потому что понял, что больше так жить не собирается, а собирается вот что: немедленно возвратиться в свой прежний, блестящий и белоснежный образ! Пусть страдают другие, если им это нравится, а Мотылькову не нравится, а Мотылькову нравится вкушать прелести жизни. И он сорвал с головы кепку, потому что кепка была коричневая, замшевая, и решительно повесил ее на ветку рядом с домом, на крыше которого сидела белая ухмыляющаяся птичка.

— На, свей в ней гнездо и снеси в нее птенчиков! — щедро крикнул Мотыльков. — Да здравствуют прелести жизни от завтрака до ужина и от ужина до завтрака! Сегодня обязательно что-то случится! Сегодня она позвонит...

И, подоженный этой тайной надеждой, он взбежал в лабораторию.

Никто, однако, против обыкновения особенно не обрадовался Мотылькову. А ведь он отсутствовал целый месяц! И едва он собрался изловчиться дамам на обычные комплименты, ну, пусть и не каждой в отдельности, а хотя бы на что-ни-

будь общее, взбадривающее — «не спи, вставай, кудрявая» — в этом роде, как его опередили.

— Еще не вымер? — усмехнулась заплесневелая кокетка Александра.

— Что-то ты расклеился, Вадичка, — сквозь несокрушимую прелесть фарфоровой улыбки, как пасту из тюбика, выдавила сочувствие красотка Аннушка. — Рекомендую: клей «Момент». Не клей, а зверь. Киндер раскокал греческую вазу, со мной была истерика, а мой Сидоров склеил ее как новенькую! Кстати, в нашем универмаге есть. Сбегал бы? Киндер уже нацелился на французскую. И заодно посмотришь, есть ли чайники с розочками по тридцати целковых за единицу...

— Эту рухлядь уже не склеишь, — ядовито заметила статс-девица Наталья. — О боже, из-за твоего бесконечного рекевиема по чайникам мне уже кажется, что у меня не уши, а чайники.

— С розочками, — мечтательно заметила Аннушка.

«Ржавая клизма ты, и не с розочками...» — подумал Мотыльков, но вслух не сказал, ибо ржавая клизма вряд ли проскочила бы через его ангинное горло. И, чтобы никто не видел, как отчаянно трепещет в нем надежда на лучшую жизнь, натянул халат.

— Как он боится сквозняков! — заметила Наталья и распахнула окно. — Ах, блаженство, озон. М-м, чудо!

Мотыльков застенул кольцо и, вздохнув, вошел в клетку к дрессированным львам, железным гадам. И превратился в зрителя, выхаживающего чертовых гадов, задающего им корм, вытряхивающего из них информацию, выметающего груды отходов и тайно kloкочущего от ненависти к застрявшему в стенах их лаборатории техническому прогрессу. А по углам, подхлестнутые сквознячком, взвинтились воронки быденных дамских разговоров.

— Ты бы видела эти чайники! Столбовой экстаз! — говорила Аннушка. — Я целый час стояла у витрины, как каменная баба.

— Уж купила бы, чем тянуть из нас кишки, — ворчала Наталья.

— Но тридцать рублей! Уж лучше туфли купить. Ты подумай, Тусечка, если я куплю чайник, его увидит только Сидоров и спасибо, между прочим, не скажет, а туфли увидят все!

— Сколько раз я требовала, чтобы ты не называла меня этой вульгарной кличкой! Так звали корову у бабушкиной соседки!

Мотыльков расхохотался.

— Он еще и хохочет! — и Наталья с треском распахнула второе окно, отчего все бумаги на мотыльковском столе разлетелись.

Он покорно стал собирать их, и все равно хохотал про себя, потому что имя «Туся» как влитое сидело на корове Наталье. И потому что за пазухой у него тоненько, еле слышно, самоуверенным голосом белой птички распевала надежда. И день был особенный. День перемен. Возвращение хворого блудного лебедя в Царские Пруды. Мотыльков ждал звонка. Счастливого звонка от Ольги Павловны. И дождался.

— Папусечка, — говорила в телефон Александра. — В холодильнике вчерашние котлеты, ты их согрей. Масло лежит на верхней полке, рядом с морозильником. И сходи за молоком, не сиди весь день в кресле, умоляю всеми святыми! Ты же знаешь, доктор сказал, что тебе нужно двигаться. В коричневой сумке две бутылки и банка для сметаны. Когда Катя вернется из института, пусть позвонит мне. Не забудешь? Запиши, я подожду. Папурик, Катя знает мой номер. Катя знает! — она перешла на фортиссимо и с досадой бросила трубку.

— Мотыльков, — шипела Наталья, — долго нам ждать, когда ты изволишь сделать отчет?

И опять зазвонил телефон, и Мотыльков задрожал и развернул парадом уши. И тут-то ему, наконец, повезло! Невежливо повезло.

— Вадим! — крикнула Александра.

Мотыльков откашлялся, пробуя голос, и выхватил у нее трубку.

— Сегодня же занесите больничный в профком, — чеканным голосом произнесла трубка. — Да поживее, буду я с вами чухаться.

— Ни за что не поджарит котлеты, — сказала Александра. — Выпейте холодного чаю и застрянет в кресле до Катиного пришествия.

Мотыльков наслаждался. Так наслаждался, как наслаждается знаменитый жонглер на последнем представлении, следя, как порхают над его головой клизмы и чайники, а папусечки в летающих креслах ловят летающие котлеты, и гремит оркестр, и дует сквозняк, и завтра меня уже здесь не будет, ха-ха, не будет, на сквозняке верхом — вон из этого дурацкого, нелепого города, где нет ни меня, ни Ольги Павловны, завтра, да нет же, сегодня — в столицу прекрасной жизни! В белом фраке!..

И тут заглянул шеф. Человек-морковка с раздутой оранжевым пузырем головой и толстой оранжевой шеей, а дальше весь сходящий на нет. И обозрел Мотылькова недобрым морковным оком.

— Тень отца Гамлета явилась на производство и жаждет получать зарплату, — произнес шеф в пространство. — Или премию тоже?

— От премии я отказываюсь, — сказал Мотыльков. — Излишки создают нездоровые предпосылки для антиобщественных поступков.

А потом телефон звонил еще и еще, и всякий раз Мотыльков трепетал, а в паузах сходил с ума от нетерпения, и опять по лаборатории, над самой его головой, порхали какие-то младенцы с пивными бутылками или с французскими вазами, и цифры, и чайники, и отчеты, и опять папусечка кувыркался в кресле и ловил рыболовным сачком котлеты, а Катя не возвращалась из института, наверное, загуляла, и корова Туся под потолком испражнялась треугольными картонками с ряженкой... словом, наступил обеденный перерыв, а Мотылькову так и не позвонили.

— После обеда, — сказал себе Мотыльков. — Она всегда звонила после обеда, когда на душе и в желудке штиль и хочется бури.

И он отправился в ресторан. В худые времена он превратился в завсегдатая соседней столовой с отрыжным названием «Рябинушка», но сегодня с прошлым было покончено! Сегодня Мотыльков собирался отбыть в иное пространство, улететь в дымоход, ворваться в прекрасную жизнь, а накануне такого мероприятия обедать в столовой кощунство. Правда, раньше он непременно просил подать себе какой-нибудь милый мясной салатик или мясное ассорти, и еще лангеты-антрекоты-табаки, а к ним, скажем, сто пятьдесят граммов, пограничная доза, о коей не догадался бы шеф, а сегодня денег хватало только на комплексный обед, малинку для бочковой кильки, но зато в супе плескался кусок тушенки.

— Надо же, тушенку отвалили! — заметил он Аннушке, которая обедала в ресторане в любые времена. — А я ее и гоночную ложкой по тарелке, как шайбу...

— Слушай, одолжи Сидорову джинсы, мы с ним на слайд сфотографируемся, — сказала Аннушка.

— Непременно, — щедро согласился Мотыльков. — Оплата скромная: по пятерке за штанину и червонец за герб, итого: двадцать, почти даром.

— Ну уж, червонец. Мы с Сидоровым исполним вид спереди.

А потом опять тянулся рабочий день, резиновый мяч, который надувают и надувают до бесконечности... раньше это был любимый мотыльковский тост: «За дам, — с чарующей улыбкой говорил Мотыльков, — я готов пить ад инфинитум — до бесконечности и еще чуть-чуть!» Но бесконечный рабочий день — десять тысяч пардонов! Впрочем, нет, сегодня он

впервые, пожалуй, не возражал против этой тянучей резины. Чем длинней был день, тем длиннее была надежда...

— Чем мужиков сквозняком выветривать, шла бы лучше за уткой, — говорила Наталья Аннушка.

— За уткой?! А почему не за бриллиантовым колье?

— Между прочим, моя соседка однажды отправилась промышлять в гастроном, а там продавались утки, — рассказывала Аннушка. — А у нее не было мешка, не в подол же пеленать эту дуру! И что ты думаешь? Она купила в киоске газету. Немецкую газету, чтоб завернуть утку, а там был адрес. Гражданин немецкого происхождения писал, что желает познакомиться с советской женщиной не старше тридцати лет. И она взяла да написала этому типу!

— Ну и что?

— Живет во Франкфурте-на-Майне, вот что!

— Слушай, не ваяй дурака, возьми у меня десятку и медленно ступай за уткой, — сказала Александра. — Только газетку купи французскую, терпеть не могу плагиат. И вообще, Париж — и какой-то Франкфурт... Ты по-французски разбираешься? Французский от немецкого отличить можешь? Ну ничего, там научат.

— Боже, какая чушь! — кричала Наталья. — Вам мое незачинство — как гвоздь в стуле. Отстаньте от меня с вашими чайничками и утками раз и навсегда! Из-за вас я стану вегетарианкой!

— А ты и так вегетарианка в этой жизни, — констатировала Аннушка. — Люди ей дело предлагают. Видала бы ты нашу франкфуртскую мадам, когда она приезжает в отпуск! Ну и чахни в этой паскудной лаборатории до обледенения.

И опять зазвонил телефон, и в который раз Мотыльков встрепенулся.

— Шурочка Васильевна, ваш папунчик забыл, что передать Кате. Потерял письменную инструкцию.

В половине четвертого в бледно-голубую гавань опять стали возвращаться, сталкиваясь неповоротливыми боками, тучи...

— Вадичка, что ты так жадно смотришь на телефон, будто тебе не хватило комплексного обеда?

— Мотыльков сегодня как расклеенный штырь, — заметила Наталья. — Как шампур, с которого содрали шашлык.

...И опять потянулся длинный и скучный октябрьский дождь, но проклятые тучи ничуть не тощали, изливая потоки влаги, а наоборот, шипели и пенились, их как будто взбивали, упрямо накачивая все новой и новой жижей...

— На прошлой неделе вбегает мой Сидоров, еле дышит, вопит: «Дай скорее двадцатник!» — рассказывала Аннушка. — И через минуту является счастливый и тащит цветную фотобумагу на два червонца. Тогда я пошла и купила себе белья на двадцать рублей. Тогда Сидоров выклячил из моей гра-

дущей зарплаты еще червонец на реактивы. А я зашла к соседке, заняла червонец и купила шелк на платье...

Прибыл из командировки мотыльковский приятель Вовочка Раков. Он ввалился промокший, рыжий, с обрившейся в ливень медной бородой, таким фонтанным Самсоном, круглый и обтекаемый, обтекающий на пол лужами, и приветственно воздел мясницкую пятерню.

— У меня не прогул, у меня опоздание! — протрубил он. — Здравствуйте, девочки! Эй, Мотыль, приволок, наконец, свои мощи? Идем, юноша, перекурим, и я прожгу тебя нужными глаголами.

Он потащил Мотылькова в курилку, в тупичок, где кончалась лестница. «Раковский тупик №1» — гласила нацарапанная на стене надпись, ибо львиную долю рабочего времени Раков проводил в тупичке, обкуривая назревшие жизненные проблемы.

— Ты знаешь, юноша, меня не волнует ничья личная жизнь, если она не угрожает безопасности Вселенной, — начал Вовочка. — Угости «Явой», весь «Беломор», к дьяволу, промок... Но ты разволновал меня до слез! Баба его бросила! Да кругом тьмы и тьмы баб, пять материков к матери, заполонили. А его обездолили! Его обездолили... Вот такая обездоленная морда и вот такая обездоленная задница! — и Вовочка развел по-рыбацки рученци.

— Ну, по объему обездоленности ты дашь мне сто очков вперед, — заметил Мотыльков. — Утри слезы, Вова, у меня все хоккей! Просто мы погорячились, но с минуты на минуту ринемся друг к другу в объятия.

— Мерзавец, ну мерзавец! — Вовочка расхохотался. — Посмотри на себя, давай, полюбуемся вместе! — и он подтолкнул Мотылькова к застекленному ящику пожарного крана. — Из бабы сделать проблему! И неразрешимую! Чтобы ринуться теперь к тебе в объятия, юноша, надо потерять последнюю надежду на приличный вариант. Даже наша мамзель Натали споткнется. И это мой бывший друг... — и Вовочка испустил траурный вздох.

— Почему бывший? — спросил Мотыльков, уязвленно разглядывая в стекле свое отражение, где нос был замещен пожарным краном.

— Потому что гусь больному свинкой не товарищ. Ты же знаешь мой безнравственный принцип: питать дружеское расположение к руководству и фаворитам. Удачи — штуки заразные. Как свинка. А неудачи и того пуще. Тебе невезуха — и мне непруха. Ну бывай, обдумывай житие! — и Вовочка прощально хлопнул Мотылькова по спине. — Эх, жизнь, не успеешь разгорячиться, а пора охлаждаться... — бормотал он, удаляясь и оставляя на полу мокрыми сапогами гигантские следы неопознанной особи.

Пятерня у Вовочки была отменная, мясницкая пятерня. да

не так уж сильно он Мотылькова и прихлопнул, а только ото-щавшее мотыльковское тело пошатнулось и тут же впечаталось в стену, как в портрет, потому что удар показался ему сокрушающим. Он постоял прилепленным к штукатурке тараканом, вздыхая, обдумывая жите, докурил, мстительно вдавил окурок в надпись: «Ракровский тупик» и вернулся к себе.

— Мне не звонили? — спросил он.

Но вопрос его прозвучал так плачевно, будто Мотыльков прохрипел его в замочную скважину из тюремной одиночки, мелкий воришка, пропал за двадцать копеек, увел горсть семечек на базаре. И уж, конечно, ни у кого язык не повернулся на «нет», «не звонили», «а кому ты, вообще-то, нужен?». Александра усердно пудрила клюв и жевала заначенную от всех конфету. Аннушка подпиливала коготки, а потом, вернуться перед зеркалом на стене, заботливо поправляла склеенные лаком в неотразимую гроздь кудри. Наталья закрывала окна, роняла бумаги у себя на столе и раскладывала письменный скарб параллельно и перпендикулярно, словом, проистекала генеральная репетиция ухода с работы. А дальше и вовсе был сыгран трагический финал: прощания и раскланивания, воздушные поцелуи и дальнобойные приветы. Мотыльков задержался позже всех. Он посмотрел на телефон, умоляя его о последней милости, снял тяжелую, как чугунная гантеля, трубку, взвесил на руке, отжал семь раз и опустил обратно.

На улице пётушился дождь, клевал зонты, хлопал крыльями, трусливо насканивал на спины прохожих и рассыпался на перья. Мотыльков шел по лужам, топча промокшими ногами увязшую в воде парусину туч, а некто боги, когда-то нежно его любившие и лелеявшие, ловко вколачивали в него металлические струи дождя, как длинные гвозди, словно навечно прибывали его к этой унылой осени... Он шел мимо галантейных витрин, набитых щетками, мыльницами, чепчиками и лифчиками, и отражался в витринах смиренным узником, туго, как змеями, обвитым ремнями. И мимо гастрономических, где лежали кровавые бутафорские окорока, и между этими окороками ничтожное мотыльковское отражение выглядело и вовсе обглоданным рыбьим хребтом. А потом он прошел мимо аптеки, и глаза его увлажнились и наполнились склянками капель, а может, слезами... А потом он шел дальше по штормачему городу, чужому и странному городу, в который он почему-то приехал, приехал общим вагоном, где не было Ольги Павловны, да и Мотылькова-то, сказать по правде, не было. Был другой Мотыльков, забытая под дождем бурая свекла, а настоящего Мотылькова не было...

Теперь уже он не знал, в каком обличье встретит ему судьба, и потому старательно заглядывал в витрины, изучал содержимое каких-то киосков, складывал в одну несусветную цифру номера пролетающих мимо машин, засматривался в лица прохожим... И вдруг, на одном из поворотов нескончаемого банно-прачечного лабиринта вечерних улиц, увидел, наконец, знакомое лицо. Это был наш общий приятель Опушкин, он шествовал под огромным черным зонтом-парашютом и бережно нес тучный портфель.

— Товарищ Опушкин? Здравствуйте! — чрезвычайно обрадовавшись встрече, робко сказал Мотыльков. — Как жизнь?

Опушкин отряхнул свой парашют и снова несокрушимо установил над шляпой, даже и не подумав прикрыть уголком размокшего Мотылькова. И посмотрел на Мотылькова весьма трусливо.

— Добрый день, молодой человек, — сухо сказал он из-под зонта. — Не имею чести вас знать.

— Да вы что, Опушкин? У вас, видите, чердак прохудился?

— По-моему, это ваш... так сказать... а с чего бы вам вдруг по-хулигански набрасываться на незнакомого человека? И узнали откуда-то мою фамилию...

— Я вычитал ее в телефонном справочнике, — сказал Мотыльков.

— Вам нужны деньги? Вот, пожалуйста, у меня пятьдесят три копейки и талоны на автобус. И бутерброды с докторской колбасой, шесть единиц, половину могу уступить. Но при этом, заметьте, я с вами абсолютно незнаком и преисполнен лишь альтруизма.

— Ну, гражданин Опушкин, вы даете! Вы меня изумляете до безобразия, — сказал Мотыльков. — К черту ваши бутерброды с талонами. Давайте знакомиться, что ли. Все ж в одной кормушке работаем! Мотыльков Вадим Иванович, в детстве Вадя.

— Опушкин Лев Варфоломеевич... то есть, Варф... Валерий Львович, — растерянно сказал Опушкин. — Только не понимаю, зачем нам с вами знакомиться. Решительно не понимаю! Зачем мы будем знакомиться после того, как вы произвели относительно меня некоторые хулиганские действия? Разве мы друг другу нужны?

— А ну вас всех к Бениной маме. И тебя, и бабу твою, и дядю! — Мотыльков безнадежно махнул рукой и двинулся прочь.

— А ведь я знал одного Мотылькова, — задумчиво сказал ему вслед Опушкин. — Может, он ваш брат? Нет, скорее однофамилец. Это был на редкость везучий молодой человек. Удивительно удачливый! Вечно хороводились вокруг него боги, все прощали, во всем помогали. Блестящей внешности, а главное — поразительный баловень судьбы. Нет, нет, нормальному человеку не может так везти!..

— Да, да, мне невероятно везло! — крикнул Мотыльков, обернувшись. — Да только боги здесь ни причем. Меня любила прекраснейшая женщина! Она всегда желала мне удачи, вот почему я был так удачлив. Она хотела, чтобы ни одна беда не коснулась меня, и беды меня облетали. Она мечтала, чтобы я всегда был молодым, и я был молодым. Она молилась о моем здорovie, и я был здоров. И красив, как тебе и не снилось! А теперь она разлюбила меня, вот и весь секрет.

— А почему она разлюбила вас? — спросил Опушкин.

— Потому что, — сказал Мотыльков. — Потому что это тайна, и никому ее не разгадать, ни мне, ни тебе, ни ей самой.

И он сел в трамвай, и погрешушка потащила его к магазину, где висели над прилавками прекрасные бумажные венки в металлической сбруе. К похоронному бюро и к мастерской с явительным названием «Салон обслуживания», в котором умельцы тесали гробы и пеленали в голубой и красный сатинчик, а у крыльца с прибитыми к ступенькам облетевшими листьями стояли наизготовке катафалки. И дальше — к старому кладбищу с полуобвалившейся стеной, за которой мокли застывшие в заводи корабли с ржавыми леерами и завалившиеся под дождем, рыдающими мачтами со звездами и крестами на стеньгах. А на взгорке блестел уютный пустой пятючок под елкой.

ГЕНИЕМ НАЗОВУТ ПОТОМКИ

СИБИРСКАЯ ЮНОСТЬ

Никитин родился 15 декабря 1907 г. в Тобольске, но прожил там недолго. Затем был Ишим, а затем, сразу после революции, Новосибирск, тогда еще Новониколаевск. Приехали семьей в холодную тифозную пору и достался им подвал, в котором к утру вода в кадушках замерзала.

За военным городком Коля набрел на заброшенный кирпичный завод, заваленный бракованным кирпичом. Вывез оттуда на санках, на собственном горбу несколько тысяч штук и сумел почти самостоятельно сложить большую печь — и для обогрева, и для варки патоки.

Со старого железнодорожного вокзала возил ежедневно Николай в огромной бочке воду с водокачки.

И печник, и механик, и водовоз, и кочегар — а мальцу всего 13 лет.

Нахаловка — рассадник разбоя, а по географии — пригородная деревня. Мимо нее плыли пароходы, шлепая по воде плицами. Здесь долго еще после революции стоял крешкий столб «Земли Кабинета Его Величества». От этого столба, забывшишегося Никитину надолго, он впасть перешел Обь, испытал свою мужскую силу и пастырность, твердость решения и характера. А ведь было ему, поспорившему с Обью, 14 лет.

Дальше, с разрывом в памяти у него идет страшное событие, тяжелое испытание — след на всю жизнь.

10 августа 1924 года хозяйка дома на Обдорской, 27, где жили Никитины, уговорила 17-летнего парнишку — поехали за лесной смородиной вниз по Оби, в глухомань, туда, к Кольвани поближе. И случилось в буреломе — схватила за ногу змея. Естественно, больница на долгие месяцы. Хорошо еще не ампутация, но без костылей не обошлось. Потом, когда маленько полегчало, — с палкой. Ходил, кутая ногу собачьей шерстью наружу, как сапогом. Ни прыгать, ни бегать не придется более. А затем, через много лет, правая изболевшаяся но-

га еще скажется трудной, спрятанной болезнью.

В 1925 году он закончил полный курс Новониколаевской 12-й Сошколы имени К. Тимирязева. В характеристике-рекомендации для подачи в вуз за подписью А. Ливанова были такие слова: даровитость, настойчивость, упорство, ясность мысли, вдумчивость, богатый запас знаний, большие способности. Умный, щедрый человек писал первую в жизни характеристику Никитина.

В том же 1925 году он стал студентом Томского технологического института — единственного в Сибири технического вуза, который готовил инженеров широкого профиля. В летние каникулы 1928 года Никитин определился в бригаду арматурщиков новосибирского треста Союзжилстрой — вот он и столкнулся с железобетоном, даже не столкнулся — сошелся вплотную. Первые предложения, первые спроектированные блоки и балки, первые сложные им, со товарищами этажи. А много их разошлось по Новосибирску, осталось, дошло до наших дней без авторского клейма.

ЧТО ЖЕ ОН ВЫСТРОИЛ В НОВОСИБИРСКЕ?

По окончании Томского технологического института Никитин с новеньким дипломом инженера-строителя и направлением в отдел капитального строительства областного крайкомхоза возвращается в Новосибирск. Здесь они с Кондратьюком работают вместе не только по зову духа, но и по одному ведомству.

Дают Никитину задание разработать проект техникума-общежития на Красном проспекте в центре Новосибирска. Работает Никитин над проектом полгода, максимально используя сборный железобетон.

Организуется у речки Каменки на старом кирпичном заводе производство железобетонных деталей. Построили здание, как говорили, некрасивое, но экономичное. Уже потом заговорили об этом здании как о первом «никитинском» шаге в создании основ советского сборного строительства.

Самый богатый событиями год в Новосибирске для Никитина — это, вероятно, 1932. Вдруг все начинают нуждаться в этом 25-летнем, временами очень молчаливом, всегда рассудительном парне.

В этом 1932 году Никитин строит Новосибирский вокзал, в том же году закладывает свой первый дом со сборным каркасом, в том же году создает деревянное арочное перекрытие по своим эскизам над мест-

ным стадионом «Динамо», — спустя полвека от мальчишеских шалостей оно сгорело дотла.

В том же 1932 году приступает он к осуществлению своей первой самостоятельной конструкторской работы — здания Сибирского крайисполкома. И сейчас, спустя 50 с лишним лет, это здание, в котором теперь новосибирский облисполком, остается самым красивым, цельным и законченным архитектурным явлением Новосибирска.

На помпезный проект Новосибирского железнодорожного вокзала Никитина срочно перебрасывают с других строек — там главное сделано, достроится, а здесь не один черт ногу слоит.

Сегодня это самый большой и самый известный вокзал на всей Транссибирской магистрали. А ведь у вокзала только одна половина, вторая (левая, если смотреть с привокзальной площади) смотрится как недостроенная, обрубленная — вокзал задумывался асимметричным, со сдвинутым фасадом. Знаешь, а все равно не оставляет впечатления недостроенности, пустоты. Сегодня по этому «пустому» месту уже поднялись какие-то массивные мосты-перроны, перекинутые через пути.

Уже в начальных рисунках было видно, что вокзал тяжелый, какой-то купеческий, в общем, не современный, квазиклассический. Да что говорить: от старой России нам достался неоклассицизм Жолтовского, который пережил почти четыре десятилетия, оставив по всей стране миллион каменных и деревянных колонн, которые ничего не поддерживали, ничего не выражали, даже тени не давали, а денег стоили нашей стране громадных.

Проект вокзала Никитин коренным образом переделал. И то, что решил переиначить по-своему весь проект, оправдывалось двумя причинами. Первая: можно сделать больше объем и экономичней, учитывая местные строительные-технические возможности. Это был весомый аргумент для местного руководства. А для себя второе оправдание: авторы далеко, пока доберутся — вокзал в никитинском исполнении встанет.

Кое-что внешнее от старого проекта он оставил, а конструкцию, объемно-планировочное решение дал вокзалу свои. Вот и стоит, до сих пор удивляет всех: архаизмом фасадов, в сущности, вырисованных на великолепной, далеко вперед глядящей конструкции. Это называют архитектурой в рамке, «в паспарту». Как конструктор, здесь Никитин безусловно состоялся, но на большую архитектуру не вышел

— спрятал сделанное под чужой барокко-рисунок. Сделал умно: чтобы споры состоялись, когда уже и спорить было бы не о чем. Так и получилось.

Новосибирский вокзал — дворец, полный света и воздуха — инженерный (не архитектурный) гимн железобетону. Дремавший столичный архаизм проснулся поздно для исправлений, но вполне вовремя для скандальных разносов.

Изячно, прочно, экономично? Да. Красиво? Нет. О, надо этого выскочку примерно наказать. Наказывали долго, надоедливо и потому очень противно (от дела отрывали).

Свои 25 лет (это же совсем немало!) молодой строитель встречается в ореоле первых строгих выговоров. Но вокзал-то стоит, вот он. Что делать с ним? Не разрушишь. Наконец, вся бойкая квазипринципиальная ругань сошла на нет и, конечно, никто не подумал включить вдрызг изруганного инженера в число авторов Новосибирского вокзала. До сих пор называют другие фамилии.

Весной 1942 года он возвращается в Новосибирск (в который раз, но теперь уже из Москвы) для укрепления вновь созданной организации Промстройпроект. Многим эвакуированным заводам в Новосибирске он дал стены и крышу из железобетона, природного камня и строевого сибирского дерева.

НИКИТИНСКИЙ ФУНДАМЕНТ

Московский период жизни Никитина был исключительно продуктивен и начался он творчески в 1932 году, когда на левом берегу Москвы-реки открылась стройка Дворца Советов высотой 415 м. С отметки 315 м его должна была венчать гигантская скульптура В. И. Ленина. По сути дела, здание было гигантским постаментом для 100-метровой скульптуры.

Автором проекта был архитектор Б. М. Иофан.

Еще только рылся под фундамент, спроектированный Никитиным, котлован (вспомним Платонова...), а по всей стране разошлись почтовые марки и открытки с изображением Дворца (до сих пор они в старых коллекциях — красивые, очень ценятся).

И тут война. Зимой 1942 года сюда пришли экскаваторы, но для того, чтобы лишь поднять, сломать, отбросить бетонные блоки из котлована и достать стальные плиты фундамента — отличная броня вышла из них для танков.

Война окончилась. И опять Мос-

ква. Но теперь уже Московский государственный университет на Ленинских горах. И снова работает коллектив под руководством академика Б. М. Иофана. И снова он работает с Никитиным, который создает знаменитый коробчатый фундамент и железобетонный скелет первого в послевоенной стране высотного здания.

Надежные коробчатые фундаменты Никитина легли под знаменитую шестерку первых высотных зданий Москвы, а затем и под Дворец культуры и науки, видный со всех концов Варшавы. Дворец — дар наш Польше. За архитектуру до сих пор его поляки ругают — «шиш над Варшавой».

Никитинские фундаменты — это уникальное явление в послевоенном строительстве. Ни один из них не повторяет другого, и все же все они объединены и отличаются одним — личностью творца.

В то же время с участием Никитина встает мемориал в Ульяновске и множество других объектов. Никитин заслуженно получает в эти годы Государственную премию СССР, но за что? "За цикл работ по конструкциям для текстильных предприятий".

Волею судеб ему пришлось прикоснуться с «чистым» изобразительным искусством. Скульптор Евгений Викторович Вучетич предложил поднять над Волгой на Мамаевом кургане у Волгограда в центре мемориала гигантский монумент «Родина-мать». Высота — 50 м, а с мечом поднятым — все 70 м. Вес 30-40 тысяч тонн бетона. В сущности, это было очень сложное, высотное сооружение.

Руки, голову и шарф через плечо по ветру скульптуры Никитин предложил «вылепить» на земле, а потом поднять краном. Так и сделал Вучетич. А надежным «скелетом» скульптуры стала предложенная Никитиным стальная регулярная решетка с шагом 3 м и толщиной стенок 25 см. Затем этот его принцип был перенесен на Волго-Дон, где встала памятник Ильичу, и на Курскую дугу, где поднялся монумент героям-танкистам.

По собственной инициативе Вучетич сам выполнил и установил на постаменте гигантской символической статуи мемориальную доску: «Конструкция разработана под руководством доктора технических наук Н. В. Никитина». Хорошо. По доброду.

И вот настала очередь знаменитой московской телебашни.

Стандартные 177 этажей. Низкие облака опутывают башню на высоте 120-130 м. Встала полуки-

лометровая башня и все вокруг подчинила себе — и прошлое, и настоящее, и будущее. Подчинила себе гостиницы, парки, радиоцентр, телецентр, дороги и бирюзовую Троицкую церквушку, что при дворце Шереметьевых, все останкинское подворье.

ЧЕГО МЫ СТЕСНЯЕМСЯ?

За год до смерти Никитин привел в порядок свой архив. Он так и лежит без движения — издать бы его. Его труды не изданы — издать бы их. Рассказывают: стенограммы и протоколы обсуждения-защиты Останкинской башни потрясающе драматичны (и поучительны) — издать бы их тоже. Разве только писатели должны иметь право на собрание сочинений? Это были бы настольные книги для архитекторов, инженеров, дизайнеров. Никитин ведь — новосибирец. Так может, все это и нужно сделать в Новосибирске?

В 1973 году Н. В. Никитин умер. В некрологе сказано сдержанно: «Круг его интересов был необыкновенно широк и охватывал неизвестные области строительства». А я бы написал (пишу!): талантливый русский инженер, великий русский инженер.

Вот мы втихомолку жалуемся, что нет у Новосибирска истории. Есть! Только мы почему-то стесняемся в наших современниках видеть исторические личности, создавать собственными руками историю так, как она того действительно заслуживает.

Был у нас, прошел меж нами умнейший, великий делом и мыслью, человек. Отметим же его бытие достойно. У Эйфелевой башни установили бюст инженера Г. Эйфеля. Что нам мешает установить бюст Никитина? Ну, не обязательно возле одной из ног Останкинской башни (пусть пока там спорят), а здесь, в Новосибирске — разве мало хорошего он выстроил? Ну, скажем, возле того же вокзала или обласполкома?

Магистраль, улицу в Новосибирске разве не стоит освятить его именем? Ну, хоть переулочек какой. Стоит безымянный в Новосибирске ДК строителей. Тянется с левобережья на правобережье метромост — тоже безымянный будет. Выставка Никитинских работ «Москва-Новосибирск» разве нельзя организовать?

«НА ДОБРО ОБЩЕЕ»?..

ЗАМЕТКИ О РЕГЛАМЕНТЕ ДУХОВНОМ

Томик с ладонь величиной в истертом картонном переплете с кожаным корешком сразу привлек внимание. На верхней крышке крупным шрифтом напечатано: «Регламент духовной», и кириллическими же буквами обозначена дата: «1721 г.»

В Большой (дореволюционной) энциклопедии напечатано: «Духовный регламент, или «постановление» для главной церковной коллегии или Святейшего Синода составляет в настоящее время одно из оснований духовного суда и управления русской церкви, почему и издается время от времени (последнее издание 1883 г.).»

Регламент — прежде всего акт, стоящий в ряду законов Петра I, утверждавших «всеобщее закрепощение снизу доверху», некоторые установки которого живучи и до сих пор. Цель этого документа была глобальной — регламентировать, упорядочить, подчинить определенным правилам всю духовную жизнь народа. Для выполнения этого намерения Петр I передает собственную деспотическую власть в руки государственного аппарата в лице хотя бы того же Святейшего Синода и даже усиливает ее, делает более беспощадной, безликой, персонифицированной, всеохватывающей. Все это, разумеется, должно было служить созданию мощнейшей империи.

Каким же правилам пытался подчинить свой народ неугомонный переустроитель России, доверив написание столь важного документа ближайшему соумышленнику архиепископу Феофану Прокоповичу? Некоторые части Регламента написаны лично Петром, а весь текст собственноручно выправлен и одобрен — так что Регламент можно считать и петровским.

По утверждению автора, Регламент выправлен «...на добро общее». «Коллегиум,

— приводится в доказательство, — не что иное токмо правительское собрание, когда дела... не единому лицу, но многим к тому угодным и от высочайшей власти учрежденным подлежат... управлению».

Первое, что было обозначено в петровских духовных нововведениях — это полицейские функции, которые церкви вменялись официально. Священники обязаны были доносить в государственные органы сведения, полученные при исповеди, которая по церковным канонам являлась тайной. «Если кто при исповеди объявит духовному отцу своему некое не сделанное, но еще к делу намеренное воровство, наипаче же измену или бунт на Государя или злое умышление на честь и здравие Государево и на фамилию Его Величества... то должен духовник... донести вскоре о нем, где надлежит».

«Заложить» неосмотрительно злодея следовало в Тайную канцелярию, а как допрашивали в петровских «компетентных органах», известно: дыба, каленое железо, бичи из воловьих жил... Причем зачастую жестоким пыткам подвергался не только «заарестованный», но и доносчик. Для выяснения истины и объективности ради.

А если священник утаит, не донесет на исповедовавшегося?.. Вот что рекомендует в подобном случае Регламент: «Иные дела и поступки, как священства, так и приходских людей могут быть утаиваемы пред епископом, хотя и явны народу... И о таковых тайно и искусно проводить... Спросит же священство и прочих людей: не делаются ли где суеверия, не обретаются ли кликуши, не проявляет ли кто для скверноприбытства ложных чудес при иконах, при кладезях, источниках и прочая...»

В епископы, надо полагать, ставили таких иереев, которые не подавали сомнения в их абсолютной лояльности правительству.

Итак, по Регламенту донос в государственные органы на инакомыслящих или даже замысел антигосударственного деяния провозглашался как «исполнение учения духовного», зато «...злодейство есть, ежели священник откроет в споре грехи сына духовного. За сие лишен будет священства, да и суду мирскому предан, в телесное наказание по рассуждению дела». Выходит, между собой — упаси бог! — а на «пользу общему делу» можно, даже нужно. В одном случае разглашение тайны исповеди — добро, в другом — зло. А что есть добро и зло — решало государство, исходя из своих интересов и погребовав интересами отдельного взятого гражданина. Ибо государство — все, гражданин — ничто... И добром провозглашалось «добро общее».

Система постоянной и повсеместной слежки и доносительства была внедрена и в учебных заведениях (школах, училищах и др.). Словосочетание «должны доносить» частенько мелькает на страницах Регламента, через все тексты проходит как бы красной нитью.

С особым пристрастием относится Регламент к монашествующим. Известно, что Петр I сызмальства не питал дружелюбия к людям в черных рясах. Монахи принимали участие в бунте, свидетелем которого был перелуганный кровавой расправой с родственниками и близкими юный царевич. Впоследствии царь Петр убедился, что ни одно народное волнение не обходилось без подстрекательства монахов, а подметные письма с крамольными призы-

вами сочинялись во многих монастырях, разлетаясь по всей России. Поэтому, полагаю, в Регламент включены правила «явно антимонастырского содержания». «Не принимать в монахи человека ниже тридцатого году возраста», и лишь тех, кто «имеет совершенный возраст, ибо... тот не с намерением монашества приходит, но грешит велми бегая от службы своей...», что «вред наносит всему Государству». «Не принимать крестьянина, разве бы имел отпусное письмо от своего помещика, но и так смотреть... нет ли каково подлога». «Не принимать мужа и жену, даже разведенных для этой цели». Смотреть на лета жены, прошло ли оной пятьдесят или шестьдесят, и имеются ли дети, и как их оставляют».

Да, нужны были, очень нужны Петру I рабочие руки. И ограничения понадобились правительству, чтобы пресечь укрытие в монастырях работоспособного населения, не желавшего тянуть тяжелую лямку государственной трудовой повинности и не понимавшего, что «деется сие на добро общее», для них же, неразумных...

Еще один характерный для петровской политики церковной пункт: «Скитков пустынных монахам строить не попускать, ибо сие мнози делают свободного ради жития, чтоб от всякой власти и надсмотрения удален жити возмогл по своей воле».

Вот чего нельзя было допустить реформаторам и борцам «за общее добро» и «общественную пользу» — так это «свободного жития» отдельно взятого человека, который оказался бы от «всякой власти удален» и «возлюбил по своей воле» существовать. От этого ограничения до прописки по месту жительства оставался лишь один шаг...

Петру I удалось с помощью Регламента реформировать церковь. Он добился значительного сокращения избыточных кадров священства — к концу жизни императора в некоторых приходах обнаружился даже недостаток в полах и дьяконах. Монастыри, дотеле переполненные послушниками, черноризцами и всякой другой думающей публикой, обезлюдели. Зато любезное императору государство получило кадры чиновников, еще более послушных, армия — солдат, заводы и фабрики — рабочих людей...

Ничто так губительно не подорвало авторитет и веру в священство, как совмещение им полицейских функций. И не в потере ли авторитета русской православной церкви коренятся те катастрофические потрясения и ущерб ее в послереволюционные и дальнейшие годы?

Но, по оценке некоторых ученых историков, Петру I не удалось поставить Россию под Регламент, как солдат под ружье. Народ сопротивлялся закрепощению духа. Многие, тщательно и подробно разработанные пункты Регламента, особенно касающиеся упразднения народных обычаев и поверий, так и остались лишь на бумаге...

А мы говорим: откуда культ, откуда его методы? Откуда слежка, доносы, застенки, лагеря, тюрьмы в нашей стране?.. Откуда умозабивание, «психушки» для инакомыслящих, высланные, посаженные, эмигрировавшие...

Разве может быть «общее добро» без добра для каждого? Разве может быть «добро», устанавливаемое с помощью насилия?

Игорь ЮРКИН

«МЕХОВОЙ» МАСТЕР ИВАН ЯНВЕР

Всякий человек уникален как личность и наравне с другими имеет право на память потомков. А кроме того, в старину носителями практических знаний были не столько книги, сколько люди — мастера. Без них — без индивидуальных биографий — история культуры будет обескровлена.

Попробую подтвердить сказанное сюжетом, почерпнутым из прошлого Тулы и Урала — краев, чье прошлое особенно тесно связано с развитием отечественной техники и ремесла.

ПИСЬМО К ЦАРЮ

Мой сюжет начался с письма, полученного Петром I в июле 1699 года в крепости Азов. Начальник Сибирского приказа думный дьяк Андрей Андреевич Виннус среди прочих новостей сообщал о подготовке к строительству на Урале железных заводов. А предыстория письма такова. О богатствах, открытых рудоискателями в горах уральских, Виннус не раз писал государю. Все, казалось бы, говорило в пользу заведения здесь крупного металлургического производства: руда хороша, реки пригодны и для плавания, и для устройства заводских плотин, лес необъятен. Не доставало одного: мастеров. По просьбе Виннуса Петр пытался нанять их за границей — тщетно. Осталось искать своих.

В мае 1697 года Виннус сообщил царю, что разыскал «на Туле в кузнечной слободе» некоего Марчка (Марка Евсея, «ученика туленина Никиты Антуфьева» (будущего Никиты Демидова)). Заполучить казенного кузнеца оказалось непросто: несколько раз просил Петра отписать князю Ф. Ю. Ромодановскому. Петр, наконец, распорядился, но дело на том и кончилось: в дальнейшем имя Евсея в летописи уральской металлургии не встречается.

Указом от 11 сентября 1698 года вопрос о строительстве заводов был решен окончательно. И вот в письме к царю Виннус сообщил, что двое из нужных восьми или десяти человек, наконец, найдены. Только опять не все ладно: один из мастеров хорош, да вот по-русски говорить не умеет и зрением слаб. Есть у него, правда, сын — молотовый мастер, но ехать на Урал он не желает.

МАСТЕР С ЗАВОДОВ НАРЫШКИНА

Кто этот человек, откуда? Подсказка, как будто, была: сообщалось, что мастер найден на заводах Нарышкина.

Лев Кириллович Нарышкин, родной

царев дядя — личность в истории петровской эпохи известная. После свержения царевны Софьи Алексеевны он возглавил правительство при молодом царе. Петр его любил и жаловал. Подарил железные водяные заводы, незадолго перед тем отошедшие в казну. Все они — Тульские (они же Городищенские), Каширские и Алексинские — находились на территории современной Тульской области. На каком-то из этих заводов и следовало искать мастера, попавшего в поле зрения начальника Сибирского приказа.

Передо мной «Дела о горных промыслах и заводах», хранящиеся в Центральном государственном архиве древних актов — обширное собрание переписки Сибирского приказа с Тобольском и Верхотурьем. Обследованное Б. Б. Кафенгаузом, оно обильно цитировалось в его труде о хозяйстве Демидовых. Но все же обратимся к первоисточнику.

Оказывается, первые мастера прибыли в Сибирский приказ в начале 1699 года. Их было двое. Один, Иван Янвер, приехал с Соломенского (одного из Каширских) завода Нарышкина.

В приказных бумагах Янвера называют «меховым мастером». Приводившиеся в действие водой меха вместе с «водяным» молотом были когда-то важнейшими машинами на вододействующих «мельничных» заводах. Мехами оборудовались плавильные и кричные горны; были они и в простых кузницах. Во второй половине XVII века кожаные меха постепенно вытеснились более прочными и производительными деревянными. Их изготовление требовало особых знаний и навыков, и заводчики шли на значительные расходы, выписывая мастеров из-за границы.

ЯНВЕР-ЮРЬЕВ?

Попробуем отыскать следы нашего героя там, откуда он приехал в Москву — на Каширских заводах. В материалах по истории Тульских и Каширских заводов, изданных в 1930 году, фамилия Янвер нет. Зато напечатаны «отказные книги» — подробная опись заводов, составленная в связи с передачей их Нарышкину. Из нее узнаем, что в 1690 году с меховым хозяйством четырех Каширских заводов управлялись всего два человека Мастерские обоих находились на третьем (Ченцовском) заводе. Один — «Соломенской волости крестьянин Костька Семенов» — жил поблизости в деревне Дупле, получал за работу 30 рублей в год. Труд второго — шведа Ивана Юрьева — оплачивался щедрее: ста рублями. Юрьев имел двоих сыновей, один из которых работал, заметим, молотовым подмастерьем. А что, если Юрьев и Янвер — одно лицо?

Совпадает все, кроме фамилий, но и они созвучны. Непривычные для слуха иностранные имена в то время нередко русифицировались, причем, не только в речевой практике, но и на письме.

Под той же фамилией мы находим нашего героя и в других документах. Выясняется, что на Каширских заводах Янвер-Юрьев появился за три с половиной десятилетия до наших событий. В приходно-расходной заводской книге 1663-64 годов стольника Афанасия Фонвизина не раз встречаются записи о выплатах Яну Юрьеву оклада. Уже в то время он назывался мастером и получал в год 100 рублей. Для сравнения: на Ченцовском заводе в 1690 году приказник зарабатывал 120 рублей, угольный мастер — 70, школьный (был и такой) — 40.

Летом 1664 года по приказу Фонвизина, управлявшего в то время заводами, Юрьев должен был обучить некоего Семенова «меховому деревянным мехов делу, чему сам умеет». За учительские труды назначено ему было 50 рублей. Учеба прошла успешно: в 1672 году бывшего ученика, отзывая в Москву, именуют мастером.

Любопытные сведения содержат поместьи на полях одной приказной выписки. Это ответы Никиты Демидова, допрошенного в марте 1702 года в Москве в Сибирском приказе. Его просили высказаться о мастерах, направленных на Урал. Из названных поименно 43 человек Никита знал только двоих, одним из них был наш Янвер. Больше того, из контекста следует, что заводчик пользовался его услугами — указана, во всяком случае, плата (те же «100 рублей на год»). Интересно, что и здесь отмечена учительская работа Янвера: платили ему, по словам Демидова, «для того, что он делал мехи дощатые один и многих русских людей учил».

Оттуда мы узнаем, что Янвер служил и на заводах Вахрамея Меллера. И здесь оставил своего ученика.

Записи февраля 7207 (1699) года, сделанные подьячим Сибирского приказа, содержат ряд биографических сведений. Оказывается, Янвер выехал из Швеции «тому лет с сорок» (то есть около 1659 года) и работал в России на разных заводах. О заводах Меллера и Демидова мы уже говорили. Б. Б. Кафенгауз прибавляет к ним заводы Алексинские, Тульские и, конечно, Каширские. В описании (1690 года) его двора в д. Ченцова помимо построек, принадлежавших хозяину завода, отмечены сооружения «ево Иваново строения». Здесь родились и сыновья его Юрий (1670) и Иван (1675). Специальности отца они не унаследовали: первый в 1690 году был молотового дела подмастерьем, работником у молота записан в тот год и второй. Юрий получал за работу по 4 деньги с пуда, что для двадцатилетнего парня было неплохо: молотовому мастеру платили всего в полтора раза больше.

Отказные книги 1690 года сохранили описание двора Янвера-Юрьева. Он находился на левом берегу реки Скниги (реки, на которой были построены Каширские заводы) — вблизи дворов других мастеров-инженеров. Стояла тут хозяйской постройки жилия изба с сенями и погребом. Рядом большая — 13 метров по

фасаду — мастерская («в ней делают меха») Вокруг размещались «ево Ивановы» постройки: еще одна изба, баня, конюшня, сарай.

Почему Л. К. Нарышкин так легко расстался с Янвером? Не потому ли, что Янвер, по его же словам, «сам мехового мастерства за старостью делать не может и мало видит»? Сколько лет было мастеру? В Россию он ехал уже специалистом (иначе с ним не заключили бы договор) в 1659 году, следовательно, не моложе двадцати лет: Значит, в 1699-м ему шел седьмой десяток. Он в это время «насматривает над мастерами мехового мастерства». Один из них, возможно, известный нам «мастер деревянных мехов» К. Семенов. Книги 1690 года упоминают также сапожника Мишку Бахилу, который «починивает худые мехи, получая «в деловые дни по 2 алтына на день». Не исключено, наконец, что, вступив во владение заводами, Нарышкин нанял новых мастеров. А раз мастера на Скинге имелись — была и замена для Янвера-старшего. 35-летний царев дядя, отправив в Сибирский приказ полуслеплого старика, с облегчением, наверно, вздохнул: очередную повинность удалось выполнить с минимальным для хозяйства убытком.

ПЕРЕД ДАЛЬНОЙ ДОРОГОЙ

Постепенно съезжались в Москву и другие мастера. Опрос их в приказе продолжался не меньше полугода. Уточнялась специальность, стаж, оплата на прежнем месте. Интересовались, что следует предпринять для скорейшего пуска заводов.

Янвер, как следует из письма Виннуса, в июне 1699 года все еще сопротивлялся отправке. Но 19 января 1700 года вышел указ о посылке мастеров «з женами и з детьми... на Верхотурье, а с Верхотурья в те места, где железным заводам быть пристойно». Указ прямо касался Янвера: содержал требование «взять» с принадлежащего Нарышкину завода мехового мастера с сыном, молотовым мастером. Судьба Янвера была решена, и он смирился с нею.

16 февраля 1700 года, за пять дней до отправления Янвер подал челобитную. В ней он просил установить ему такое же денежное жалованье, какое он получал «на Каширских, да на Алексинских и Поротовских заводах». В Центральной России оставались жена и дети Янвера. На их «прокормление» он просил «давать из вышеописанного оклада по половине». В Сибирь он собирался не навечно: отчислить часть оклада семье следовало лишь «покамест он будет на Верхотурье». Кроме того, он просил, чтобы вместе с ним на Урал был отпущен меховой подмастерье Савостка (Севастьян) Пахомов. По словам мастера, тот «меховому всякому делу навичен, только де в совершенство мехов привести не может». Без Пахомова «ему, Ивану, на заводах быть ником делом не возможно... для того, что он, Иван, стар и мало видит». Янвер бил челом, чтобы после того, «как он, Савостка, меховому строению у него... совершенно выучится», оставить его на Верхотурье, Ивана же отпустить «к Москве».

НА РИСУНКЕ:

Молотовый

амбар

XVII века.

на переднем плане

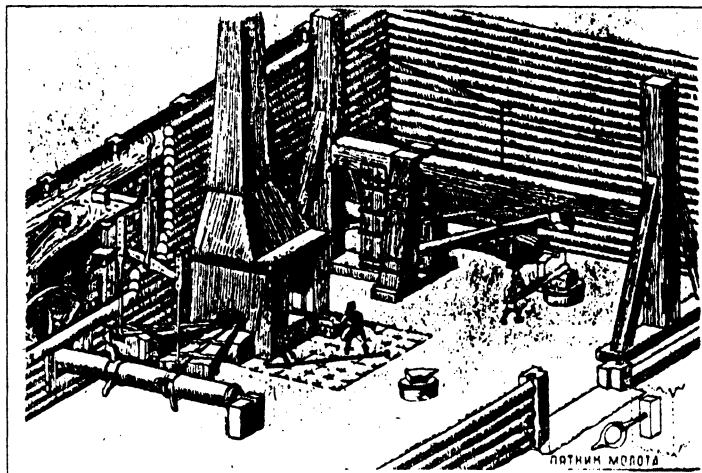
слева от кричного

горна

деревянные меха.

приводимые

в действие водой.

Янвер стремится именно в Москву, а не на родину в Швецию. Это, как и бесцеремонность, с которой распорядились Янвером, против согласия перекрестив его с берегов Скинги на берега Нейвы, говорит, пожалуй, о том, что он настолько натурализовался в России, что к нему относились уже как к российскому подданному.

В ПУТИ И ПО ПРИБЫТИИ

21 февраля 1700 года Янвер покидал столицу. Вместе с ним отправлялся мастер Филипп Деметьев. Отъезжающие давали «поручную запись» в том, что, получив «государево жалованье», они не сбегут в пути. Подчеркнем: Янвер и Деметьев были первыми мастерами, отправившимися на строительство заводов Урала.

С собой везли материалы и оборудование, в том числе молот весом больше 20 пудов и восьмипудовый пятник для молота. Всего снастей набралось свыше 450 пудов. Часть оборудования была изготовлена заводами Нарышкина.

До Верхотурья, этих «ворот в Сибирь» (здесь находилась таможня) добирались обычно «бабиновской» дорогой. Зимний путь из Москвы в Соликамск занимал примерно месяц, из Соликамска в Верхотурье — дней восемь. Столько ехал и наш герой, прибывший на Невьянский завод 29 марта. Оборудование поделиди: молот оставлен был на Невьянском заводе, прочее отправлено на Каменский — второй казенный завод, строившийся в Тобольском уезде. Предприятия строились одновременно, и Янвер, единственный специалист по мехам, должен был работать на обоих — так ему и плотинному мастеру Ермолу Яковлеву (тоже единственному) предписала Москва.

В сентябре и октябре 1700 года Янвер был на Каменском заводе. Тот строился более быстрыми темпами: тобольский воевода обладал властью большей, чем верхотурский.

С началом северной войны прекратилась поставка в Россию «свицкого» (шведского) железа, и важность скорейшего пуска уральских домен еще более возросла.

«ЗДЕЛАЛ МАСТЕР ЯНВЕРОВ»

Весной 1701 года оживилось строительство невянского завода. Заглянем в «росписную тетрадь», составленную при передаче завода 26 июня новому управляющему. «Зделал мастер Иван Янверов, — читаем в ней, — три пары мехов деревянных: доменные большие мехи длиною шти аршин (4, 3 м. — И. Ю.), поперег два аршина (1, 4 м. — И. Ю.), двои мехи длиною по пяти аршин, поперег по два без чети аршина» (1, 3 м). Кроме деревянных мехов были уже готовы и «мехи новые больших кож красных. Да мехи ж другие средние кож красных телятинных».

О работах для второго завода можно узнать из письма в сибирский приказ верхотурского воеводы Козьмы Козлова, отправленного 10 августа 1701 года. «Меховой мастер Иван Янвер, — доносит воевода, — на верхотурских (Невянских — И. Ю.) железных заводах зделал на Тобольские (Каменские — И. Ю.) железные заводы две пары мехов... Да к тем же Тобольским железным заводам готовит он, Иван, и третие мехи».

Из того же письма узнаем кое-что и о самом Янвере. У него до сей поры не был решен вопрос с оплатой: челобитная его, поданная перед отъездом на Урал, в части оклада удовлетворена не была. По цареву указу и грамоте, присланной с Москвы на Верхотурье, велено было «ему Ивану давать кормовые деньги, покамест Верхотурские железные заводы в совершенство будут не приведены, по десяти денег на день, а Совоске Пахомову по шести денег на день». С пяти копеек в день у Янвера и трех у Пахомова в год набегало примерно 18 и 11 рублей, что ох как далеко от 100 и 50, которые, по словам Янвера, они получали на Каширских заводах.

Да что деньги! Одолевали старость, болезни. Потому и боялся ехать один, потому и толковал о сыне.

Помня об Указе от 19 января 1700 года, я почти не сомневался, что на Урал Янвер отправился с сыном. Увы, архивные разыскания лишили этой надежды: в числе 43 посланных на Урал в 1700-01 годах ни Янверов (кроме Ивана), ни

Юрьевых не оказалось. Слепнувший старик был на чужбине одинок, как перст.

КОГДА «МЕХИ ДУТЬ ПОЧАЛИ»

Зимой 1701-02 года в Москве было, наконец, получено сообщение, что «Верхотурские железные заводы в совершенство приведены, и руда в домну засыпана декабря 11 числа, и мехи дуть почали и из домны чугун пошел в 15 день». Три недели спустя было получено и первое железо. Делали его молотовые мастера Сенька Петров и Оверчка (Аверкий) Тумаков. Тем временем на Каменском заводе было отлито 3 пушки и 2 мортиры.

4 марта 1702 года именным царским указом Невьянский завод был передан Никите Демидову. Прибывший сюда новый приказчик основательно «перебрал» персонал завода, включавший 22 специалистов, присланных в свое время Москвой. Освободившиеся места стали заполнять мастера с Тульского завода Демидова.

Где в это время был Янвер? Обратимся к приказной отписке, с демидовскими примечаниями. В ней вслед за именами Янвера и Пахомова читаем: «Иван приехал к Москве, а на заводе остался ученик его Ивана». Ученик несомненно С. Пахомов, но ученик уже выучившийся. Тому, что он дошел до должной степени мастерства, имеются недвусмысленные свидетельства.

Летом 1702 года с инспекцией на уральские заводы поехал А. А. Виниус. Большую часть времени он провел на каменном Каменском заводе: изучал производство, присутствовал на пробной пушечной стрельбе, опрашивая мастеров и подмастерьев. В числе опрошенных был и мастер Севастьян Пахомов. На Каменский завод его перевели с Невьянского. Для первого завода он сделал три меха, для второго — шесть.

Итак, Янвер выполнил все, возложенное на него, хотя в его возрасте это было совсем не простым делом. Когда он покинул Урал? В Москву он отбыл до приезда на уральские заводы Виниуса — в связан-

ных с этой поездкой документах имя его уже не упоминается.

Где прошли последние годы старого мастера — неизвестно. Скорее всего, он вернулся к семье, к совсем уже взрослым детям, быть может, на те самые Каширские заводы, откуда был «взят» когда-то на Урал. «Труды и дни» его приближались к концу. Но по всей стране трудились бывшие его ученики, теперь мастера: на заводах Меллера и Нарышкина, у Никиты Демидова в Туле, теперь вот еще и на Урале. Дело, которому он посвятил жизнь, продолжалось.

Вот и все, что мы знаем пока об Иване Янвере, одном из первых мастеров, участвовавших в создании на Урале при Петре I крупного железодельного производства. □

ОТКРЫВАЯ ТАЙНЫ КАСПИЯ

Александр ХАКИМОВ

Как у большинства людей, в моем представлении при слове «археолог» возникает образ загорелого человека в неизменной панаме, занятого раскопками древних городищ, и плоды его упорных поисков — черепки, монеты, оружие, статуи и другие молчаливые свидетели давно минувших веков, извлеченные из земли. А вы можете представить себе археолога в черно-желтом гидрокостюме, в маске и ластах, с аквалангом за плечами? Зависшего над морским дном археолога, возле которого громадной серебряной тучей проносятся сельди, и ужги грациозно извиваются у самого стекла его маски? Подводного археолога, от которого следы прошлого скрывает не только земля, но и море?

...В кабинете историка Виктора Александровича Квачидзе привычные вещи соседствуют с вещами самыми неожиданными: книги по истории — с рулонами фото- и киноплёнок, научные рукописи — с красками и кистями, археологические находки — с предметами подводного снаряжения; на стене висят картины и большая вырезанная из дерева африканская маска, творения рук хозяина кабинета. И приходит в голову, что человек, объединяющий все эти разные вещи — очень интересный человек...

А Виктор Квачидзе негромко рассказывает:

— Между островом Жилим и островом Артема, мористее гряды, на глубине 3 «Уральский СЛЕДОПЫТ» N2-1993г.

около тридцати пяти метров видели затонувший парусник. Один водолаз, проводивший работы на подводном газопроводе, рассказывал: большой корабль, лежит наклонно, со сломанной грот-мачтой. В свое время мы написали письмо в политотдел Каспийской флотилии. Там взяли было помочь, но потом похоронили дело под смехотворным предлогом. А жаль. Они могли бы здорово подсобить, у них есть водолазные суда... А у Северной ГРЭС мы подняли старинные ружья с затонувшего экспедиционного судна «Куба»... Вообще, на дне Каспийского моря

лежит много кораблей. Ведь сколько их ходило по Каспию с самых древнейших времен — рыбацких, торговых, военных... Просто из-за плохой видимости их очень трудно обнаружить. Вот если бы видимость под водой была, как на Черном море! А у нас, на Каспийском, на глубине 15-20 метров вода настолько мутная, что можно проплыть рядом с затонувшим судном и не заметить его. Исследования затонувших кораблей открыли бы новую интересную страницу в истории мореплавания на Каспии — ведь так мало известно о старых судах, об их конструкции. И грузы на этих кораблях должны быть интересные...

В моей памяти всплывают воспоминания о читанных в детстве приключенческих романах, и у меня буквально вырывается вопрос:

— Были ли на Каспии пираты?!

На что историк спокойно отвечает:

— Конечно, были. Ведь по Каспию пролегли морские торговые пути, а там, где есть торговцы — есть и пираты. Пиратство в те времена не считалось чем-то зазорным — скорее, это была разновидность военного ремесла. И своеобразный метод распределения, так сказать, материальных ценностей... («Мир принадлежит тому, кто храбрее и сильнее. Мы не воруюем, а отнимаем, и это благородное дело мужчины. Мы не спрашиваем ни о чем, когда берем чью-либо жизнь и имущество», — вспомнил я слова из старинной песни ви-

кингов — уж эти-то знали толк в пиратстве). Не секрет, что многие походы в чужие земли затевались главным образом ради грабежа. А на Каспии двести лет пиратствовали казаки — у них это называлось «казакованием». Многие из атаманов отсиживались на острове Жилом, очень удобном для таких целей. Бывал на этом острове и сам Степан Разин. А у острова Свиной, согласно преданию, в морском сражении Разин потопил с полсотни персидских кораблей. В этих местах нами были найдены характерные для казачьих судов металлические якоря и разная утварь...

Затонувшие корабли, пираты, подводные сокровища... И впрямь, как в захватывающем приключенческом романе!

— А хищники на вас напали? — спрашиваю я. Вопрос шуточный, и мы оба это понимаем. В Каспийском море нет хищников, способных напасть на человека.

— Во время работ на плите Погорелой возле нас все время вертелись тюлени. Гидрокостюмы наши привлекали их, что ли — черно-желтые «Садко»? Подплывали по двое, по трое, смотрели, чем мы занимаемся, и отплывали. А вот у острова Свиной один маленький тюлень, тюлененок, можно сказать, яростно кидался на всех подводников, пытался укусить. В конце концов, морякам пришлось убить его. А что оставалось делать? Возможно, тюлень страдал бешенством... Да, вот еще что, — Квачидзе смеется. — Там же, у острова Свиной, вокруг одного из аквалангистов сазаны водили настоящий хорвод. Десятка два сазанов плавали вокруг человека и при этом хрюкали, как поросята!

Я улыбаюсь, представив себе хрюкающих сазанов.

— А ужи обычно появляются из густой подводной травы. Стоит аквалангисту нырнуть — и к нему из зарослей устремляются змеи. Повертятся рядом — и отплывают в сторону. Иногда ужи держатся под водой целыми стаями...

Виктор Александрович Квачидзе окончил исторический факультет Бакинского университета. Девять лет проработал педагогом и воспитателем в школе № 2 в Мардакянах. Там увлекся краеведческой работой, участвовал в летних экспедициях по изучению античных памятников, организовал и вел краеведческий кружок. Далее судьба привела Квачидзе в Музей истории Азербайджана, где он работает вот уже 24 года (сейчас он — научный сотрудник).

В 1968 году, когда Виктор Квачидзе начал работать в отделе древней истории музея, у него возникла идея — создать группу подводного археологического изучения; в том же году была «пробита» тема по изучению затонувших памятников азербайджанского побережья. И вот, закончив специальные курсы и получив удостоверение спортсменов-подводников, шестеро сотрудников музея приступили к работе.

— Утвердили нам тему, дали штатные единицы, и мы начали стационарно рабо-

тать. Начались наши первые поиски... я работал в основном в паре с Геннадием Агаевым. Поскольку опыта, можно сказать, не было никакого, мы съездили в Москву и Ленинград — как бы на стажировку. Познакомились с работами Блавацкого, перенимали методику подводных поисков у ленинградских ребят из Географического общества. С 1968 года мы более двадцати раз проводили подводные археологические работы, и для их выполнения привлекали как научных сотрудников музея, так и подводников со стороны; были и ребята из клуба любителей подводного плавания «Наяда». Нам представляли суда Института географии — это были «Бакуви» и «Академик Миркасимов», море-

ходное училище имени Кафура Мамедова — учебное судно «Володя Дубинин».

Основные работы велись у устья Куры — главной водной артерии всего Закавказья. Здесь проходил один из путей, связывающих Восток с Западом, точнее, Черное море — через реку Риони — с Каспийским. Средневековые арабоязычные авторы — Идриси, Ма'суди — сообщали о том, что напротив устья Куры лежит остров, жители которого выращивают марену и разводят скот. Другие авторы утверждали, что остров славится своими пастбищами, и на него даже перевозят из Барды на лодках скот — пастись. На современной карте Каспия, как вы можете убедиться, такого острова нет, на этом месте находится лишь несколько затонувших банок, в том числе и Куринская банка. У нас имелись различные сведения — от летчиков, например, которые, пролетая над Куринской банкой, видели с высоты развалины каких-то затонувших строений... Или известный капитан Насиров, проплывая на судне мимо банки, тоже как будто бы видел развалины; еще он рассказывал, что в 30-х годах возил туда гостей, и какая-то девушка, ныряя, доставала со дна черепки посуды... В свое время об этом упоминал известный исследователь Каспия, член-корреспондент Академии наук Азербайджана Гюль, возглавлявший когда-то сектор проблем Каспийского моря. Эти же памятники интересовали известного азербайджанского историка XIX века Бакихано-

ва, который писал, в частности, что во многих селениях Апшерона видны колеи старых дорог, обрывающихся в море...

Увы, никаких следов строений и жилищ мы во время подводных поисков не нашли. Обнаружили другое — фрагменты средневековой керамики и загадочное разрушенное сооружение в виде бруса размерами 4 на 2 метра, выдолбленное в плоской плите, находящейся у самой поверхности моря. А во время обследования других банок мы нашли в прибрежной зоне такое количество керамики, что она буквально хрустела под ногами, когда мы шагали по дну... Особенно много было черепков от широкогорлых кувшинов, и мы тут же запачкали руки сажей от костра — так хорошо она сохранилась на черепках.

После нескольких лет работ на этом побережье мы пришли к выводу, что здесь был город, который сейчас находится наполовину на суше, наполовину под водой. На суше от него не осталось никаких следов — пески скрыли развалины города, похоронив их на глубине 253 метра. А подводная часть города принесла нам массу находок. Вдоль всего берегового клифа (обрыва) на протяжении 4-х километров мы находили остатки строений, очагов, кострищ, черепки кувшинов... Это был город с развитыми ремеслами — в двух местах мы нашли под водой очаги гончарных печей. В одной преобладали фрагменты керамики без орнамента, в другой — художественной керамики с надписями, изображениями зверей и птиц, очень много клейм на днищах этих блюдец и чаш. Интересны фрагменты керамики с эпиграфическими надписями — это всякие фразы, изречения, пожелания, выдержки из стихов; на одном из фрагментов были даже стихи знаменитого поэта Саади, звучащие в переводе приблизительно так: «Не гордись при мне, красавица, и я был когда-то цветком в этом саду». Встречались имена мастеров, изготовивших посуду.

Это городище, названное нами Бяндован-1, мы связали с древним городом Нов-шахр, или Гуштасфи, который, согласно данным средневековых источников, стоял на берегу моря у устья Куры в XII-XIII веках, и есть даже отчеканенная в XIII веке монета с названием этого города. А найденная нами керамика датируется как раз концом XII — началом XIII века.

И спустя много лет после этих экспедиций мы, как только представлялась такая возможность, выезжали на это побережье. Берег там глинистый, постоянно обваливается, обнажая культурный слой. Прибой выбрасывает все новые и новые предметы — гончарные штывы, например, средневековые обожженные кирпичи и камни, не характерные для здешних глинистых почв. Это явно остатки домов и строений. Под водой же мы находили остатки фундаментов домов, монеты, черепки посуды в углях и пепле, фрагменты керамики с начертанным на них именем мастера, чашечника Юсифа (не просто мастера, а именно чашечника, «кесагер»,

то есть с указанием специализации). И без того тяжелые подводные работы там были осложнены к тому же плохой видимостью. С утра-то еще ничего, а вот к полудню начал дуть бриз, начался накат волн, и вода в прибрежной зоне сильно взмучивалась...

А в 25 километрах севернее, у Заячьей горы, там, где пролегалo древнее русло Куры, мы обнаружили еще один интересный памятник. Вдоль этого русла мы в тот наш счастливый поиск нашли остатки домов и строений, керамику, стеклянные браслеты и другие вещи. Во время подводных работ на расстоянии 8 километров от берега (по суше) мы наткнулись на остатки большого городища, разделенного на несколько частей древними протоками Куры. Там мы нашли много гончарных печей, а также печи для обжига кирпичей, причем севернее последних остались две большие кучи бракованного кирпича. Город разрастался, и ему требовалось все больше и больше строительного материала. А у гончарных печей было большое количество слепшихся в массу сфероконов — характерных для средневековья сосудов. На другой свалке лежало много бракованной посуды IX-XI веков, выброшенной мастерами. Это узкогорлые глиняные сосуды с носиком и ручкой, покрытые белым ангобом... Исследования фрагментов бракованной посуды помогли уяснить технологию их изготовления. Оказывается, все части сосудов — носики, ручки, горловины, тулова — делали отдельно, а потом все соединяли и склеивали.

Это поселение мы назвали Бяндован-2 и связали его с древним городом Муганью (Мукан) — в том числе и потому, что напротив найденного городища находится остров Санги-Мугань (так в прежние времена назывался остров Свиной), который служил для древних мореходов своеобразным ориентиром при подходе к городу Мугани.

Больше всего меня поражают подводные находки блюд и чаш с изображениями животных. Хотя они и имеют сходство с такими же изображениями на керамике других городов древнего Азербайджана, но в то же время и отличаются своей локальностью. Находки на городище Бяндован-1 неповторимы по количеству и разнообразию клейм на днищах блюд и чаш. Среди них встречались, например, клейма с изображениями джейрана, собаки, всадника с соколом на руке — ценная соколиной охоты. На одном из фрагментов мастер запечатлел джейрана в прыжке. Изображение потрясает своим динамизмом, реалистичностью и хорошим знанием анатомии животного. Это высокое мастерство. Тем более, есть учесть, что рисунок наносился на керамику несколькими штрихами заостренной палочки. Если бы я даже не нашел ничего, кроме этих только изображений, я все равно был бы доволен, — говорит Виктор Александрович. — Ведь это рисунки художников XIII века! Если бы их не нашли подводники, они могли исчезнуть навсегда.

Я склоняюсь над столом, на котором

Квачидзе разложил фрагменты найденных под водой чаш. На кусках обработанной глины, покрытых удивительно сохранившейся глазурью, видны рисунки. Охотничий гепард, лев, бегущие по кругу лошади, олень, джейран, голуби... По словам историка, он работает над альбомом, куда войдут цветные фотографии рисунков.

После осмотра фрагментов посуды Виктор Александрович рассказывает о поисках древнего порта:

— Голландские, английские и другие путешественники и дипломаты, побывавшие на Каспийском море при посредстве Московской Компании для поиска в Закавказье маршрута Великого шелкового пути, в своих записках часто упоминают

некий «порт Бельди». Проанализировав эти источники, мы предположили, что порт Бельди располагался на месте нынешнего поселка Билья. Правда, были серьезные сомнения: как в этом открытом месте, где господствуют северные ветры, мог быть порт?

Подводные поиски открыли полузатопленную грядку, от которой над водой видны лишь острые верхушки скал, прозванные нами «зубами дракона». Несколько веков назад, когда уровень Каспия был гораздо ниже, эта грядка, укрепленная к тому же наносами и обрастаниями ракушек, служила своеобразным естественным молотом. Вот в этой-то котловине, ограниченной берегом с одной стороны и молотом с другой, и мог располагаться «порт Бельди».

Работы были затруднены сильным северным ветром, из-за которого целую неделю нельзя было войти в воду. Подводники в лагере приуныли. На восьмой день ветер, наконец, утих, установилась хорошая погода. И при первом же погружении обнаружили впадину на дне, заполненную множеством каменных и металлических якорей. Каменные якоря — квадратные, с отверстиями посередине — лежали порой по три-четыре друг на друге, мы их даже принимали сначала за зерноотки или жернова. Возле якорей был еще

какой-то сферический предмет из бронзы. Благодаря этим находкам мы и пришли к выводу, что именно здесь и могла быть древняя стоянка-порт.

Работы велись не очень тщательно, но несмотря на это материалов было найдено достаточно много. Один из участников нашей экспедиции, Володя Молчанов, нашел на дне серебряную корчагу новгородской работы с надписью на древнеславянском языке: «Доброму человеку для веселия»; корчага на трех ножках-львах, с умбомом в середине в виде лежащего льва с поднятым хвостом (очень похожим на суздальских львов). Корчага вся обросла ракушками, была похожа на камень, и лишь незаурядное внимание позволило заметить ее на морском дне. Подводника привлек блеск. Молчанов же нашел окаменевшие массы — металлические ножи с деревянными рукоятками, в кожаных ножнах со следами тиснения. Такие ножи делали в Москве в XVI веке.

Район очень перспективный, здесь возможны находки затонувших кораблей. Место интересно тем, что порт Бельди находился на древнем морском пути, связывающем Персию с Астраханью (то есть с Россией), а через Россию с Европой, иными словами — Восток с Западом. Здесь проходил Великий шелковый путь, существовавший с древнейших времен до средневековья, и это подтверждается находками китайской посуды. Ведь купцы, следовавшие Великим шелковым путем, везли не только шелковые изделия, но и многое другое. Шелк, естественно, истлел, а осколки посуды сохранились. Были найдены и чисто китайские изделия, и подражания им иранских мастеров. Спрос на фаянс, на селадоновую и кобальтовую посуду в Европе был очень велик, вот иранцы и пытались заполнить рынок таким образом. Правда, по качеству иранская посуда заметно отличается от китайской, и всегда можно определить без труда, где оригинал, а где подражание.

Одной из задач, которые мы ставили перед собой в этих исследованиях, было уточнение кривой колебания уровня Каспийского моря. Найденное городище Бяндован-1 и позволило уточнить одну из точек колебания. Берег сверху выглядел, как слоеное пирожное, и по этим слоям оказалось возможным определить динамику движения Каспийского моря на протяжении от XIII века и до наших дней.

Тут я прошу Виктора Александровича подробнее рассказать о последней экспедиции группы.

— Во время последней экспедиции, в 1987 году, наш лагерь располагался на месте, которое в лоции значится как Большая плита (а есть еще и Малая). В этом месте выдвигающаяся гряда образует островок, связывающий остров Артема с островом Жилым. Видимо, когда-то там шла береговая линия... Старики рассказывали — а они, в свою очередь, слышали о том от своих дедов, — что когда-то там была сухопутная дорога, по которой возили товары на остров Жилой. Кое-где дорога была притоплена водой, но они,

деды, знали места, где можно проехать на арбе. В XII-XIII веках островок был обжит — там были колодцы, а значит — вода; на острове найдены также старые могилы.

Островок занимает такое место — как бы между Северным и Южным Каспием, обойти его никак нельзя. В то же время остров, так сказать, оторван от цивилизации. И не зря в свое время на острове Жилом побывали многие казачьи атаманы, в том числе и сам Степан Разин.

В тех местах нами и были найдены металлические Т-образные якоря. Такие якоря находили в Болгарии, на Днестре, в Запорожье... Веретено и лапы этих якорей соединялись печной сваркой. С седьмого по четырнадцатый века конструкция этих якорей не изменялась. У нас, в Азербайджане, они найдены в Бильгя, на Большой плите, на острове Свиной. Находки якорей подтверждают маршрут древних русов в Барду, на южное побережье Ирана.

Основные же работы в этой экспедиции были связаны с изучением затонувших средневековых городищ на азербайджанском побережье Каспия. Мы обнаружили там, в частности, керамику, посуду IX-XII веков...

Я внимательно слушаю своего собеседника. А Виктор Квачидзе рассказывает и рассказывает — об упорных поисках, когда порой из-за отсутствия видимости приходится буквально ощупывать дно босыми ногами; о радостях находок, о том, как хвастались друг перед другом участники экспедиции найденными за день черепками с надписями или рисунками животных... Один из подводников нашел почти целый кувшин, опоясанный изображениями четырех птиц (характерный орнамент для сасанидского искусства), и, подплывая к лагерю на лодке, держал его над головой, чтобы еще издали было видно... Потом драгоценную находку торжественно водрузили на стол экспедиции, где она простояла несколько дней. Квачидзе рассказывает о том, как тянутся к людям звери и птицы, как подводники лечили крыло прибывшей к лагерю чайке-мартыну; как лиса обхитрила одного из участников экспедиции (точь-в-точь как в русской народной сказке!); как непрошеными гостями поселяются в палатках скорпионы и фаланги...

— На острове Терешкина, — рассказывает Виктор Александрович, — была большая пещера с узким входом, облюбованная браконьерами и превращенная ими в укрытие, где они прятались от рыб-инспекции. Места там рыбные... По рассказам рыбаков, на острове Терешкина видели подводный грот с наскальными рисунками, очень похожими на гобустанские. Это изображения людей и животных, датированные эпохой поздней бронзы. Но мы так и не нашли этот грот. Остров очень изменился, изменились его очертания. Поднявшийся уровень моря разделил остров на три части, стало трудно ориентироваться под водой. Хоть и не нашли грот, зато Владимир Беденко, бакинец, во

время одного из погружений увидел всплывший остов деревянного судна. Судно это было торговым и затонуло в начале прошлого века на пути к Апшерону. В этом месте были найдены несколько фарфоровых пиал. Интересно то, что хрупкие пиалы пролежали более ста лет на дне моря, где постоянно происходили смещения рельефа, и сохранились — в то время как от самого судна осталось только днище...

Вообще в местах, где работаешь уже не один день, ориентироваться под водой легко — как будто идешь по знакомой улице, где тебе известен каждый поворот. Но все меняется, море движется... — Квачидзе вздыхает. — Там, где мы когда-то

ходили по керамике, сейчас нет ничего, кроме песка. Каспий лишь на время раскрыл нам свои тайны...

...Группа подводных археологов неоднократно помогала и другим специалистам, чьи исследования были связаны с Каспийским морем: ботаникам в сборе образцов водорослей с морского дна, геологам и геоморфологам — в «привязывании» космических снимков Туркменского залива и поисках подводных грязевых вулканов, ученым из Института физики Земли — в работах по изучению геомагнитного способа керамического производства. В экспедициях участвовали подводники из Москвы, Минска, Киева, Астрахани. Материалы по подводным исследованиям, представленные на ВДНХ, были удостоены бронзовой медали, а участие на выставке ЭКСПО-75 в Японии — благодарственного письма. О деятельности группы подводного изучения снято три телевизионных фильма и множество любительских. Лента, снятая «Центрнаучфильмом», называется «Не легенда, а быль...» Эти слова взяты из высказывания академика Губкина: «Легенды о затонувших городах и деревнях не легенды, а сущая быль...»

Виктор Квачидзе — автор более 50 научных статей; около 80 статей опубликовано им в периодической печати, а некоторые из них — в немецком журнале «Посейдон». Совсем недавно вышел альбом «Археологические находки на Каспийском побережье». Квачидзе — член Координационного совета по подводным ис-

следованиям при Институте археологии Академии наук, член Совета по проблемам Каспийского моря, состоит в комиссии по составлению атласа Каспия, работа над которым, к сожалению, приостановлена. При Бакинском отделении республиканского общества по охране памятников истории и культуры уже несколько лет существует клуб любителей истории «Гудси» («Гудси» — революционный псевдоним Бакиханова). Клуб объединяет людей разных возрастов и разных профессий, и состоят в нем не только бакинцы. Члены клуба устраивают встречи, выставки (в частности, прошла выставка «Каспийская Атлантида»), поездки. Там же возник смелый план — повторить путь древних русов...

У Виктора Александровича двое детей — уже взрослые сын и дочь, которые много раз принимали участие в экспедициях вместе с отцом. Квачидзе хорошо рисует — преимущественно корабли разных эпох. Коллекционирует разнообразную морскую атрибутику — например, ленточки от бескозырок с надписями флотилий — и все, связанное с кораблями (марки, значки, открытки). Увлекается резьбой по дереву и по камню и интересуется африканским искусством. Кроме того, Виктор Александрович умеет фотографировать, вести кино съемку, водить моторную лодку — подводный археолог должен быть мастером на все руки.

...На прощание я прошу Виктора Александровича показать что-нибудь необыкновенное из того, с чем ему пришлось столкнуться в море. Сдвинув брови, Квачидзе размышляет. Потом, покопавшись в ящике стола, высыпает передо мной горсть гладких камешков.

— Это с побережья острова Булла... Ну-ка, объясните их происхождение!

— Галька как галька, — я недоуменно пожимаю плечами. — Разве что форма...

Форма у камешков и в самом деле не совсем обычная. Каждый из них одинаково закруглен с обеих концов и напоминает бочонок для игры в лото. Беру один из камешков в руки. Он непривычно тяжел.

Квачидзе смотрит на меня с добродушной усмешкой, ожидая ответа, а я теряюсь в догадках. Что могло обработать гальку с такой необыкновенной точностью? Вода? Ветер? Человеческие руки?

— Не могу сказать, — признаюсь я наконец.

— И я не могу сказать, — отзывается историк.

Покидая музей, я думал о том, что мы восхищаемся — и заслуженно — великолепными зарубежными фильмами о подводном мире, но часто забываем о том, что живем на берегу Каспийского моря, не менее интересного, чем другие моря планеты.

Каспий лишь на время приоткрывает свои тайны, вспомнил я. Что же, тем сложнее и почетнее труд Виктора Квачидзе, уже много лет ищущего затонувшие города. ■

Александр МАТВЕЕВ

РАССКАЗЫ
О НАЗВАНИЯХ

ВАГА

Этот крупный левый приток Северной Двины начинается в вологодских краях, течет прямо на север и впадает в Двину почти в самом центре Архангельской области. Чуть ли не половину Русского Севера пересекала Вага.

Названия больших рек часто бывают древними. И хотя Вага сейчас самая что ни на есть русская река, искать корни этого названия в нашей речи — дело бесполезное: к диалектному ВАГА — «вес», «тяжесть», «гиря», «весы», «рычаг», а также «влаение», «власть», «могущество», «сила» оно не имеет никакого отношения. Но и в других языках найти объяснение слову вага не так-то просто... Известный славист А. И. Соболевский нашел, например, еще одну Вагу на Черниговщине и соотнес обе Ваги с названием реки Вах в Чехословакии. Но ему возразили, что гидроним Вах — немецкий по происхождению. А от Архангельска до Германии далеко-далеко...

Другое дело — литовское слово ВАГА — «борозда», «русло», которое в точно такой же форме и в том же значении проникло и в русские говоры Литвы, а в более древние времена — в прибалтийско-финские языки (финское ВАКО, эстонское ВАГУ, вепсское ВАГО — «борозда»). Эта версия очень привлекательна, тем более что и название реки «Двина» может найти объяснение в балтийских и прибалтийско-финских языках. Но есть еще один путь...

В бассейне Северной Двины много названий рек на ВАЖ, вроде Кестваж, Соваж, Ухваж. Это самое ВАЖ имеет значение — «приток». Оно находится в дальнем родстве с коми ВОЖ — «приток», например, Войвож — «Северный приток», Лунвож — «Южный приток».

Конечно, между ВАЖ и Вага — разница большая, но такого рода метаморфозы хорошо известны. Да и крупные реки часто называют просто «Река» или «Приток». Сперва возникло название ВАЖ («Приток»), а затем уж в русском языке из Важ получилось Важка. Эта форма есть и в русских исторических памятниках и до сих пор в ходу у местных жителей. А дальше стал действовать удивительный закон

обратного словообразования, или по-научному редеривации. Казалось бы, слово ЗОНТИК образовано от ЗОНТ, ФЛЯЖКА — от ФЛЯГА. Но на самом деле все наоборот: ЗОНТ извлечено из ЗОНТИК, которое было заимствовано из голландского ЗОННЭДЭК, дословно «КРЫША ОТ СОЛНЦА», а ФЛЯГА из ФЛЯЖКА от польского ФЛЯШКА, немецкого ФЛЯШЕ — «бутылка». Можно обойтись и без заимствований: новообразование ДОЯР от ДОЯРКА — тоже редеривация.

По закону обратного словообразования и могло возникнуть Вага из Важка. Так что это название «переводится» по-разному — как «Русло» и как «Приток». Трудно сказать, какой путь правильнее.

ЗАВОЛОЧЬЕ

Это древнее русское слово теперь знают немногие: историки, краеведы и другие любители старины... А когда-то слово гремело на Руси...

В бассейне Северной Двины русские проникли давно — на рубеже тысячелетий, если не раньше. Ведь в конце XI века предприимчивые новгородцы добрались уже до западных отрогов Полярного Урала — Камня. А в знаменитой уставной грамоте новгородского князя Святослава Ольговича 1136/1137 года прямо говорится о владениях Новгорода по Онеге, Пинеге, Ваге, Емце, Моше и другим северным рекам. Значит, к этому времени русские уже освоили обширный северный край, который и стал называться Новгородским Заволочьем или просто Заволочьем, а коренное местное население — Чудью Заволочской.

Много привлекало здесь русское человека: свободные земли для пашни, богатые дичью леса, рыбные реки, выход к морю, и наконец, пусть трудные, но прямые пути на Урал — в «пушные» края.

Вот и стало название Заволочье все чаще мелькать на страницах русских летописей, а также в грамотах и других деловых документах, особенно в XIII в., когда новгородцы и москвичи крепко поспорили и даже повоювали из-за богатых заволочских земель.

Но все-таки почему Заволочье? В словаре Владимира Даля слово ВОЛОК объясняется как «переволок, перешеек между двух рек, где переволакивают лодки или товар с них с одной реки на другую». Значит, Заволочье — а это слово тоже есть в удивительном по полноте словаре Даля — «место или сторона за волоком». Таких слов в русском языке много: ЗАОЗЕРЬЕ — «место, сторо-

на за озером». ЗАБОЛОТЬЕ, — «место за болотом», ЗАРЕЧЬЕ — «место за рекой»... А отсюда названия русских деревень Заозерье, Заболотье, Заречье, которым нет числа. Слово ЗАВОЛОЧЬЕ как нарицательное тоже гуляло по всем русским землям вплоть до Восточной Сибири: в документах Якутской воеводской избы за 1639 год упоминается некий Роспутка, который был по государевым делам за ленским волоком и пришел из Заволочья.

А новгородское Заволочье стало топонимом. Обозначало это название огромный край — онежские и двинские земли, бассейн Мезени и даже Припечорье, в общем все до Урала. Чтобы попасть в Заволочье, надо было пройти волок, за которым оно и находилось. В книге историка М. Н. Тихомирова «Средневековая Россия на международных путях» (1966) читаем: «Новгородцы называли эти земли общим термином Заволочье, потому что по отношению к Новгороду они лежали за волоком, т.е. узкой полосой земли, которая разделяла бассейн Сухоны и бассейн Белого озера с Шексней. Через эту полоску земли надо было перетаскивать или перевозить речные суда для того, чтобы путникам открылась громадная водная дорога по Сухоне и Северной Двине к Белому морю». В «Лексиконе» В. Н. Татищева Заволочье определяется подобным же образом, но поакопичнее, как этого требовал жанр словаря: так у новгородцев называлось «все поморие до Печоры, ибо оно было великими лесами отделено, которые Волок именовали».

ЛАЧА

Это сейчас в древний город Каргополь, что находится близ истока Онеги и озера Лача, стремятся и поклонники древнего искусства, и туристы, и прочий ученый и неученый люд: посмотреть на купола каргопольских церквей и другие памятники северного зодчества. В старину же места эти были совсем не притягательны, потому, наверное, и ссылали сюда великие князья и правых и виноватых. В конце XIV века великий князь московский Дмитрий Иванович Донской отправил в ссылку на озеро Лача некоего попа Ивана Васильевича и, пожалуй, не зря, потому что наши у него попа «злых и лютых зелей мешок».

А вот чего ради попал сюда векком раньше Даниил Заточник, автор знаменитого «Моления», наверное, уже никогда не узнать. Да и о самом Данииле известно только, что был он умен и талантлив и так вот

написал о месте своего заточения: «Ведь, господине, кому Боголюбиво — а мне горе лютое, кому Бело озеро — а мне же, на нем сидя, плач горький, и кому-то Новгород, а у меня в дому и углы завалились...» Замечательным стилистом был автор этих строк. Обыгрывая географические названия, он построил ряд ярких антитез, олакивая свою горестную участь: божья любовь и горе лютое, белое озеро — черная смола, новый город — дом, где углы завалились.

А что же в таком случае таится в загадочном названии Лаче озеро, которому противостоит плач горький? Судя по серии одинаковых стилистических фигур, тоже что-то положительное. И действительно, есть в русских говорах слово ЛАЧА, одно из значений которого «удача», «везение», так что понимать надо: «кому озеро лачи (удачи), а мне горького плача». Все здесь на месте — и смысл и звукопись. Только вот до разгадки самого названия озера отсюда еще далеко, потому что Даниила Заточника только обыграл древнее «чудское» название, дав ему, как говорят, народно-этимологическое объяснение.

Название озера Лача, как и другие широко известные топонимы, жило да и сейчас живет в целом ряде вариантов: Лача, Лаче, Лачозеро, в древнерусских источниках — Лач озеро, Лачь озеро, Лаче озеро. А названий такого рода на Русском Севере пруд пруди — Мяздозеро, Пертозеро, Шубозеро и многие другие. Это полукальки или полупереводы, то есть русские перевели чудской географический термин со значением «озеро» на свой язык, а первая часть топонима осталась без изменений. Так, из Мяздоярви — «Сосновое озеро» получилось Мяздозеро, а из Пертиярви — «Избное озеро» — Пертозеро. Значит, и Лачозеро — полуперевод.

А вот значение основы ЛАЧ удалось найти не сразу. То видели в ней измененное финское ЛАХТИ — «залив», то связывали со слогом коми языка ЛАЧ — «болото с буграми, кочками», но самой убедительной оказалась этимология ленинградского профессора А. И. Попова: в карельском языке есть слово ЛАЧ-ЧУ — «плоский, ровный, отлогий; низкий, низменный, мелкий, неглубокий», видимо, от этого слова и образовано название озера. И действительно, несмотря на свои размеры (335 квадратных километров) озеро мелководно (максимальная глубина — 5 метров), у него ровное дно, а берега плоски, низменны и болотисты.

В субстратной топонимии Рус-

ского Севера основа ЛАЧ встречается часто. Еще одно Лачозеро есть в бассейне реки Оять, другое — в Пинежском краю, а кроме того есть Лачурчей, Лачмыс, Лачостров, Лачема...

Так что скорее всего был прав покойный Александр Иванович Попов, хотя и Даниила Заточника неправомерно распорядился этим словом, признав его за русское. Повода для конфронтации здесь, конечно, нет, да и озеро Лача, по местным поверьям, не любит ссор: когда ссорятся, то плохо рыбка ловится.

Памятуя об этом, приведу все-таки еще одну версию-головоломку: по-вепсски ЛАЧ — «кадка», а одна глубь в озере Лача называется Пьяное Корыто. Значения «кадка» и «корыто» довольно близки, «пьяным» могли назвать место поглубже, где волны побольше. А вдруг перед нами метафора: первопоселенцы назвали озеро ЛАЧ — «кадка», до нас же дошло и древнее название в форме Лача и его неточный, да еще и дополненный перевод — «Пьяное Корыто»?

ЛЕШУКОНСКОЕ

Там, где в большую северную реку Мезень впадает ее самый значительный приток Вашка, привольно раскинулось старинное село Лешуконское, центр одноименного района Архангельской области. Отсюда русские в старину спускались вниз по Мезени к студеному морю и поднимались против течения, чтобы в конце концов попасть к волоку и в бассейне Печоры.

Но до Лешуконского еще надо было добраться или морем из устьев Северной Двины, вкружную, причем круг получался немалый, или сушей по длинному лесному волоку между Пинегой и Мезенью, прямым 100 верст, а выходило, конечно, побольше.

И уж если зашла речь о названии Лешуконское, то об этом самом волоке помнить надо будет непременно.

На первый взгляд, ничего особенного сложного в этом названии нет. Есть ведь такая русская фамилия Лешуков, образованная от прозвища Лешук, а прозвище это связано с диалектным ЛЕШУК — «леший». Так что Лешуков — прямая родня другой русской фамилии Лешаков — от ЛЕШАК, а это тоже «леший». К названию Лешуконское фамилия Лешуков действительно может иметь кое-какое отношение, но все обстоит не так просто, хотя диалектное слово ЛЕШУК — «леший» прямо само напрашивается в этот топоним. Только вот почему

тогда вместо ожидаемого ОБСКОЕ (Лешук-овское) в названии появляется онское (Лешук-онское)? Видимо, здесь что-то не так...

Ну, а если попробовать другой путь: в русском языке есть прилагательное КОНСКИЙ, может быть, надо делить Лешу-Конское? Как ни странно, так оно и есть. Только это совсем другое КОНСКОЕ, не имеющее никакого отношения к самому благородному домашнему животному.

Прежде всего названий сел и деревень на КОНСКОЕ, КОНСКАЯ в Архангельской области довольно много. Чухчонская, Среднеконская, Нижнеконская и другие. А так как деревню Чухчонскую иначе называют Чухчин Конец, значит, в слове КОНСКИЙ скрывается нарицательное КОНЕЦ — «часть деревни, села» во многих русских говорах. Потом такая часть деревни могла стать и самостоятельным селением. Из Средний Конец получалось Среднеконская (деревня), из Нижний Конец — Нижнеконское. Липовисты давно уже разгадали секрет этих названий: сейчас деревня называется Жабий, а ее жители — жабоконы, значит, другое название деревни в прошлом Жабоконская, еще раньше — Жабий Конец.

Вот теперь мы почти у цели. Видимо, название села Лешуконское тоже скрывает усеченное КОН из КОНЕЦ. Но тогда что же представляет собою первая часть топонима? Тут-то и надо вспомнить о волоке с Пинеги на Мезень. В одном описании этих мест о Лешуконском, тогда еще деревне, сказано: «по преданию, эта деревня, стоявшая прежде среди дремучего леса, в древние времена была главным и центральным пунктом для пинежских крестьян в их охоте за птицами и зверьями». Но ведь для пинежских крестьян Лешуконское было концом длинного лесного волока, а русское ЛЕШИЙ — это не только лесной черт, который может «попутать» и крещеного и некрещеного, но и просто прилагательное ЛЕСНОЙ в смысле «относящийся к лесу». В тех же архангельских говорах ЛЕШИЕ ПРОМЫСЛЫ — «лесные промыслы», ЛЕШИЕ ИЗБЫ — «лесные избы», ЛЕШИЙ ЗВЕРЬ — «лесной зверь». Значит, и Лешуконское — из Леший Конец, т.е. «Конец леса», «Лесной Конец». Правда, есть тут еще одна задачка: из Леший Конец должно получиться Лешеконское, а у нас Лешуконское. То ли и на самом деле сперва был Лешуков Конец, а в котором жил некто по прозвищу Лешук, то ли со временем слово ЛЕШИЙ в значении «лесной» стало забываться и его по народной этимологии заменили на ЛЕШУК. ■

ПЛАНЕТА ● МЕЧТА

ПОВЕСТЬ

иллюстрации Павла КРАПИВИНА

Азарика медленно брела по коридору. Вдруг она услышала смех, визг, крики... Шум доносился из малого бального зала. Девочка тихонько подобралась к двери и заглянула туда.

Посреди зала стояли кругом придворные, держа перед собой большие, почти в человеческий рост, зеркала. Их поверхности ослепительно сверкали, отражая свет огромных люстр.

Придворные смеялись, потешаясь над кем-то. В их смех вплетались отчаянный визг и крики. Девочка подкралась поближе. Ее никто не заметил: придворные были слишком увлечены.

В кругу метался не поймешь, кто: то ли человек, но почему-то весь черный и, кажется, в шерсти; то ли зверь, но стоящий на двух лапах.

Видимо, забавлялись придворные уже давно. Азарика видела, что существо вот-вот упадет... Она нащупала в кармане болт (у нее карманы всегда были полны железок) и запустила его в одно из зеркал. Его держала фрейлина фон Марта — толстушка, обожающая падать в обмороки. Вот и сейчас она взвизгнула и мягко опустилась на пол. Стоящий рядом кавалер отбросил зеркало (оно со звоном разлетелось на сотню осколков) и кинулся поднимать ее. Существо, воспользовавшись брешью, исчезло.

Азарика успела спрятаться за колонну и, как только все сгрудилось вокруг фон Марты, понеслась к выходу. Не хватало еще, чтобы ее поймали. Кто знает, какое наказание тогда придумают придворные. Хорошо, если только скажут родителям... То есть это хорошо для Азарики, а никак не для родителей. Мама снова будет плакать и хвататься за сердце, а отец долго и нудно объяснять, что если их выгонят с работы, то они не найдут больше такого хорошего места...

Сад был огромный, следили за ним только около дворца, а чуть подальше он превращался в обычный лес.

Азарика забралась в дальний угол сада. Возле самой его ограды стояли два дерева, со всех сторон заросшие кустарником. Казалось, что это — маленькая непроходимая чаща. Но это только казалось. Азарика знала проход внутрь: там воз-

ле одного из столбов были вкопаны скамейка и стол.

Она села, вытянула из-за кожаного пояса книгу. Но не успела ее раскрыть, как услышала:

— Привет.

Азарика подскочила: рядом сидело существо, которому Азарика помогла сбежать от придворных.

Повыше Азарики, в черной одежде, черных перчатках и сапогах. Темные пышные волосы, горбоносое лицо с пустыми глазами без зрачков, угольные брови вразлет, тонкие бледные губы.

— Привет... Как ты меня нашел?

Он усмехнулся:

— Это очень просто для нас, чертей...

— Кого?

— Чертей. Ты всегда помогаешь неизвестно кому? Советую не делать этого, можешь нарваться на неприятности.

Азарику возмутил его надменный тон. На благодарности она не рассчитывала, но и выслушивать наставительные лекции не собиралась.

— В следующий раз, когда тебя зажмут в кругу, я спокойно пройду мимо, — ехидно отозвалась она.

— Следующего раза не будет, — холодно ответил собеседник.

— Да? А почему в этот раз попался?

— Один из оболтусов-придворных нашел Великую книгу, и я не мог не прилететь по вызову с заклинанием.

— Ну вот, еще раз скажет заклинание...

— Книгу я уничтожил.

— Ну и ладно, — разозлилась Азарика. — Что ты вообще ко мне прицепился? Зачем пришел?

— Ты мне помогла. На добро мы можем отвечать услугой. Если хочешь, я могу взять тебя с собой.

— Куда? В ад?

— Нет. В школу Черной Магии. Ты будешь способной ученицей.

— Нет уж, благодарю.

— Подумай. Многие были бы рады туда попасть.

— Ну, «многих» и бери, — буркнула Азарика.

— Как хочешь. Предложение остается в силе ровно год. Если надумаешь, позови меня.

Через миг он исчез. Словно его и не было.

В пять часов надо было помогать маме готовить ужин, и Азарика пошла ко дворцу.

По дороге ей встретился Крин — младший смотритель собак, противный шестнадцатилетний парень. Он был старше Азарики на три года, но выше ее ненамного и вряд ли сильнее. Сейчас он шел со своим взрослым братом-стражником.

Азарика огляделась, соображая, что предпринять. Одно дело встретиться с Крином один на один, а совсем другое, когда рядом его братец-защитничек... Тем более, что только вчера Азарика подралась с Крином: он приставал к ее младшему брату Вельке.

Крин, увидев ее, что-то быстро зашептал брату. Раздумывать было некогда, она рванула в первую попавшуюся аллею.

На очередном повороте девочка, наскочив на кого-то, подняла голову. Перед нею стоял Шут. Азарика выпалила:

— Извини, — и хотела бежать дальше, но Шут придержал ее за плечо.

— Подожди...

Шут был парень двадцати четырех лет, появился он в замке семь лет назад: его привезли с новой партией рабов с невольничьего рынка. Это и все, что Азарика знала о нем. За все время они едва ли обменялись парой фраз. В товарищи для игр Шут явно не годился, поэтому девочка и не пыталась завязать с ним знакомство.

С рабами-сверстниками Азарика играла охотно, да и само рабство считала скорее условным понятием. Может быть, потому, что до сих пор только слышала о жестокости господ. В замке же рабы отличались от свободных слуг, пожалуй, лишь тем, что им давали прозвища по занимаемым должностям. Если же несколько человек выполняли одинаковые обязанности (например, поваров было пятеро), то к должности прибавлялся еще номер.

— От кого убегаешь, если не секрет?

— А, чуть не наскочила на Крина с братом... Я тебе зачем-то нужна?

— Твое? — Шут протянул на ладони значок — крошечная стрела из темной стали.

— Да... Откуда он у тебя? — Азарика привычно потрогала воротник. И вдруг вспомнила, что утром, надев чистую рубашку, сняла значок с прежней, сунула в карман, чтоб приколоть попозже, и забыла.

— Откуда, — Шут усмехнулся. — Так это ты устроила переполох в малом зале? И не жаль тебе фон Марту? Ты ведь могла серьезно ее поранить...

— Ну, не знаю... Я пониже целилась, а у нее длинная юбка, осколки даже по ногам не цапнули. Конечно, тебе ее жаль, а этого... черта не жаль, да? Они бы его до смерти загоняли...

Шут молчал.

— Доволен, что нашел? Ну и катись, докладывай...

— Очень надо! — Он сунул значок ей в ладонь. — Только с чертями лучше бы не водиться...

Последнее слово заглушил мелодичный пере-

звон старинных часов на главной башне замка. Четверть шестого.

— Ой, я уже опаздываю. Пока. Спасибо!

Шут проводил взглядом Азарикку. Хмыкнул по себе. «В ее годы все такие смелые. А повзрелеют, куда что денется. Впрочем... Есть же такие люди, как Учитель...»

Он вспомнил светлые внимательные глаза под густыми бровями, чуть тронутыми сединой. Потом, как из тумана, постепенно обретая четкость очертаний, появилось лицо.

Глубокие морщины, среди которых угадывалось несколько застарелых шрамов, крупный нос, тяжелый подбородок. И — постоянное, как маска, никогда не меняющееся выражение лица... Живыми были только глаза.

...Учитель ходит между подростками, сидящими прямо на полу. Их всего пятеро — тех, с кем он проводит Уроки Высшей ступени. Лекция уже заканчивается. Вот Учитель делает небольшую паузу — так всегда бывает перед последней темой.

— Главное в нашей профессии — чувство собственного достоинства... — Он обводит глазами учеников. Те внимательно слушают: вопросы — в конце урока, возможно, даже будет спор. Несмотря на то, что споры запрещены, Учитель на Высших Уроках позволял их.

— Если вы хотите пользоваться вечной привилегией шутов — говорить правду в лицо, то запомните: никогда, ни в коем случае не опускайтесь до угодничества. Не унижайтесь и не позволяйте другим унижать вас.

...Это был его последний урок. На следующее утро Учитель внезапно умер.

Высшая группа — все пять человек — спрятавшись за корпусом, проводила взглядами машину, увозившую Учителя на кремацию.

Кто-то зло сказал:

— Тут без Проклятого Отряда не обошлось...

Лишь позже Шут понял, насколько это было правдой.

В группе появился новый учитель. С его приходом Высшие Уроки очень изменились... Шут, впрочем, уже заканчивал учебу, и через несколько месяцев его отправили на рынок.

Вспоминая, Шут сидел на скамейке, упершись локтями в колени и положив голову на руки.

— Поза мыслителя, — слышался ехидный голос.

— А по-моему, поза бездельника, который увиливает от своих обязанностей.

Шут поднял голову. Трое придворных — Кент, Анчи и Лерт — остановились у скамьи.

— Обязанностей? — переспросил Шут. — Такие классические бездельники, и еще помните это слово?

Кент высокомерно процедил сквозь зубы:

— Шут, не хами. Для нас работа не обязательна, она — удел рабов.

— А моя работа как раз и заключается в том, чтобы хамить... таким, как вы.

Кент, засопев, двинулся было к Шуту, но Лерт придержал его за руку и спокойно сказал:

— Только соблюдай предел... а то придется сделать из тебя отбивную.

— Порча королевского имущества преследуется по закону... Так что сами соблюдайте предел. Не то ведь штраф платить придется!

Анчи сказал, как отрезал:

— Короче, мы тебя предупредили.

Тройка развернулась и двинулась прочь.

Солнечные лучи золотили стекло и падали на пол, вырисовывая светлый силуэт окна. Вечер.

Утром король уехал в Баграм на полторы недели. Поездка была деловая: Шут остался в замке, да и придворных Кальвин взял всего человек семь. Ну и, конечно же, с ним поехала жена. Ее величество никогда не отпускала супруга одного.

«Хорошо, хоть отдохнуть немного... — лениво подумал Шут. И тут же подколов себя: — Беденький, обычно ты так надрываешься! Если бы не уроки фехтования с королем, давно бы жиром заплыл... — Шут приподнялся на локте. — Надо хоть верховую прогулку устроить. С утра в комнате валяюсь!...»

Он натягивал второй сапог, когда в коридоре вдруг послышался шум. Дверь распахнулась, в комнату влетел Лакей-4 с какой-то девчонкой лет восемнадцати. Лакей повернул на два оборота ключ, торчащий в замке, и прислонился спиной к двери.

Оба тяжело дышали, а у девчонки, к тому же, на лице были следы слез.

— Это что-то новенькое, — с интересом сказал Шут. — Врываются без стука в чужую комнату, распоряжаются, как в своей...

— Тише! — попросил Лакей.

— А что случилось? — Шут смотрел на девчонку и соображал, кто она такая. Где-то он ее видел, это точно...

В коридоре послышался визгливый голос Горничной-1:

— Где эти мерзавцы? Вот доберусь я до вас...

«Так это Горничная-3! — вспомнил Шут. — Ее совсем недавно купили... Королева в поездку взяла Горничную-2, и «Первая», видать, излила свою досаду на девчонку. Лакей оказался рядом, вступился. И вот результат...»

В коридоре было три двери. В первую беглецы не могли скрыться: она вела на чердак и была заперта на большой висячий замок.

Еще одна дверь вела в комнату к Повару-5. Сейчас «Первая» рванула туда. «Через минуту она будет тут, — подумал Шут. — И не открыть нельзя, у этой дамочки наверняка есть второй ключ...»

Шут подтолкнул Лакея и Горничную к дивану и прошептал:

— Сидите, и чтоб вас не слышно было.

Отпер дверь, вышел и стал закрывать замок с другой стороны. В этот миг в коридор вылетела «Первая». Шут положил ключ в карман и поинтересовался:

— Что-то случилось?

— Да! И ты немедленно откроешь свою комнату!

— Чего ради?

— Я не обязана объяснять!

— А я не обязан открывать.

— Тогда...

— Э, нет. Я не позволю, — Шут прислонился к косяку двери. — Вы имеете право на обыск у рабов королевы, а также у тех, кто является совместной собственностью супругов. Рабов короля оставьте в покое. Не станете же вы отрицать, что вам известен Закон о личном имуществе супругов?

Во время этой речи «Первая» немного остыла.

— Я ищу рабыню, которая принадлежит королеве.

— Ну и ищите. Но только не в моей комнате.

— Но если она там спряталась!

— Докажите это.

— Для этого мне надо войти.

— Ну... Если вы предъявите мне одобрение их величеств... И обязательно обоих. Одного — это, увы, недействительно в данном случае.

Горничная отступила: Шут просто издевался над нею.

— Ладно, дурак, мы еще с тобой посчитаемся! — бросила она, уходя.

Шут дождался, пока она выйдет из коридорчика, и отпер дверь.

— Выходите. Эта дамочка сейчас приведет стражу, а им я зубы не заговорю!

«Третья» спросила у Лакея:

— Ну и куда мы теперь? Она же весь замок перевернет! И тебе влетит вместе со мной, ты ведь из «имущества обоих супругов».

— Вот что, — предложил Шут. — Я собирался на конную прогулку. Поехали со мной? Проветрится, а тем временем и твоя воспитательница остынет.

— Ну да, — хмыкнул Лакей. — И нам припишут «попытку побега».

— Обязательно. Если узнают о прогулке до нашего возвращения... Мы сделаем так, что не узнают.

— Договоримся с конюхом?

— Точно. А когда вернемся, приписывать «попытку побега» будет просто глупо.

Вечером, лежа в постели, Шут мучительно думал: кого напоминает ему Горничная-3?

Во время прогулки он несколько раз замечал в движениях девушки что-то неуловимо знакомое. Но что?

Наконец, он понял. И даже усмехнулся столь неожиданному сходству. Рабыня, эта наивная девчонка, своими быстрыми, резкими, ловкими движениями напомнила ему Лию — Пилота Свободного Поиска. С нею Шут познакомился в городе, он был там с королем два года назад.

В тот раз в Баграме собрались для каких-то экономических переговоров три короля планеты.

Первые два дня заняли балы и приемы. Потом началась «деловая» часть. Шут остался без работы и целыми днями бродил по городу.

В Баграме Шут был третий раз. Он уже знал, что жители здесь добры и приветливы только между собой. К рабам они относятся с презрением, считая их чем-то средним между обезьянами и биороботами. Поэтому Шут был на улицах крайне осторожен: не хотелось становиться мишенью какой-нибудь глупой «шуточки». Развлекаться подобным образом особенно любили здесь молодые: от нечего делать они иной раз собирались группами и бродили, специально выискивая жертву-раба.

Конечно, можно было просто сидеть в гостинице, но Шуту нравилось ходить по улицам, разглядывать дома, витрины магазинов, яркую неоновую рекламу. Да и на настоящие неприятности ни разу не нарывался... Везло до этого дня.

Навстречу Шуту по тротуару шла компания молодежи — человек пять. Они увлеченно спорили. Один из них, что-то доказывая товарищам, резко шагнул влево: Шута он просто не заметил, а тот не успел посторониться.

Толчок получился сильный. Шут на ногах устоял, а парень — нет. Он отлетел к стене дома, крепко приложившись к ней спиной. Это Шут увидел краем глаза — его больше интересовали остальные. Их вид и выражение лиц были для Шута далеко не утешительными.

Тот, с которым Шут столкнулся, злобно сказал:

— Что мы на него смотрим? Дать надо, как следует, чтоб научился дорогу уступать!

Но «как следует» дать не успели. Кто-то врезался в свалку, двое отлетели в сторону, третий, получив сильный удар, согнулся, хватая ртом воздух. Оставшаяся пара замерла — на них смотрели дула короткоствольных лучеметов. Все пятеро, что-то недовольно бурча, удалились.

Парень и девушка спрятали оружие и повернулись к Шуту.

Он за эти минуты пришел в себя. Чуть кружилась голова, но в общем состояние было терпимо.

— Благодарю вас...

— За что они тебя? — спросил парень.

— В основном, за это, — Шут приподнял левую руку, запястье которой плотно охватывал железный браслет — знак рабства. В замке браслеты не носили, но перед выездом рабов обязательно «кольцевали».

Девушка и парень обменялись презрительными улыбками. Шут принял это на свой счет, поэтому, чуть поклонившись, пошел прочь.

— Подожди! — крикнула девушка. Шут остановился и, полуобернувшись, посмотрел на странную пару. — Куда же ты в таком виде? Тебя задержит первый же полицейский!

— Почему?

— За нарушение порядка и спокойствия, — объяснил парень, а девушка протянула Шуту зеркальце.

— Посмотри на себя!

Да, зрелище было не из приятных.

Шут пожал плечами:

— Ну, задержат... И отправят к хозяину.

— Которому придется платить штраф, за что тебе непременно попадет, — закончила девушка.

— Пошли лучше к нам, — предложил парень.

Шут уставился на них — этого он не ожидал.

Новых знакомых звали Лия и Эрн. Они все-таки притащили Шута в свою квартиру. Как только Шут вышел из ванной, девушка показала ему на стул:

— Садись и замри. Буду тебя в порядок приводить. Да садись же!

Девушка попросила его закрыть глаза, протерла ему лицо какой-то жидкостью, потом наложила слой мази.

— А теперь посиди... Нет, глаза не открывай. А то будешь плакать целый день... Кому сказано: не открывать!..

— Попался, — насмешливо сказал Эрн. — Лия теперь не выпустит тебя, пока красавцем не сделает!

Беззлобно перебраниваясь с Эрном, девушка колдовала над Шутом, беспрестанно меняя сухие и влажные салфетки. Наконец она осторожно сняла с его лица остатки мази.

— Все. Иди умойся.

Когда Шут глянул в зеркало над умывальником, он не увидел даже намека на синяки.

Эрн, посмотрев на Шута, довольно улыбнулся.

— Садись, — он показал на кресло рядом.

Роботы, бесшумно катаясь взад и вперед, готовили стол. Шут решил спросить:

— Вы что, нездешние?

— С чего ты взял? — удивился Эрн.

— Свободный ни за что не сядет за один стол с рабом!

На лице Эрна мелькнула та же полупрезрительная усмешка, что и при виде браслета на руке Шута. Вопросительно глянув на Лию, он неопределенно заметил:

— Мы здешние в том смысле, что являемся гражданами этого города...

Видя, что Эрн не склонен распространяться на эту тему, Шут не стал уточнять.

...Он бывал еще несколько раз у Лии и Эрна. В одно из посещений в комнате, где они сидели, включился стереофон, и на огромном экране появился Главный Конструктор Майр Оон.

— Добрый день!

Лия и Эрн поздоровались, Шут хотел было встать, чтобы поклониться, но Эрн удержал его за руку.

— Кто это? — резко спросил Майр Оон, указывая глазами на Шута.

— Наш знакомый, — ответила девушка.

— Хорошие у вас знакомства...

— Это наше право — выбирать друзей, — решительно перебил Конструктор Эрн.

— Да, конечно... Впрочем, я только хотел сказать вам о том, что ваш корабль уходит через два дня.

Экран погас.

— Ну, вот и все... — протянула Лия.

— Наконец-то! — обрадованно воскликнул Эрн. — Я тут чуть с ума не сошел. Проклятая планета, которую мы должны называть родной...

Шут смотрел на них, ничего не понимая.

Девушка, перехватив его взгляд, улыбнулась:

— Интересно, кто мы? Ну, слушай...

Мать Лии и Эрн — Каани — была Пилотом Свободного Поиска. То есть одной из тех, кто вдвоем, втроем, редко — вчетвером отправлялись на поиски планет, пригодных для жизни и, желательно, населенных. До тех пор, пока экипаж не находил одну-две такие планеты, он не имел права возвратиться.

Каани ушла в поиск, еще не зная о своей беременности... Лия и Эрн были двойняшки, они родились во время полета.

Свободный поиск продолжался по два-три десятка лет. Лия и Эрн вернулись на свою планету в возрасте двадцати двух. Каани погибла во время высадки на одну из планет.

Оказалось, что их отец за эти годы стал Главным Конструктором. Он предоставил детям все необходимое для жизни, но те уже через несколько месяцев затосковали. Добились, чтобы их включили в списки Свободных Пилотов, и вот теперь их очередь подошла.

Проводить их Шут не сумел — Кальвин на следующий день вместе со свитой отбыл домой.

Однажды вечером Лакей и Горничная зашли к Шуту и потащили его в сад.

— Ну, все уладилось? — спросил Шут. — Я эти дни торчал на конюшне и не знаю ни одной дворцовой сплетни.

— Все нормально, — ответила девушка. — «Первая» даже не ругала меня, только... — Она покраснела.

— Что «только»? — Шут нагнулся, сорвал какой-то цветок и насмешливо-галантно подал его девушке.

— Она мне сказала, что ты ничего не делаешь просто так.

— Не понял.

— Она сказала, что... «Второй» ты тоже когда-то помог, а теперь...

— Ах, вот что! Ты ей не объяснил? — Шут посмотрел на Лакея. — Ну, ты и друг...

— Я решил, что у тебя это лучше получится...

— Понятно. Сядем? Так вот, девочка... «Вторая» действительно моя любовница, но вовсе не из благодарности за ту услугу.

— А... как же?

— На основании взаимного влечения, — ответил Шут комично-назидательным тоном.

— Но если так... Если вы любите друг друга, то почему не поженитесь?

— Ничего себе! — Шут расхохотался. — Наивная девочка, ты мечтаешь о собственной семье, да?

— Конечно! Ведь это счастье — иметь мужа и...

— ...Детей, если позволят хозяева? Они — позволяют. Родить! А потом отдадут твоего младенца перекупщику рабов, — Шут уже не смеялся, он говорил резко и зло. — Больше ты никогда его не увидишь.

— Но ведь... Если хорошо работать, то ребенка могут оставить?

— За ним нужен уход, девочка, а для этого необходимо время. Какие же при этом из отца с матерью работники...

«Третья» посмотрела на Лакея. Тот хмуро подтвердил:

— Ты видела в замке хоть одного ребенка-раба?

Девушка тихо сказала:

— Но ведь можно... И не иметь детей.

— Нет, нельзя, — возразил Шут. — Каждая семья должна дать не меньше трех детей. Да и брак обязателен. В тридцать лет каждый мужчина и в двадцать пять каждая женщина должны создать семью. Но мне лично до этого срока еще целых пять лет. Так зачем лезть в хомут раньше времени?

— Но что же делать...

Шут улыбнулся:

— Жить спокойно, с любовниками или без. А потом смириться, если не хочешь познакомиться с Проклятым Отрядом.

— Понятно, — кивнула грустно «Третья». — Учту на будущее...

Они еще с полчаса побродили по саду. Стемнело. Горничная попрощалась и направилась ко дворцу. Шут подтолкнул друга:

— Иди и ты! Этот ребенок и не подозревает, насколько опасно разгуливать одной по ночам.

Сам он сошел с дорожки и двинулся вглубь сада.

Сумерки изменили очертания деревьев, превратив их в сплошную непроходимую стену. Шуту наконец надоело тыкаться носом в стволы, покрытые мхом и грибами. Он набрел на поваленное дерево, лежащее поперек поляны. «То, что надо»... Шут лег навзничь на ствол, закинул руки за голову. Поворочался, устраиваясь поудобней. Перед глазами — лоскуток ночного неба с неровными краями. Мерцающие точки образуют причудливый узор. Но это, кажется, уже не узор, а какие-то буквы... Шут задремал.

Проснулся он словно от толчка. Не открывая глаз, стал соображать, что его разбудило.

— Нет, только посмотрите на него! Дрыхнет, как праведник!

«А, старые знакомые...» Он открыл глаза и, вставая, сообщил:

— Уже не дрыхну.

Анчи сидел верхом на бревне, Кент и Лерт стояли рядом.

— Мы тебя предупреждали... — лениво протянул Кент.

— А ты вместо того, чтобы притихнуть, влез в конфликт с «Первой», — продолжил Анчи.

— И вы благородно решили вступить за бедную женщину, — Шут понимал, что это только предлог. Убежать вряд ли дадут. Но попробовать надо...

Неожиданно, как ему показалось, он прыгнул в сторону, но Кент все-таки успел подставить ему подножку.

Придворные мигом прижали Шута к земле. Анчи наставительно произнес:

— Для первого раза мы решили спустить тебя в заброшенный колодец. Посидишь там, подумай, если хорошо попросишь, может быть, даже и выпустим до приезда короля.

— А может, не будете и спускать? — спросил Шут. — Если хорошо попрошу?

— Давай, — придворные отпустили его.

Шут приподнялся и... тут же, пружинно разогнувшись; ударил Лерта в живот. Тот сложился вдвое.

Но убежать Шут не смог. Его быстренько повалили и несколько раз пнули под ребра. Лерт, отдышавшись, остановил приятелей:

— Хватит вам. Сами виноваты, попались, как дураки, на простую уловку.

Шут, откашлявшись, выдавил:

— Протестую против оскорбления. Дурак — я, а вы еще хуже, потому что я вас провел.

— Заткнись, — бросил Анчи.

Придворные достали заранее, по-видимому, приготовленные веревки, примотали руки Шута к туловищу. Подняли, со смехом поставили на ноги.

Кент вдруг хлопнул себя по лбу:

— А что, если спустить его не в колодец, а в один из забоев Рудника Волчицы?

Лерт и Анчи переглянулись: «М-да, это мысль...»

Шут побледнел. Лерт, заметив это, усмехнулся:

— Ну что? Может быть, все-таки «хорошо попросишь» нас, а?

— Если тебе мало одной «просьбы», могу повторить, — огрызнулся Шут.

— А ведь испугался! — насмешливо протянул Анчи. — Решено... Кент, тащи сюда лошадей. Пешком до Рудника — далековато....

Покачиваясь в седле, Шут думал: «Испугался... Тут испугаешься! Говорят, Рудник Волчицы был тюрьмой для Свободных Снайперов и тех, кто им помогал. А когда весь отряд Снайперов накрыли на одном из их слетов, оставшихся в живых привезли на тот Рудник и уничтожили вместе с прежними заключениями. С тех пор он пустует... Веселенькое место! Если все, что рассказывают, правда, там должны быть горы скелетов...»

Но, похоже, приехали... Лерт грубо стащил со смиренной лошаденки связанного Шута.

Придворные подошли к шахте.

— Нам везет, —

заметил Кент. — Смотрите, сохранилась лебедка на цепях!

— Зря ты все это придумал, — проворчал Анчи. — Хлопот втрое больше, чем с колодцем!

— Я придумал, но ведь вы согласились, — огрызнулся Кент. — Так что давайте уж заканчивать!

Анчи, подумав, предложил:

— Лерт, ты среди нас самый легкий, придется тебе спуститься с этим дураком...

Сиденья толчками опускалось вниз. В конце концов — ткнулось в дно шахты.

Лерт перерезал веревки и вытолкнул Шута из лебедки. Крикнул:

— Подъем!

Лебедка уже поднялась примерно на два человеческих роста, когда что-то упало с нее, глухо звякнуло о камни.

— Вот, черт... — послышался голос Лерта.

Лебедка затормозила.

— Что такое? — спросили сверху.

— Я нож уронил!

— Да?.. Ну, ничего страшного... Пусть останется дураку — как сувенир...

Блоки, наконец, перестали скрипеть.

— Привет, — крикнул Шуту. — Скоро наведаемся...

Когда глаза привыкли к темноте, он разыскал кинжал Лерта.

Провел острием по ладони. «Сувенир... А ведь правда, ни на что он тут не годен! Разве что горло себе перерезать... Но... Как это Лерт ухитрился его уронить? Разрезав веревки, он вложил

кинжал в ножны, я это ясно слышал... Впрочем, даже если сделал это специально, то явно не из симпатии ко мне...»

Расшвыривая мелкие камешки, Шут метался по небольшой площадке. «Ч-черт, двое суток уже тут торчу!...»

Он плюнул с досады и взглянул вверх, в черную пустоту шахты. День назад оттуда упал пакет с едой и ехидным желанием не простудиться в столь некомфортабельном помещении...

«Зачем они меня сюда спустили? Через неделю ведь все равно вытащат... Но они рассчитали верно, королю я ничего не скажу. Бесплезно! Придворным

ничего не будет, а на меня посыплются насмешки...» — Шут устало опустился на землю.

В следующий миг его словно подбросило: под рукой скользнуло что-то холодное и явно живое. Змея!..

Он схватил нож, прижался спиной к скале и замер. Впрочем, змея нападать не собиралась — она медленно уползла в черноту прохода... Шут судорожно перевел дыхание: «Как только я ее не придавил! И стало бы тут одним скелетом больше... Стоп!.. Как она сюда попала? Значит, есть выход наверх?!..»

От площадки, где обосновался Шут, шли два коридора. Он осмотрел оба, но далеко не заходил: коридоры разветвлялись, можно было заплутать.

Но сейчас был смысл рискнуть.

...Прошло уже больше полутора часов, а Шут все шел и шел по извилистым подземным коридорам. Несколько раз он попадал в тупики. Приходилось возвращаться к предыдущему разветвлению и двигаться другим «рукавом». Чтобы не заблудиться, он вел правой рукой по стене.

Иногда по ней, а нередко — и по железным решеткам. Простираясь от пола до потолка, они делили подземелье на равные квадраты.

Шут представил, как жилось в этих камерах. Его даже передернуло! Постоянно на виду: ведь решетчатыми были и двери, и стены, а иной раз даже пол и потолок... Как звери в клетках...

Он вдруг резко остановился. Поймал себя на том, что прежде, когда шел по коридорам, почти ничего не видел. Приходилось продвигаться чуть ли не ощупью, а теперь... Теперь все было видно слишком хорошо для подземелья.

Приглядевшись, он понял: светился камень. И стены, и пол, и потолок. Светился неярко, создавая равномерный полумрак...

Шут ходил еще около получаса. Окончательно вымотавшись, бухнулся на пол. «Все. Возвращаюсь. Тут можно блуждать до бесконечности».

Вокруг уже не было камер, только светящиеся стены.

Вдруг Шут почувствовал: что-то изменилось. Наконец, сообразил: воздух! Раньше он был холодный и пропитанный сыростью, а сейчас потянуло откуда-то теплым сухим ветерком...

Выход?!.

Под ногами раскинулся поселок. Многоэтажные дома-коробки стояли в геометрическом порядке, образуя четырехугольные кварталы. Все — пепельно-серого цвета... Ни одного цветного пятна! Шут растерянно огляделся.

Он стоял на скале, но не на ее вершине. Кстати, а далеко ли до нее? Взглянув вверх, Шут чуть не сел, там, насколько хватало глаз, расстилался гладкий каменный купол, излучающий ровный рассеянный свет.

«Так значит, я под землей?! Нашел выход, нечего сказать...»

Поразмыслив, он решил ознакомиться с подземными достопримечательностями. Раз уж попал сюда...

Он уже битый час бродил по городу. Совершенно пусто, ни души! Как вымерли все.

Стандартные до одури дома. А ветер... Откуда он тут, под землей? Нудный и постоянный, свистит равнодушно между каменными коробками... Шелестеть ему нечем — ни деревца вокруг!

В уши тем временем ударил сильный, оглушающий звук. Шут невольно пригнулся... Тут же вновь наступила тишина, а минут через пятнадцать появился человек. Потом второй, третий...

Хорошо, что Шут догадался не отходить далеко от скалы. Он примчался к ней, стараясь не попадаться никому на глаза. Присел за одним из громадных валунов, разбросанных у подножья...

Отдышавшись, хмыкнул: «Мог бы сообразить сразу... Они же совершенно одинаково одеты! Серые куртки, брюки и башмаки... Я среди них окажусь как попугай среди ворон. Увы, исследование города отпадает... Надо дожидаться ночи и возвращаться в пещеру, пока не заметили... Обычной-то ночи тут нет, скорее всего, но ведь когда-то они спят!..»

Прошло несколько часов. Шут терпеливо ждал. Постепенно прохожих, мелькавших между домами, становилось все меньше и меньше.

Неожиданно Шут услышал топот и крики. Он осторожно выглянул из своего убежища.

К скале, где прятался Шут, бежал человек. За ним неслись пять преследователей, на ходу бросая в него камни.

Шут невольно приподнялся, однако тут же одернул себя: не хватало вмешиваться... Пусть разбираются сами!..

«Разобрались» быстро. Один из камней попал беглецу в голову, и он упал. Преследователи сразу сбавили темп... Приблизились, обошли неподвижное тело и потопали назад, к поселку. Испытывая, по-видимому, чувство выполненного долга: так уверенно вышагивали они друг за другом...

Шут машинально проводил из взглядом, а в голове калейдоскопом вертелись мысли. Что-то очень знакомое почудилось ему в фигуре беглеца. Сейчас, когда он вспоминал его движения, это ощущение все более крепло...

Нет, не может быть!

Он рванулся к лежащему лицом вниз человеку. Осторожно, боясь поверить, повернул его голову...

Морщинистые веки дрогнули и поползли вверх. Светлые, до боли знакомые глаза уперлись бессмысленным взглядом в лицо Шута.

Учитель!..

В крохотной комнатке только-только умещались кровать и тумбочка с шестью ящиками. Да еще экран на одной из стен и окно напротив — вот и вся обстановка.

— Тут у всех такие каморки? — спросил Шут.

— У всех, — устало ответил Учитель. — Сделай одолжение, намочи тряпку, увидишь ее в ванной... Да, вот эта дверь...

Морщась, старик приложил компресс к затылку.

— За что они вас?

— Вопросы буду задавать я, — неожиданно строго сказал Учитель. — Как ты сюда попал?

После рассказа Шута старик долго молчал. Потом решил:

— Тебе надо возвращаться. Я знаю выход наверх, недалеко от твоего дворца, и завтра утром провожу тебя...

— Учитель! Но если вы знаете выход, то почему не уйдете отсюда?

— Мое отсутствие быстро заметят, поймут и вернут. Да еще и... Я уже пробовал. У меня ведь наверху ни друзей, ни места, где я мог бы спрятаться...

— Да-а... — протянул Шут. — Ведь и ко мне тоже нельзя, во дворце дикая слежка за всеми!

— Поэтому предпочитаю сидеть тут.

— А как вы сюда попали?

— Люди из Проклятого Отряда решили, что учу вас не тому, что должны знать рабы... Впрочем, это длинная история, не стоит ее ворошить.

— А что это за поселок?

— Нужно ли тебе знать это?... Знание убивает! Даже то, что ты здесь видел, может стоить тебе жизни. Суди сам. После первого побега я остановился в доме у одного старика... Там меня и поймали. Хозяину дома я не успел ничего сказать. Но отрядовцы расстреляли его тут же, на моих глазах. Я пытался их остановить, их командир сказал мне: «Даже то, что старик видел тебя, обеспечило ему пулю»...

— Вдвойне интересно, — Шут забрался с ногами на тумбочку, устроился поудобней. — Я слушаю, Учитель!

— Как хочешь... — Учитель надолго замолчал, и Шут помог ему вопросом:

— Это, наверно, каторга? Сюда ссылают преступников?

— Нет. Все, кого ты видел, коренные здешние жители. Обычные рабочие.

— И они согласились тут жить? Променили поверхность планеты на это подземелье?

— Они ничего не знают о другом мире! Вернее, о том, в котором живешь ты.

— А что, есть и еще?!

— Да. Планета-Мечта. Она тут превращена в идол, ей поклоняются...

— Не понимаю...

— Здесь, под землей, жизнь безрадостна и однообразна — работа, постоянная, отупляющая. Естественно, никому это не нравится. Казалось бы, неизбежны волнения. Но руководители здешнего мира, уж и не знаю, кто они, сумели направить стремление к лучшей жизни в нужное им русло. Все здесь живут только одним — возможностью переселиться на Планету-Мечту. Там, считают они, настоящий рай: работать не надо совсем, все время проходит в развлечениях... Кстати, ты заметил, что тут нет женщин? Они живут в отдельном поселке, и наши встречаются с ними очень редко. А на Планете-Мечте мужчины и женщины живут все вместе, знакомятся, сходятся, кто с кем хочет... В общем, такие же условия, что и у вас. Только тут это счи-

тается роскошью... Каждый здесь знает, что лишь в том случае, если будет хорошо работать и соблюдать порядок, попадет на эту планету. Стимул довольно сильный!

— Представляю, как все вкалывают...

— Да нет, не очень. Свою дневную норму они, как правило, не перевыполняют. Просто делают ее как можно лучше и быстрее. И спешат отметить. Перевыполнение сильно сказывается на здоровье. А больные люди на Планету-Мечту не попадают. Об этом не говорят вслух, но все знают.

— А вы на эту планету не пробовали попасть?

— Туда берут только от двадцати пяти лет до сорока. А я тут очутился уже в пятьдесят с лишним... Между прочим, до моих лет тут не доживают. Многие, очень многие кончают жизнь самоубийством в тот день, когда им исполняется сорок один.

— Почему? — невольно вырвалось у Шута. — Ну, не попал на эту планету, так ведь жить-то можно и тут!

— Это ты так считаешь. А у здешних психология другая. Они живут одной только этой надеждой, и вдруг — все обрывается! Ни цели, ни жизни, ни просвета впереди, да еще и норма выработки увеличивается вдвое. А за невыполнение этой нормы смертники — те, кому за сорок — получают плети.

— Срок годности прошел, беречь их здоровье уже незачем. А стимул пропал, и если не страх, они не будут работать...

— Ты неплохо уловил суть.

— Еще бы, у самого такое в перспективе... А эта Планета-Мечта, случаем, не вранье? То, что там создан «рай»?

Учитель дотянулся до кнопки над кроватью. Экран на стене засветился. Шла какая-то передача. Несколько человек сидели в низеньких удобных креслах. Шут быстро оглянулся на Учителя.

— Не беспокойся, связь односторонняя, — успокоил тот.

Тем временем на экране крупным планом показали лицо одного из мужчин. Он говорил:

— Сюда путь ни для кого не заказан. Надо только как следует захотеть. Я добился своего, и каждый из вас сможет добиться, если не будет дураком...

На этом передача, по-видимому, закончилась: на экране появилась яркая цветная заставка, а за кадром включили веселую песенку про беззаботную жизнь на Планете-Мечте. Учитель кивнул на экран:

— И так целый день. Если не считать фильмов... В таких передачах участвуют бывшие жители поселка. Этот, например, ушел отсюда два года назад.

— А это не запись?

— Нет, трансляция прямая. Кто хочет, может спуститься в большой зал, они есть в каждой многоэтажке, и через экран с двусторонней связью задавать вопросы. Ответы он получит сейчас же... Но хватит, я устал. Поедим, и спать. Я сам тебя разбуджу.

— А эти... они почему за вами гнались?

— Для них это цирк, — усмехнулся Учитель в темноте. — Единственное развлечение здесь — поиздеваться над человеком... Спокойной ночи.

Шут долго не мог заснуть. Он невольно, словно за словом, вспоминал рассказ Учителя. И чем дальше вспоминал, тем сильнее ощущал страх.

«Черт меня дернул... — тоскливо думал он. — Лучше б я не вылезал из той шахты... Уж если старика, который ничего не знал, расстреляли, то что сделают со мной? Шуточки придворных ничто по сравнению с допросами в Проклятом Отряде... Стоит им только узнать, что я был здесь... А узнать могут. Что-что, а шпионить они мастера...» С такими неуютными мыслями Шут проворачивал добрых два часа. Потом усталость все-таки взяла свое, и он погрузился в беспокойный сон. Ночью из памяти Шута всплыл полузабытый кошмар, часто мучивший его в детстве.

Он не забывался утром, как другие сны. Может быть, потому, что повторялся снова и снова. Видимо, тут была связь с острой детской реакцией на то, что происходит вокруг. Шут вырос, кошмар приходил все реже, потом пропал совсем.

И вот — опять...

Он не походил на другие сны. Его основу составляли не действия, не слова, а эмоции... В первые же минуты наваливается резкий, панический страх. Пожалуй, его можно сравнить со страхом слепого, потерявшего поводья. Слепой чувствует, что эта потеря — навсегда, что он остался один на один с непонятным, страшным миром...

Впрочем, нет, рядом есть еще кто-то. Столь же привычный, как поводья. Слепой привык ощущать их обоим рядом с собою с тех пор, как помнит себя... Но этот «кто-то» не может заменить поводья. Он так же беспомощен без него, как и сам слепой. По-видимому, слеп и он... И то, что он сейчас рядом, значит только одно: они вместе сломаются, погибнут под напором жестоких и непонятных событий, происходящих вокруг.

Страх перед тем, что это вот-вот случится, заставляет замереть, не двигаться... И вдруг слепой понимает, что того, второго, рядом с ним уже нет.

Страх усиливается невероятно. Если, вслед за поводьями, исчез и сосед, то так же может исчезнуть и он сам!..

В этот момент Шут всегда просыпался. И несколько минут лежал, не двигаясь, стараясь побороть, прогнать остатки кошмара... Сегодня Шут пришел в себя быстро — он ведь уже не был ребенком. И даже заставил себя заснуть снова — без видений. Как будто провалился в черную пустоту.

А раньше в такие ночи не мог заснуть до утра...

Внезапно из-за поворота каменного коридора ударил по глазам дневной свет.

— Выход. Дальше я не пойду. Прощай... — Легкое пожатие холодных пальцев, и старик отступил назад, в темноту и сырость.

Выход был узкий. Шут еле-еле протиснулся наружу. Огляделся. Место было знакомое: он не раз проезжал здесь во время конных прогулок. До дворца было чуть больше часа ходьбы. Шут быстро зашагал по едва заметной тропинке.

После обеда, поднимаясь к себе, Шут столкнулся с Лакеем.

— Ты? Вернулся? Давно?

— Утром...

— А... где Горничная?

— Какая? — сначала не понял Шут. — А, эта девочка? Но откуда же мне знать?

— Она пропала в тот же день, что и ты!

— Как — пропала? Пошли ко мне, там все расскажешь!

Войдя в комнату, Шут плотно прикрыл дверь и толкнул Лакея на диван.

— Ну так что?

— А это и все, — хмуро ответил тот. — Я подумал, что вы с нею сбежали... По дворцу сплетни ходят...

Шут усмехнулся:

— Делать вам всем больше нечего... Я никуда не сбежал, меня придворные спустили в Рудник Волчицы для исправления дурного характера. Хотели продержат до возвращения короля, да я нашел выход.

— Тогда я ничего не понимаю! Вчера в лес ездили стражники. Восемь человек. Вернулись только пятеро. Трех привезли мертвыми. У всех прострелены головы.

Шут присвистнул:

— Снайперы? Но откуда?

— Я решил, что это вы... То есть ты. Она же стрелять не умеет.

— Будто я умею, — хмыкнул Шут.

— Ну, не знаю... — Лакей встал, походил по комнате, подошел к окну. — Сегодня утром тоже поехали. Двадцать стражников и десять человек... кажется, из Проклятого Отряда. — Он забрался на подоконник и замолчал.

— Утром?... Должны бы вернуться. Если, конечно, девочка не перестреляла их всех.

— Ты думаешь, это она?

— А кто же еще?

Лакей, искоса глянул в окно, вдруг вскочил и бросился к двери.

Шут рванулся к окну.

На небольшом кусочке дороги, который просматривался из окна, были видны несколько всадников. Похоже, это был хвост утреннего отряда.

Когда Шут выскочил во двор, там еще никого, кроме Лакея, не было: отряду нужно было обогнуть замок, чтобы подойти к воротам.

Но вот застучали копыта по плитам двора. Шут мельком глянул на Лакея: тот подался вперед, не сводя глаз с входа.

Показались первые всадники. Они и правда были из Проклятого Отряда: темно-синяя одежда, длинные плащи того же цвета и черные кожаные шапки-полумаски, плотно облегающие голову.

За ними ехали стражники, а среди них — девушка с растрепанной короткой стрижкой. Руки

связаны впереди, повод лошади держит один из стражников. Горничная...

Всадники спешили, сняли девушку. Четверо из Проклятого Отряда увели ее в боковую дверь. Стражники отвели лошадей в конюшню и разбегались кто куда. Но не все. Мимо пронесли пята, закутанных в плащи.

Лакей опустил глаза и побрел к двери. Шут за ним. И тут он увидел Азарику. Девочка расширенными глазами смотрела на все происходящее.

— ...И ты с голыми руками пойдешь освобождать девушку из-под стражи? Прекрасная идея!

Они сидели на поваленном стволе дерева, в глубине сада.

— Если б хоть какое-нибудь оружие...

— Только вот это, — Шут с усмешкой вынул кинжал. — Лерт «подарил»... Выброшу. Или верну хозяину. Не хочется иметь неприятностей из-за этой железки!

— Отдай мне.

— Гм-м... Пожалуйста!

Лакей провел пальцем по лезвию:

— Это, конечно, не оружие против лучеметов...

— Хорошо, хоть это понимаешь... Брось свою дурацкую затею, а?

— Король придет через два дня, — сказал Лакей. — До этого ее не тронут. Можно попытаться... Если, конечно, ты не пойдешь в Проклятый Отряд. — Он в упор глянул на Шута.

— Значит, не бросишь... Что ж, твое дело.

— Ты не ответил.

— Насчет Отряда? А если пойду? Убьешь? Зачем же ты мне все рассказал?

— Не подумал, что ты сможешь...

— Можешь не продолжать... Впрочем, успокойся: в Проклятый Отряд я не пойду. Не из-за тебя! Из-за себя: по допросам начнут таскать... Не хочу неприятностей.

— Ну, а узнают, что не сообщил — и будут у тебя неприятности...

— От кого? Ты не скажешь, ты у нас — благородный. Подслушивающие аппараты в парке пока не развесили... А поймут тебя и без моей помощи. Даже если и выкрадешь эту девчонку, все равно вам некуда будет деться.

— Это наше дело... — Лакей вдруг нахмурился и резко сказал: — Вот что, пошли-ка к тебе! Я тебе не верю. Сейчас сказал, что будешь молчать, а через пять минут...

«Он прав, — подумал Шут. — Навалится страх, как тогда ночью, у Учителя... Только тогда я сделать ничего не мог, а если б мог — побежал бы...»

Он пожал плечами:

— Ну и дурак. В комнате подслушивающие аппараты. Если я захочу...

— Не захочешь. Пошли.

В комнате Лакей уложил Шута на кровать и стал опутывать веревками. Тот только усмехался и, лишь когда Лакей начал связывать руки, прошептал:

— Не стягивай. Мне тут черт-те сколько лежать, думаешь, удобно?

Под конец Лакей запихал ему в рот кляп из платка. И постарался устроить его получше на постели. Накрыв одеялом и, нагнувшись, прошептал:

— Полежишь до утра. Попадешь, скажу, что отобрал нож и связал тебя силой. Привет!

Дверь за ним захлопнулась.

Шут фыркнул про себя и одобрительно подумал: «Правильно сделал! Таким, как я, верить на слово нельзя...» Закрыв глаза и задремал.

Проснулся ночью. Разбудила его «техническая» причина. Заснуть вновь он не смог.

Вся мебель в комнате была пластмассовая, так что перетереть веревки нечем. А лежать дальше было физически невозможно!

Шут в первый раз пустил крепкое слово по адресу Лакея. А потом вспомнил, что днем чем-то оцарапался до крови... Батарей!

Он скатился с кровати и подобрался к окну. Было довольно светло, и Шут разглядел, что у батареи отломана задвижка. Сбоку торчала тонкая полоска железа с зазубренными краями.

Через четверть часа он освободился от веревки и кляпа. Еще минут через десять, поворочавшись в постели и уже вновь почти засыпая, вдруг вскочил.

«Как я мог забыть... Король как-то говорил о новом оружии охраны...»

Он метнулся к столу, взглянул на часы. Оказалось, что отбой был всего час назад. Значит, еще можно успеть!

Шут бросился вниз, стараясь шуметь как можно меньше.

Выход во внутренний двор... Что там за фигура? Лакей!

В прыжке он дернул Лакея к себе. Но все же на секунду опоздал: перед входом мелькнули светлые трассы очередей. Несколькo пуль впились в косяк двери, остальные пролетели мимо. Оружие сработало, хотя и вхолостую. Сейчас поднимется тревога...

Шут побежал в боковой проход, Лакей за ним. Они прижались к стене и замерли.

К двери подошли несколько стражников. Осмотрели следы от пуль, обменялись короткими фразами и ушли, решив, что это была ложная тревога.

— Что это? — спросил Лакей одними губами.

— Новая система охраны. Автоматические стрелки. Включаются после отбоя.

— Как же пройти мимо них?

— Это уж ты сам думай. А я пошел досыпать... Да, жертву изображать не надо? До утра ты никуда не сунешься?

— Ага... — рассеянно кивнул Лакей.

Утром Шут проснулся от стука в дверь. Натянув одежду, он повернул ключ.

На пороге стояла Горничная-2.

— Привет, — обрадовался Шут.

— Здравствуй, — она опустилась в кресло.

— Король уже тут?

— Да, он приехал раньше.

— И ты не рада? — Он хотел поцеловать девушку, но та вдруг расплакалась.

Удивленный Шут присел рядом, успокаивая ее. Удалось это нескоро. Но вот Горничная замолчала, вытирая глаза мокрыми ладонями.

— Возьми, — Шут протянул ей платок. — Тебя кто-то обидел? Нет? Что тогда?

На глаза девушки вновь навернулись слезы.

— Их убили... это было так страшно!

— Кого «их»? Кто? Когда?

Вместо ответа она опять расплакалась. Наконец Шуту удалось составить из путаных ответов картину утреннего происшествия.

...Король выехал, как всегда, рано. В восемь кортеж сверкающих электромобилей углубился в лес. Часа через три они будут в замке.

Пластиковое покрытие дороги бесшумно ложилось под колеса, в открытые окна врывалась путаница звуков и запахов летнего леса.

Вдруг из-за поворота вывернулись два всадника — солдаты Проклятого Отряда. Первый электромобиль резко затормозил, остановив всю колонну. В нем ехал Кальвин вместе с охраной.

Из машины вышел офицер и что-то спросил у всадников. Разговор длился минуты две. Офицер сделал прощальный знак рукой, один из всадников ответил тем же.

Он не успел еще опустить руку, когда налетел резкий порыв ветра, взметнув темный плащ. Под ним оказалась одежда слуги-раба из замка. Офицер остолбенел, а всадники среагировали мгновенно: резко развернули лошадей и поскакали в чашу. Гнаться за ними было невозможно: электромобили ездят только по дорогам. Тогда король приказал стрелять.

Упала одна лошадь, другая... Беглецы, однако, не собирались сдаваться: они отходили в лес, отвечая выстрелами тем, кто пытался их преследовать.

Они и ушли бы, но из королевской машины выпрыгнул Кренг — старший офицер стражи. Он вырвал лучемер у ближайшего солдата и побежал в чашу.

Дарм, его заместитель, вывел цепь солдат, которые открыли непрерывный огонь, ползком продвигаясь вперед.

«Охота» продолжалась не больше трех минут. Потом грохот выстрелов перекрыл резкий свист. Все стихло. Солдаты стали подниматься с земли, отряхивать одежду.

Пять человек углубились в чашу и скоро вернулись с двумя трупами. Рядом шагал Кренг, он даже не был ранен...

«Ну вот и все...» — подумал Шут.

В этот миг в дверь постучали. Властно, так стучат только хозяева... или стража.

Горничная испуганно сжалась в кресле. Шут, встряхнувшись, решительно открыл дверь. На пороге — безмолвные фигуры в темно-синих плащах...

По дороге он мучительно искал причину ареста. «Узнали про мое «путешествие»? Хуже всего, если так... Кажется, больше ничего... Стоп! Кинжал?... Его могли найти у Лакея. И тогда — все. Развязался сам, им не сообщил... Идиот!»

Просто был уверен, что Лакей не пройдет мимо стрелков и хоть на эту ночь отложит свою попытку... Это тебе, Шут, урок на будущее: нельзя недооценивать людей. На будущее... Слово впереди долгая жизнь...

Они спустились во двор, Шута ввели в ту самую дверь, куда вчера днем Горничную.

Темный коридор, дверь направо. За нею — не камера, как предполагал Шут, а большая комната, для допросов. За столом около окна — офицер Проклятого Отряда.

В комнате еще несколько человек, все в темных плащах и масках.

На коричневой полировке стола лежат два кинжала...

— Подойди сюда.

Шут сделал несколько шагов вперед. Он побледнел и еле сдерживал нервную дрожь.

— Анчи сказал, что к тебе попал кинжал Лерта. Куда ты его дел после возвращения?

«Черт с ним... Помирать, так с музкой!»

— Отдал хозяину. — «Ну все, сейчас начнется...»

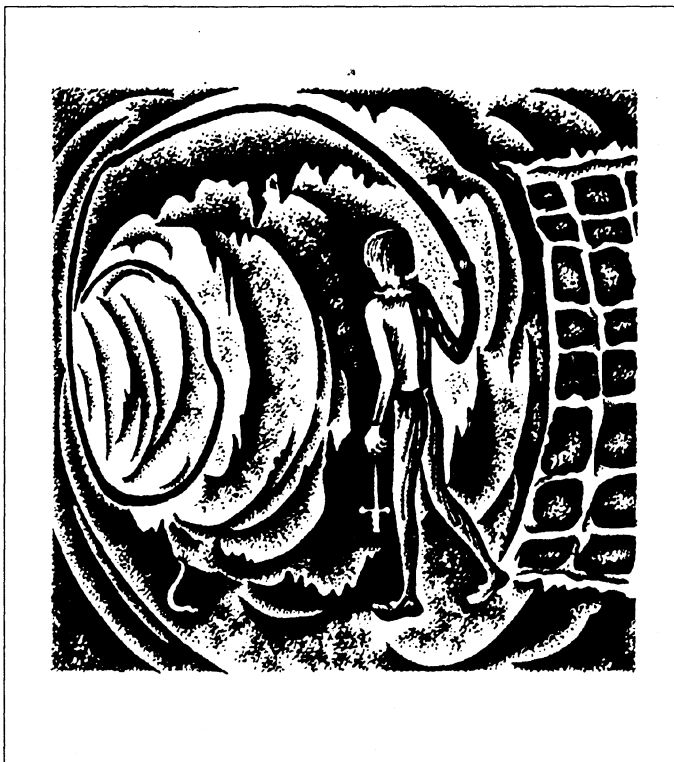
— Ты уверен?

— Конечно!

Шут даже изобразил на лице что-то вроде испуганного возмущения. Страх был вполне искренним, ну, а возмущение...

К столу шагнул один из отрядовцев.

— С каких пор вы проверяете мои показания? — резко спросил он. — Мне не доверяют? Вам еще нужно свидетельство раба?

Шут узнал голос Лерта.

— Успокойтесь! Ваши слова подтвердились... Но мы проверяем всех! И не вмешивайтесь...

У Шута появилось ощущение, будто он летит в пустоту.

Ухватившись за стол, он удержался на ногах. Закусил губы, боясь поверить в удачу... Да над ним просто издеваются! Но нет, офицер спрашивает что-то еще, показывая на ножи...

— Который из них — Лерта?

— Вот этот, — Шут указал на знакомый клинок.

— Хорошо, можешь идти.

Радости от неожиданного, почти фантастического везения не было. Оно казалось нереальным.

Реальным было другое.

Когда Шут вышел из полутемного коридора во двор, первое, что бросилось ему в глаза — два узких гроба около стены. Почему он не заметил их четверть часа назад?

«Почему? — презрительно-издевательски переспросил он себя. — Не до того тебе было, вот почему... Стоп... Гробы. Их что, будут хоронить на кладбище? Нет, оно же только для свободных! Для нас — крематорий и пепел, идущий на удобрения. Значит, выставили для наглядности — вот, мол, что ждет непокорных...»

Шут взгляделся в мертвые лица. Девушка спокойно смотрела вверх. Лицо Лакея, напротив, было искажено гримасой ненависти — совершенно несвойственное ему выражение.

Ветер несмело шевельнул волосы лежащих.

«Ветер... Проклятая случайность!.. Но если бы и не она, что бы дал им побег? В лучшем случае — несколько месяцев свободы... Зачем ты все это затеяла, девочка?»

— Любуешься?

Шут обернулся. Сзади стоял Анчи. Он с ненавистью смотрел на Лакея.

— Жаль, что тебя прихлопнули, собака! Попадись ты мне в руки... — Перехватив удивленный взгляд Шута, Анчи взорвался: — Что уставился? Этот... вчера ночью убил Кента и Эна! Чтоб добыть плащи для себя и своей... — он грязно выругался.

«Так вот как они вышли из замка! — понял Шут. — На людей в одежде Проклятого Отряда автоматические стрелки не действуют...»

Анчи продолжал сыпать ругательствами. Потом вдруг замолчал и, пошатываясь, пошел к двери.

«Напился. То ли с горя, то ли со страха...»

К гробам направлялись двое. Один — Кренг, а второй... Да это же принц Зарт, собственной персоной!

Шут не видел его уже больше года. Зарт учился в Высшей школе. Через год он должен был закончить ее и вернуться домой. А сейчас приехал на каникулы. Такое случалось редко — обычно Зарт оставался в городе.

«Ну, тут он тоже скучать не будет — со своим титулом и, главное, внешностью...»

Зарт и вправду был красив: лицо бледное, с тонкими чертами; на нем контрастно выделяются

черные брови и темные выразительные глаза. Высокий и тонкий, он, при всей своей кажущейся слабости, наделен большой силой...

Но и не меньшим высокомерием, нетерпимостью к малейшему неповиновению!

Поэтому встречаться с ним Шуту ну совсем не хотелось. Он доклонился и собрался уходить, однако Кренг знаком задержал его.

Зарт скользнул взглядом по трупам — оба были убиты выстрелами прямо в сердце.

— У вас точность снайпера! Поздравляю!

Шут усмехнулся краем губ.

Зарт, заметив это, приподнял брови.

— Что такое? — высокомерно спросил он.

— Извините, но настоящая снайперская точность была у нее, — Шут кивнул на Горничную. — По меньшей мере восемь трупов могут подтвердить это.

Шут прекрасно понимал, что переходит границы, но его, что называется, «понесло». В спокойном состоянии он отчаянно боялся таких минут, знал — сейчас он может ляпнуть что угодно.

Зарт, как ни странно, не разозлился. Он удивленно посмотрел на Кренга.

У того в глазах вспыхнула злоба, но он понял взгляд принца как вопрос.

— Да. Рабыня нашла бункер Снайперов и научилась стрелять. Иначе ее взяли бы в первый же день.

— Я считал, что все бункера уничтожены.

— Этот был последний. Девчонка рассказала, где он, на первом же допросе. — Кренг с усмешкой взглянул на Шута. — А ты, небось, в своем воображении уже возвел ее в героини...

— Ничуть. Как я могу себе это позволить, если вокруг столько настоящих героев? Я им посвятил небольшой экспромт. Разрешите?

Зарт кивнул.

— Сегодня утром, говорят,

Одержана великая победа —

Солдат-героев доблестный отряд

С трудом убил рабов двух беглых...

Уклониться от удара Шут не успел и отлетел к окну. Зарт с усмешкой подождал, пока раб встанет, протянул руку. Шут, покорно опустившись на колени, прикоснулся к ней губами.

И тут же получил второй удар — он забыл вытереть кровь, на руке остался бледно-красный след.

Зарт, брезгливо морщась, вытер руку носовым платком и процедил:

— Считай, что ты легко отделался.

— Благодарю. Обязательно приму это к сведению, — ответил Шут, обливая разбитые губы.

Кренг злорадно улыбнулся: допрыгался, голубчик! И сообщил:

— Король приказал тебе явиться к нему. Поторопись.

Вечером, за несколько минут до отбоя, Шут пробрался к Горничной-2.

— Наконец-то! Я думала, ты не придешь... А мне одной было бы так страшно этой ночью!

— Если честно, мне тоже.

Она рассмеялась:

— Значит, будем бояться вместе?
 — Наоборот! — бурно запротестовал Шут. — По одиночке мы бы тряслись от ужаса, а вдвоем...
 ...Когда Шут открыл глаза, за окнами только только занимался рассвет. Он попытался сообразить, что его разбудило в такую рань.

А сообразив, резко сел.
 Шаткий диванчик заходил ходуном. Опомнившись, Шут тревожно глянул на Горничную.

«...Черт, — подумал он. — Чуть не разбудил! Но... Что же это было? Мне приснился Учитель... Точнее, его голос: ты мне нужен, приходи сегодня в три часа к известной тебе расщелине... Наверно, к выходу из горы. Что это? Передача мыслей на расстоянии? Бред какой-то!.. А если не бред? В конце концов, чем я рискую?.. Решено. Сегодня вырвусь к горе. Если не помешает всем известный закон подлости...»

Закон подлости решил оставить Шута в покое.
 В полтрьего Шут отпросился у Кальвина-4 на верховую прогулку. Тот отпустил, хоть и не очень охотно.

— И не вздумай опаздывать!..
 Вчера Шут объяснил свое отсутствие допросом в Проклятом Отряде, и Кальвин, хмыкнув, отменил уже было наложенное наказание.

Да, Шуту везло в последнее время. Особенно с Лертом.

Придворный отыскал Шута в тот же день в парке и предупредил:

— Если хочешь остаться живым, забудь то, что знаешь. Усек?

— Усек. А вопрос можно?
 — Нельзя, — отрезал Лерт. — Совсем дурак, что ли? Скажи спасибо, что легко отделался.

— Кажется, легко отделался не только я, — заметил Шут.

— Хватит. Придержи язык... — оборвал разговор Лерт.

...Наконец, Шут подъехал к знакомому месту. Спрыгнул с коня, стреножил его и пошел к расщелине.

На часах ровно три, но пока никого не видно.
 Он протиснулся в узкую щель и на ощупь прошел вглубь. Подождал, пока глаза привыкнут к темноте. Голос, раздавшийся сбоку, заставил его вздрогнуть.

— Пришел. Здравствуй.
 — Здравствуйте. Зачем я вам понадобился, Учитель?

— Касли тебе все объяснит.
 — Кто? — Только сейчас Шут разглядел, что Учитель не один. Рядом стоял парень, примерно ровесник Шута. Черные жесткие волосы, густые брови, настороженно-внимательный взгляд.

Взяв раба за плечо, Касли придвинул его к свету и в упор глянул в лицо. Шут рывком освободился от бесцеремонной хватки:

— Тут не аукцион, и ты не покупатель!
 Касли внезапно рассмеялся.

— Не злись. Мне надо с тобой поговорить.
 — Ты... оттуда? — Шут глазами показал на землю. Тот кивнул. — И что?

— А то, что у нас там далеко не все гладко. Есть группы противодействия...

— Очень интересно. Ну, а я-то здесь при чем?
 — Дослушай. Нам нужен свой человек на Планете-Мечте. Но мы все известны Отряду, поэтому если и прорвемся туда, то лишь к сорока годам. Ждать слишком долго, да и бесполезно. Но на Планету-Мечту можешь попасть ты.

— Я? Как?
 — В поселке есть... был парень, очень похожий на тебя лицом — порядочная сволочь. Выслуживался у местного начальства... в общем, его уже в двадцать пять должны были отправить на Планету-Мечту.

— И что с ним случилось? Ты сказал «был».
 — Мы его убили. Он «засветил» несколько новых наших парней, почти мальчишек. Хотел донести.

— И ты мне предлагаешь заменить его. Так? А если я, согласившись, не смогу попасть на Планету? Стать вечным «подземником»... Перспектива!

Касли усмехнулся:
 — Насчет этого не беспокойся. Попадешь.
 — И что я должен буду делать?

— Ничего особенного. Будешь отвечать на наши вопросы. И, скажем, вести дневник обо всем, что увидишь на Планете. Записи — нам. Группе нужна полная информация.

— Всего лишь? Ну, это, наверное, только для начала. Потом вы добавите мне работы, и чем дальше — тем больше, пока не засыплюсь. А отказать уже не смогу.

— Предусмотрительный, — ехидно отозвался Касли. — Только этого не будет, ты просто не потянешь серьезные поручения.

— Почему это? — окрысился Шут.
 — Во-первых, чересчур много болтаешь и насмешничаешь. Во-вторых, слишком труслив.
 — С чего это ты взял?

— Ты уже не меньше десятка раз смотрел на часы. Хозяин отпустил тебя ненадолго, и ты ох как боишься опоздать!

Шут зло сверкнул глазами:
 — Не всем же быть такими смелыми, как ты!
 — Ну так что? Согласен или нет?
 — Дайте мне подумать хотя бы до завтра!

— Ты должен ответить сейчас, — настаивал Касли. — Элд умер утром. Сегодня мы не работаем, поэтому его не хватились. Но вечером он должен появиться — живой или мертвый.

Учитель мягко вмешался:
 — Не взвинчивайся, пожалуйста, решай спокойно. А насчет шантажа ты не прав. Группа им не занимается. Надеюсь, мне ты веришь?

— Верю... Я согласен.

Только что была закончена самая неприятная часть работы — тело Элда одели в разноцветное трико Шута и сбросили в Воронье ущелье. Лишь после этого Шут наконец вздохнул спокойно. Мертвецов он не боялся. Но когда перед глазами лежит точная твоя копия с разбитой головой, поневоле становится жутко.

...Касли ушел по своим делам, и Учитель привел Шута к себе.

— Ну, а теперь рассказывайте мне все про Элда!

— Сделаем по-другому. В первые мгновения после смерти Элда я оказался рядом и успел снять информацию с его мозга — прочесть ее и запомнить. Ее-то я сейчас и передам тебе.

— Разве это возможно? И что же, значит, я стану Элдом и по мыслям? Или как?

— Нет, ты останешься самим собой. Но в тебе появится как бы второй человек, второй характер. Он будет гораздо слабее твоего собственного «я», через полгода или год исчезнет совсем, останется лишь то, что ты сам захочешь сохранить... И еще память Элда — она тоже никуда не пропадет. Понял?

— А не получится, что характер Элда будет диктовать моему, что делать?

— Не получится. Знаю точно: пробовал на себе.

Учитель сел рядом, взял Шута за руку.

— Закрой глаза и расслабься... Только не загни, а то у меня ничего не выйдет!

— ...Ну, как?

— Живем, папаша... Тьфу... Извините, Учитель, само вырвалось!

— Правильно. Так и должно быть в первые часы, — улыбнулся Учитель. — А теперь иди к себе. Знаешь, куда?

Шут с удивлением понял, что действительно знает. Перед тем, как уйти, он медленно, чтоб не прорывались чужие слова, спросил:

— Учитель, у меня одно из головы не идет — почему мы с Элдом так похожи?

— Странно, что ты не спросил этого раньше. По-моему, случайности тут быть не может. Вы ведь не только похожи друг на друга, но еще и ровесники. То есть были...

— Да, были... Он — мой брат?

— Вероятно, да... Но точно на этот вопрос теперь уже никто не ответит.

— Да, конечно. Ну, я пошел... Привет! Ой... до свиданья, Учитель!

...Толпа длинной лентой втекала в ворота шахты.

Посоветовавшись со «второй памятью», Элд отыскал свою кабину. Робот-манипулятор помог ему забраться в рабочий скафандр и намертво приварил все застежки. Одно из шупалец подало Элду сумку с инструментами.

Сделав несколько неловких шагов, Элд очутился во втором отсеке. Круглая дверь за его спиной плотно прижалась к выходному отверстию, лишь после этого открылась дверь впереди. Минув еще три отсека, Элд вышел в шахту.

Сначала он двигался по центральному проходу, потом свернул в свой коридорчик и скоро был в забое. Используя «вторую память», Элд умело намечал лучом дрели точки и линии разреза, отбивал молотком черные куски породы. Длинная лента уносила их из забоя.

К своему удивлению, закончил он довольно быстро, о чем сообщила красная лампочка над входом.

В центральной шахте Элд увидел еще человек пять — они тоже шли к выходу. Скользя по ним взглядом, он равнодушно отвел глаза.

Но что-то ему показалось странным... Элд всмотрелся еще раз. Один из парней был бледен, в глазах не осталось ничего, кроме страха. Он смотрел вперед, словно ничего не видя, шел качающимся шагом — вот-вот упадет.

В тот же миг «второе я» констатировало: «Не жилец. В лучшем случае протянет еще с месяц...» Одновременно Элд отметил то, чему прежде не придавал значения — скафандр парня был «расшит», сварка на застежках разошлась, между частями костюма образовались щели.

Парень прошел мимо. Элд, встряхнувшись, шагнул к своей дверце.

В первом отсеке, едва он остановился, из стен ударили струи пенящейся жидкости. Во втором, куда Элд прошел чуть ли не на ощупь, поскольку стекло шлема было залито пеной, его обдало чистой водой и сухим воздухом, видимо, горячим, потому что капельки на стекле тут же испарились. Так повторялось несколько раз. Наконец, в последнем отсеке робот «расшил» заклепки скафандра и освободил Элда от громоздкой рабочей «сбруи».

До конца смены уходить из шахты запрещалось. Для тех, кто кончал работу раньше, было сделано несколько залов.

Элд вошел в один из них. По залу уже слонялись люди. Кто-то, уединясь в кабинке, смотрел видеофильмы, кто-то развлекался с игровыми автоматами.

Элд устроился в кресле и, машинально перелистывая рекламный журнальчик, попытался вытянуть из «второй памяти» — откуда у него такая уверенность, что парень в разгерметизированном скафандре умрет? И зачем вообще нужны скафандры, дезактивация? Если работа в шахтах опасна, то почему там не поставят автоматы?

Но выудить удалось лишь одну картинку. Лет восемь назад настоящий Элд видел, как в одном из забоев установили автомат. Тот не проработал и несколько минут: внезапно перестал выполнять приказы оператора и замер, а затем словно взбесился. Он беспорядочно носился по забою, вышиб несколько подпорок, поддерживающих крепление, и в конце концов исчез под обвалом...

Из динамика в стене послышалась какая-то фраза. Большая часть людей (а их набралось уже несколько десятков) хлынула к выходу. Элд, оторвавшись от своих мыслей, взглянул на часы: нет, смена еще не кончилась. В чем же дело?

Рядом оказался высокий рыжеватый парень с нахальным лицом. «Вторая память» подсказала — это Сант, один из тех, с кем Элд поддерживал дружеские отношения.

— Ты чего? Заснул или оглох? «В гости» же приглашают!

«В гости»? Элд «вспомнил», что значит это приглашение, кровь бросилась ему в лицо. Он так взглянул на Санта, что тот, обалдев, отступил на шаг. Впрочем, тут же хмыкнул и pokrutil пальцем у виска.

— Ты, Элд, какой-то чокнутый последнее время. Что ты на меня так зыркаешь? Не хочешь, ну и сиди, кисни. А я пошел. Привет!

— Да какой сволочи это вообще в голову могло прийти? — Элд яростно метался по комнатке.

Касли, устроившийся с ногами на кровати, поднял глаза:

— Не понимаю, что тебя так возмущает, — пожал он плечами.

— Что?! Да то, что у вас тут любовь извращена!.. Словно звери в зоопарке — кого с кем решили спарить, того с тем и распределили! И потом... звери — и те разбредаются для любви кто куда, а тут несколько пар в одной комнате, на виду друг у друга! С ума сойти!

— От этого еще никто с ума не сходил, — хладнокровно заметил Касли. — Подумаешь, «несколько пар в одной комнате»! Кто там друг на друга-то смотрит? Каждый своим делом занят!

— Ну, знаешь!..

— Постой, не злись так. Допуская, что тебе это неприятно... Но ты должен перебороть себя!

— И не подумаю! Провалюсь? К черту, пусть! Не могу я, понимаешь ты это? Я не животное! Мы так не договаривались!

— Откуда я знал, что у тебя такие заскоки?

— Это у вас тут заскоки!..

Подумав, Касли предложил:

— Я могу достать тебе справку о временной неспособности к половым актам... скажем, по психологическим причинам.

— Что?! — возмутился Элд.

— Что тебе опять не нравится? — разозлился Касли. — Не забывай: на кону не только наша операция, но и твоя шкура.

— Ты меня не пугай!

— Всего лишь напоминаю. А то ты вроде как позабыл об этом... За справкой зайдешь завтра.

— Ладно... — наконец вымолвил Элд.

С экрана кто-то дико заорал, заставив Элда очнуться от своих мыслей. Живописная картина! Нож, наполовину всаженный в тело, резко вытаснен, из раны сильной струей бьет кровь. Кажется, она вот-вот выплеснется с экрана, ярко-рубиновые капли растекутся на белых простынях кровати...

Элд, поморщившись, отвел глаза. Приходится терпеть... Время работы экрана контролируется, а его предшественник мог до бесконечности наслаждаться местными «шедеврами»

Первые дни и Элд невольно смотрел все подряд. Понял: секс-фильмы, боевики и рекламные передачи даются тут в какой-то определенной последовательности... Уже через два-три дня Элд не мог спокойно спать по ночам, а когда немного попривык, почувствовал, что начинает тупеть. Он со страхом заметил, что мысли второго «я» становятся ему все более и более понятны. Правда, думал он пока еще вполне самостоятельно...

К счастью, Учитель вовремя заметил что-то неладное. Выпытав, в чем дело, он накричал на Элда, а потом, поостыв, буркнул, что виноват и сам. «Я должен был это предусмотреть. Ну да ладно, ничего страшного еще не случилось. Только тебе придется снова стать моим учеником!»

За несколько уроков у Элда появилось умение «отключаться», укрепились воля и подлечились нервы. Если вначале Учитель ворчал, что за годы «безупречной службы» Элд порядком растерял способности сопротивляться, то в конце курса одобрительно сказал:

— Восстановил ты все очень быстро. Теперь все зависит только от тебя.

— Учитель, откуда вы все это знаете? По-моему, даже отрядовцы не владеют вашим искусством.

— Откуда, — старик усмехнулся. — Этот вопрос я задаю себе всю жизнь. И не могу на него ответить. Наверно, мое поколение уродилось такое «дефектное», со странностями.

— Поколение?

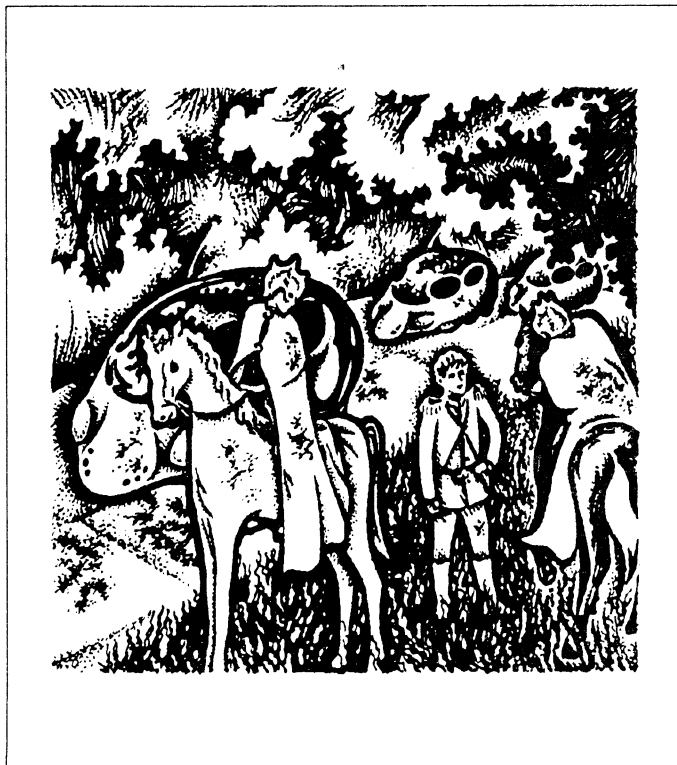
— Да. У меня, по сравнению со многими моими сверстниками, довольно средние возможности. Некоторые вообще чудеса умели творить.

— Какие?

— Ну, например, передавать мысли.

— Но вы это тоже умеете. Меня же вызвали!

— Ты спал. К тому же я могу только передавать, а они разговаривали друг с другом, причем на любых расстояниях... Но таких было немного, и все они еще детьми исчезли невесть куда... Постепенно моих

сверстников становилось все меньше и меньше. Правда, лет через двадцать появились новые дети с такими же отклонениями. Но у них это было уже слабее выражено. Видимо, дети нашего поколения. А откуда взялись мы... Кто его знает?

Сквозь шум видеофильма Элд услышал посторонний звук и, встряхнувшись, взглянул на дверь.

— Касли? Привет. Уже выпустили?

— Как видишь.

— Какого черта ты влез в ту драку?

— Надо было.

— «Надо»... Рискнешь ведь. Зачем лишний раз напоминать о себе господам из Отряда?

— Хуже не будет. Неделей больше, неделей меньше. Дольше двадцати одного года я все равно не проживу. Уже скоро.

«Вторая память» услужливо подсказала: те, кто протестует против здешних порядков, долго не живут.

...Протесты эти были слабыми и исходили, в основном, от молодежи. Что делать — недостаток возраста.

Но что толку? Вопросы были — ответов не было. Тогда начинали организовывать демонстрации. Ведь если спрашивает толпа, ей трудно не ответить. Но удавались демонстрации очень редко: если даже четыре-пять человек соберутся на улице, их тут же хватают невесть откуда взявшиеся отрядовцы.

Иногда демонстрация в полторы-две сотни человек все-таки собиралась, но она не успевала пройти и нескольких кварталов, как вокруг появлялись закрытые машины. И — кого отправляли в штрафные рабочие отряды на несколько недель, кому «прописывали» плети. А когда средний возраст группы подходил к двадцати одному году, наиболее активные ее участники оказывались жертвами «несчастливых случаев». Обвал, разгерметизация скафандра, изуродованный труп за городом... Остальные, потеряв руководителей, постепенно «перегорали», становились обычными людьми.

Все это Элд вспомнил за несколько секунд.

— Ты что, из руководителей? — Касли хмуро кивнул. — Расскажи о ваших группках.

— А что рассказывать? Пытаемся бороться. Самое интересное — неизвестно с кем. Единственный реальный противник — отрядовцы. Ну, еще мастера. Но за ними должен стоять кто-то.

— Почему ты так решил?

— Вот смотри... Мастерами руководит компьютерный центр. А у отрядовцев — командиры десятков и пяти групп по десять человек. Кто-то же должен осуществлять общее руководство всеми ими? Да и нами тоже. Тут все продумано очень четко! Из нас воспитывают людей определенного типа, ты заметил? Зачем, к примеру, делать такие крошечные комнаты? Стройматериалов или площадей не хватает, что ли? Да нет: просто в такую комнатку больше пяти человек не поместится. Все наши группы — по пять, от силы восемь человек. Конечно, есть межгрупповая связь, но ею непосредственное общение не заменишь!

— А видеозалы?

— Да, это единственные крупные помещения в городе. Но попробуй там о чем-нибудь поговорить с соседом!.. Кстати, потому мы и с более молодыми группами не можем наладить связь. Мы им говорим: «Надо искать того, кто за этим стоит». Они отвечают: «За призраками, «старички», охотитесь. Надо драться против отрядовцев да мастеров и не выдумывать несуществующих противников». Потом, повзрослев, понимают, что «старички» были правы, но предыдущего поколения как борцов уже нет, а новую молодежь они и сами вновь убедить не могут. Правда, мы сумели-таки с одной группой контакты наладить. Есть парень, всего-то пятнадцать, но умница...

Касли помолчал, давая Элду возможность переварить услышанное. Потом заговорил снова:

— Вообще-то я к тебе вот еще зачем пришел. В ближайшее время будет демонстрация — не вздумай вмешиваться! Мы отрядовцам приготовили пару сюрпризов, сможешь полюбоваться: сценки будут красочные. И еще... Только не бросайся на меня сразу... Надеюсь, ты помнишь, что твой предшественник был связан с отрядовцами?

— Н-ну? — насторожился Элд.

— После демонстрации, если все получится по части «сюрпризов», пойдешь в Отряд и сообщишь, что знаешь организаторов. Назовешь меня и Тора.

— Ты... Да ты что это такое придумал?! — рывкнул Элд.

— А что ты хочешь? Я уже несколько лет знаю, что обречен. Вначале по молодости не верил в это. Думал, обойдется. Думал, что раньше мы все тут поломаем, чем мне двадцать один исполнится... А когда понял, что не все так просто, отступить уже было поздно...

*Ну, протянули бы мы с Тором еще несколько месяцев... Зато ты с гарантией попадешь на Планету-Мечту, будешь оттуда поддерживать связь с молодой группой — это важнее, чем отсрочка нашей смерти!

Элд молчал, оглушенный страшной логикой Касли.

— А Тор-то знает? — спросил он наконец.

— Естественно! Да не тьяни ты, говори: согласен?!

— Хорошо. Подчиняюсь...

ОКОНЧАНИЕ СЛЕДУЕТ

ПОКАЯНИЕ РЕДАКЦИИ, ИЛИ ЧТО ЖЕ СЛУЧИЛОСЬ С ПОДПИСКОЙ НА «БИБЛИОТЕКУ ФАНТАСТИКИ»?

Объявив в октябре 1991 года о подписке на библиотеку фантастики, редакция преследовала две цели: сделать подарок читателям и несколько поправить в преддверие рынка свои финансовые дела. Добились же мы, увы, прямо противоположного результата.

Весомые в конце декабря 91 года двадцать рублей превратились в марте 92 года, когда мы приступили к практическому изданию книги, в пустую бумажку. Стало ясно, что ни о какой финансовой поддержке журналу и речи быть не может, скорее, наоборот. Спасти бы только репутацию «Следопыта»! Сменив одну за другой частные издательские фирмы, редакция ценой существенных уступок (в частности, вместо обещанного твердого переплета — мягкая обложка) получила-таки тираж тома Стругацких «Возвращение» (Полдень, XXI век) и «Попытка к бегству». Читателю, правда, предстояло еще доплатить за том 15 рублей, но это в связи кардинально изменившимся курсом денег не вызвало у подписчиков особо негативного отношения, скорее понимание ситуации — судим об этом по реакции екатеринбуржцев, получивших в редакции свои тома.

И вот тут редакция «Следопыта» допустила роковую ошибку. Заполучив полностью злополучный тираж и доверив рассылку подписчикам своей дочерней хозрасчетной фирме «Аэлита», мы самоуспокоились и вместо жесткого контроля довольствовались мягкими напоминаниями. Забили тревогу лишь в декабре, когда убедились, что распространение идет крайне медленно и большая часть тиража осела мертвым грузом на складе. Увы, время было безвозвратно утеряно. Подоспел январь 1993 года с бешеным ростом цен на почтовые услуги. Сейчас, чтобы доставить книгу наложенным платежом, особенно это касается отдаленных территорий России и бывших республик страны, связь запрашивает от 30 до 80 рублей за каждую бандероль. Взять эти траты на себя означало бы немедленное закрытие журнала — редакция и без того громадными усилиями удерживает издание «на плаву». Взвалить финансовую ношу на читателя не позволяет совесть. «Следопыт» итак за все 35 лет своего существования не получал столько суровой и справедливой критики, сколько за последние полтора года в связи с подпиской на «Библиотеку».

Из тяжелого положения нет легкого выхода. Варианты, которые редакция предлагает подпис-

чикам, уязвимы, сопряжены со многими трудностями, но честнее высказать горькую правду, чем держать читателя в неведении. Итак...

● ВАРИАНТ ПЕРВЫЙ

«Аэлита» и редакция намерены отправить книги партиями в крупные регионы и уже оттуда через своих «агентов» распространять тома. Список таких городов и ответственных лиц опубликуем в ближайших номерах. Ищем добровольцев, готовых помочь редакции.

● ВАРИАНТ ВТОРОЙ

Если вас не страшат высокие расходы, связанные с наложенным платежом, напишите нам об этом и мы отправим книгу.

● ВАРИАНТ ТРЕТИЙ

На взгляд редакции, наиболее оптимальный. Узнайте на ближайшем отделении стоимость пересылки простой бандероли весом до 500 гр. (с учетом удаленности и способа доставки она для каждого региона сугубо конкретная). Переведите необходимую сумму (15 руб. доплата за книгу плюс стоимость почтовых услуг плюс 3 р. за упаковку) на адрес редакции (620219, г. Екатеринбург, ГСП-353, ул. Декабристов, 67. Будриной Людмиле Степановне) с неизменным указанием вашего подробного адреса и номера подписной квитанции. Вариант наиболее экономичный. По нашим расчетам для большинства подписчиков вся сумма доплаты в пределах 23-35 рублей.

● ВАРИАНТ ЧЕТВЕРТЫЙ

Екатеринбург, к счастью, находится на перекрестке дорог. Просим читателей использовать любую возможность (знакомые, родственники, командированные и т.д.) — с предъявлением квитанции и доплаты в 15 руб. им немедленно будет выдана книга.

Книга будет ждать своего владельца в течение года — до марта 1994 г.

● ВАРИАНТ ПЯТЫЙ

Если Вас не устраивают все вышеперечисленные варианты, сообщите нам об этом. Вам будет возвращена стоимость книги в размере 30 рублей (пять рублей на почтовые услуги). По справедливости, индексация должна быть более высокой, но, увы, издание принесло нам одни убытки.

АЭЛИТА-93

ПРИНОСИМ ПОДПИСЧИКАМ ГЛУБОКИЕ ИЗВИНЕНИЯ

РЕДАКЦИЯ

Мария КОНОВАЛОВА

ГДЕ НАХОДЯТСЯ «ТУДА» И «ОБРАТНО»

Прошлый год стал годом Джона Рональда Руэла Толкина: весь читающий мир отметил 100-летие со дня его рождения. Творчество английского писателя знают и любят и в нашей стране — теперь это не преувеличение, поскольку наконец-то возникли соответствующие условия. Ведь вслед за многократно переизданным «Хоббитом» в самые последние годы два читателя получили — один за другим — три(!) полных перевода эпопеи «Властелин Колец», несколько сборников других его произведений и даже два издания (разумеется, вполне пиратских!) явно конвенционного «Сильмариллиона»...

Если из хорошей книги делается культ, значит, что-то неладно либо с книгой, либо с создателями и служителями этого культа. И чаще всего именно с последними, потому что культ — следствие интеллектуального инфантилизма. А он заразителен: попробуйте, к примеру, зайти в «булгаковский» подъезд на Садовой, 302-бис и удержаться от искушения своей рукой дополнить таинственную настенную мудрость. Но культ «Мастера и Маргариты» — явление устойчивее, лишь время от него излечит. А у свежевозникших, формирующихся культов множество проблем: какие сложить традиции, какой смысл придать обрядовым действиям, как должны вести себя неопиты и нужны ли жрецы...

Культ Дж. Р. Р. Толкина, как ни печально, уже решил часть этих тяжелых вопросов. Фанаты попробе, перерядившись эльфами и гномами, на ежегодных «хоббитских ивритах» счастливо дуют друг друга во славу Эльберет Звездосияющей. Те же, кому этого недостаточно, старательно ищут то главное, без чего не обойтись уважающему себя культу: мистико-теоретическое обоснование. И кидаются из крайности в крайность, отыскивая в любимой книге хоть какие-нибудь параллели хоть с чем-нибудь всечеловечески значимым. Весьма популярно возводить оксфордского интеллектуала в визионеры типа Даниила Андреева (существуют громоздкие статьи, сравнивающие «Властелина Колец» и «Сильмариллион» с «Розой Мира»), популярно выставлять его мастером сомнительных политических аллегорий, населившим поля Второй мировой войны сказочными персонажами. Смысл всех этих поисков — что бы ни искали — сводится к подсозна-

тельному, быть может, намерению исследователей приписать космическим инспирациям или подсказкам новейшей истории авторство книги, кое гораздо более лестно отнести на счет человеческой фантазии и таланта.

Преисполность смелости предложить толкиноманам еще один из возможных тайных смыслов «Властелина Колец», еще одну основу для фанатической экзальтации. То, из чего вырос сюжет трилогии — древней войн ближе космических вихрей. Потому что секрет популярности «Властелина Колец» — не в необходимости, а в узнаваемости ситуаций, и каждый из нас попадет (а для верящих в реинкарнацию — не раз попадал) туда, где странствовал хоббит Фродо, и будет выполнять похожие действия. И предмет книги — не Великая Война Кольца, а описание смерти человека, блужданий души в загробном мире, ее очищения, возвышения и перерождения. Трона ведет не с Севера на Юг, а из «бодрствующего мира» («a wake world» по выражению Толкина) через царство смерти в земли света.

В системе Толкина хоббит символизирует человека, а мир людей соответственно сжимается до размеров Хоббитании. Хоббитания — единственная реальность, это наш мир, это «бодрствующий мир». Все, что за ее пределами — н о т у с т о р о н у «бодрствующего мира», и живут там н о т у с т о р о н и е существа. В потусторонней природе эльфов и гномов мы с вами сомневаться не станем. Но у Толкина потусторонность приобретает и люди — ведь они тоже обитают вне Хоббитании, им нет места в ней — они стражи ее границ, стражи перехода от дня к ночи, от яви к сну, от жизни к посмертию. Являться в бодрствующий мир дозволено лишь некоторым из потусторонних существ, тем, кто наделен особыми полномочиями. Такими, как Гэндальф: его роль в концептуально-структурном сюжете романа (которую не надо путать с ролью в сюжете внешних действий) — проводник, сродни Анубису и Харону, вестник смерти, сообщающий душе ее долг и способ его выполнения. Как и все потусторонние существа, он силен на собственной территории, как и все они, является в бодрствующий мир лишь ночами. Помните:

Бывало, смеркнется чуть-чуть,
Как слышен шум его шагов,
А на рассвете в дальний путь
Он уходил без лишних слов.

Солнце живых опасно для Гэндальфа, как для гномов «Старшей Эдды» — подаром он носит имя одного из них.

С его приходом ломается налаженное существование хоббита — человеческая жизнь завершается с явлением вестника смерти. В уютную уравновешенность полубытовой сказки вторгается грозный, не-

умолимый, неуправляемый миф, и срывается с места почтенный и положительный хоббит, летит в неведомое, не глядя под ноги — так обычный человек, умерев, узнает, что уникален, что ему дано быть героем, ибо есть миссия, которая по силам лишь ему одному.

И какова бы ни была эта миссия, сообщенная вестником смерти — найти клад, убить дракона или спасти мир, — она непременно связана с походом на юг. Именно там мифы северных народов, как сообщает исследователь первобытной и языческой культуры Э. Тайлор, располагали царство мертвых. И не только они — вспомните символа Распятого. Раскинутые руки Спасителя охватывают Запад и Восток, голова обращена к Полярной звезде, Юг — под ногами. А под ногами Христа традиционно изображают череп, символ смерти.

Толкин прямо намекает на истинную сущность места исполнения миссии героя. Служители тьмы у него зовутся орками — и как бы они ни подчеркивали, что это слово из эльфийского языка, нельзя не вспомнить, что точно так же — Орк (Orcus) — именовалась у римлян страна теней. «In the land of Mordor where the Shadows Lie», «В призраками полной Мордовской стране», — слово зовет Носителя Великого Кольца, чтоб не сбился с пути, этот мрачный рефрен Завета Колец.

Числа Колец Власти — три эльфийских, семь Гномских и девять людских — тоже не без соответствий. Повелитель Мордора с благоговением профессора Толкина, несомненно, имел в виду мистические значения цифр. Тройка в большинстве нумерологических систем символизирует божественное начало, связь с силами Света, семерка — философские наклонности, мудрость и упорство, девятка — число абсолюта. Девять колец, отданных людям — воплощение абсолютного Зла, и девятью кругами дантова Ада разойдутся они над головой того, кто слишком слаб, чтоб противостоять власти Зла — или Злу Власти.

А слаб тот, кто в потустороннем мире сильнее. Мудрые маги и могущественные короли боятся искушения Всевластия куда больше, чем маленький хоббит — и не потому, что он не знает, что с этим всевластием делать, а потому, что он не сможет им воспользоваться. Ведь он из бодрствующего мира, в потустороннем он — чужак, свободный от страстей, что этот мир раздирают. Магические предметы имеют мало власти над ним — как и он над ними. Великое Кольцо — символ orbis terrarum, круга земного, символ стран грез, кольцом лежащих вокруг бодрствующего мира. Чтобы не поддаваться полностью этому Кольцу, не стать одним из обреченных нестись по нему призраком, нужно уметь видеть его со стороны — хотя бы с внутренней. Эльфы, гномы, люди и прочие дети мифа не могут

этого — они захвачены Кольцом, хотя и ненавидят Всевластие, они вплавлены в его металл, вписаны в его руны, и освободит их тот, кто любит их страны как сказку, а не как дом.

И Фродо отправляется в путь, то есть умирает — недаром вместо «умер» мы часто говорим «ушел». С ним идут его друзья: их добровольное согласие на полный опасностей поход сравнимо с ритуальным самоубийством, частью языческого похоронного обряда. Первый отрезок их пути — лес. Помните начало «Божественной комедии»: «Земную жизнь пройдя до половины, я очутился в сумрачном лесу...»? Лес, особенно темный и непроходимый — место жительства всякой нечисти, отсюда можно, не заметив, выйти в мир очень страшный, мало похожий на тот, откудаходишь. Лес у пределов Хоббитании — не тот ли это туннель, что описывал Раймонд Моуди в книге «Жизнь после жизни», темный туннель, который видит человек в состоянии клинической смерти? В конце туннеля, согласно Моуди, попавшего сюда встречает некое сияющее существо, оно помогает человеку оценить и истолковать его земную жизнь и позволяет увидеться с умершими ранее близкими. В трилогии такое существо — Страж Лесов Том Бомбадил. Он, правда, не полностью отвечает описанию Моуди — разве что своей изначальной «светлостью», — посему выход из туннеля-леса и встреча с ранее ушедшим — Бильбо — отстоят друг от друга на пять глав. Но, во-первых, Толкин вряд ли писал о смерти на основании личного опыта, а во-вторых, он не задавался целью создать мистиерию, дотошно инсценировав метафизический сюжет.

Пройдя лес, хоббиты оказываются на первой ступени потустороннего мира — первой, ибо мир во многом повторяет наш и там есть своя иерархия. Эта первая ступень — Бри (Вгее, в русских переводах Пригорье или Бриль) — еще очень похожа на бодрствующий мир, на

Хоббитанию. В том, что живут там хоббиты (то есть люди) вперемешку с людьми (то есть потусторонними существами) — а это с точки зрения уроженцев Хоббитании куда как сомнительно, — видится напоминание об одной характерной черте средневекового мышления — страсти населить дальние страны, «белые пятна» карт монстрами, придать тамошним обитателям сверхъестественные черты.

Сходство этой части потустороннего мира с бодрствующим значимо в сопоставлении с привидениями шведского теолога Эммануила Сведенборга. Он писал, что человек не замечает своей смерти и некоторое время продолжает находиться в привычной, почти незаметно искаженной обстановке. Но искажение, отличие от реальности уплотняется, растет, и наконец является некто, который должен препроводить душу туда, где она сделает окончательный выбор будущего своего местопребывания, выбор между светом и тьмой, между раем и адом. Роль этого «некто», сильного потустороннего существа, играет у Толкина Арагорн, ведущий хоббитов в Ривенделл (в русских переводах Раздол или Дольн). Арагорн делит с Томом Бомбадиллом функции сияющего создания, описанного Моуди, благодаря ему хоббиты получают возможность увидеться с Бильбо и осознать свой дальнейший путь.

В Ривенделле, на совете у Элронда, им предлагается выбор между светом и тьмой. И раз уж предпочтен свет, рай, нужно быть достойным его. Нужно пройти весь потусторонний мир, шагнуть в самое сердце ада и заставить его прекратить биться.

С этим отправляется в путь Братство Кольца, отряд Хранителей. Мир, по которому они движутся, потерял уже всякое сходство с бодрствующим — здесь нет времени, нет ярких красок. Черно-белые знамена людей, белые наряды гномов, серые плащи эльфов — мир этот

переливается всеми оттенками серого, как полузабытый, тускнеющий сон. И сами его обитатели именуют свои земли «серой страной», «grey country», по-эльфийски — Синданориз. Название прекраснейшего из металлов Средиземья — мифрил — в переводе с эльфийского тоже означает «серый».

Этот мир сер потому, что изначальная белизна светлого замысла оказалась в нем опоганена злом. «Сильмариллион», история Средиземья от дней его создания до Великой Войны Кольца, повествует о том, как в музыку Айнуиров-Валаров, богов, творящих мир, врезались диссонансом ноты раздора, мелодия тьмы. О том, как зло укрепило в Мордоре, заразило Юг, как старались спастись от него обитатели стран грез, как исчез из пределов искаженного мира Валимар, «дом Валаров», обетованная земля эльфов, рай. А Средиземье стало миром промежуточным, переходным. Обитатели потусторонних земель прекрасно сознают, что живут в искаженном, неполноценном мире — отсюда их культ предвечного прошлого, а тоска эльфов по Валимару — проявление их страсти к смерти. Пока не исполнятся пророчества и не исчезнет Великое Кольцо, привязавшее звездный народ к искаженному миру, бессмертный эльф только после гибели может вернуться в Ваимар.

И герои «Властелина Колец» идут исполнять пророчества, движутся по тропам Синданориз, серой страны, и после многочисленных приключений выходят к реке. У Толкина эта река зовется Андуин Великий, но мы не раз встречали ее под именами Стикса, Коцита, Леты. Эта крайняя граница мира грез, за нею — царство абсолютного зла, настоящий ад.

Хоббиты пересекают эту границу и вступают в пределы смерти одни — потому что им уже не нужен проводник. Они достаточно освоились в потустороннем мире, познали его законы и обрели даже некоторые

ОТВЕТ НА КРИПТОГРАММУ (№ 1, 1993)

Расшифровка рассказа космического путешественника (приведены начальные слова каждого из 12 отрывков, в скобках указаны автор и процитированное произведение):

1. «Мы стояли...» (У. Тэнн. Срок авансом).
2. «Третья планета звезды...» (Ф. Карсак. Львы Эльдорадо).
3. «С другой стороны, легкие элементы...» (А. Азимов. Ловушка для простаков).
4. «Расстилалась ровная, как стол, черная поверхность...» (А. и Б. Стругацкие. Страна багровых туч).
5. «Казалось, планета навсегда застряла...» (Е. Гуляковский. Долгий восход на Энне).
6. «Была здесь довольно плотная атмосфера...» (В. Савченко. Вторая экспедиция на странную планету).
7. «Эти ветры сносили вершины...» (Р. Желязны. Долина проклятий).

8. «Нужно услышать эту музыку...» (Э. Табб. Колокольчики Ахерона).
9. «Небо там было серебряной чашей...» (А. Нортон. Всадник с Вордена).
10. «Солнце уже почти закатилось...» (С. Гансовский. Хозяин бухты).
11. «Мы опустились в сумерках...» (К. Булычев. Путешествие Алисы).
12. «Наступило очередное утро...» (Г. Мартынов. 220 дней на звездолете).

Получены 12 планет: 1) Ригель XII; 2) Эльдорадо; 3) Малышка; 4) Венера; 5) Энна; 6) Странная; 7) Земля; 8) Ахерон; 9) Ворден; 10) Земля; 11) Пустая; 12) Марс.

В криптограмме зашифрована фраза: «Ах, да — зеленая Яшма...» Речь идет о планете Джаспер из повести О. Ларионовой «Звездочка-Во-Лбу» (Чакра Кентавра).

«потусторонние силы». И это имеет обратную сторону: этот мир теперь может влиять на них, они могут попасть под власть магических предметов. Пиппина неудержимо тянуло к Палантиру, Фродо пережил искушения Кольца.

Тот, кого Фродо и Сэм встречают в царстве зла и кто якобы помогает им (Горлум), — существо не совершенно потустороннее, это человеческая душа, не совершившая выбора, заплывавшая в мире грез и слишком привыкшая к нему. О таких случаях рассказано в «Бардо Тедол», Тибетской Книге Мертвых. За звание потустороннего мира, за страсть к нему Горлум платит потерей своей сущности, полным подчинением Кольцу, которого едва избежал Фродо.

Искушения, через которые прошел Фродо, — голодом, властью и возможностью спокойно и бездумно подчиниться злу, — типичные ору-

дия дьявола, любимые его доводы. Примерно то же самое предлагал Сатана Иисусу в пустыне. Но перед стремлением к свету того, кто однозначно выбрал рай, аргументы тьмы не срабатывают — путь пройден, Кольцо уничтожено, миссия исполнена, мир спасен и рай доступен.

Однако хоббитам — или людям, или душам, выполнившим посмертный долг и очистившим карму, — дана возможность вернуться в бодрствующий мир, в Хоббитанию — или родиться вновь. Это именно перерождение, воплощение более совершенное. Ведь хоббиты вернулись из своего похода неизвестными, они стали мудры и сильны душой, прекрасны внешне. И им нет больше нужды влечь цепь земных существований — в бодрствующем мире они на этот раз ненадолго, вскоре один за другим покидают его навеки, отправляясь вновь в зову-

щие, прекрасные земли грез и дальше, в Валимар, в рай, в страны вечной радости.

Уходом героев на Заокраинный Запад кончается «Властелин Колец». Полным просветлением, подъемом в высшие сферы кончается (по крайней мере, должен кончатся) кармический путь души. Над всем вышесказанным можно задуматься, можно опровергнуть, родившую, противоположную концепцию, можно посмеяться, как над другими попытками выискать во «Властелине Колец» «истинный» смысл, который для автора эпопеи, возможно, оказался бы изрядной новостью. А можно просто раскрыть книгу, закончивающуюся, как и следует хорошим книгам, легкой печалью, и приветствовать ее словами, ее завершающими: «Вот я и вернулся».

Счастливого возвращения.

Кроссчайнворд «Руны Толкина»

Составила С. Кузнецова (Днепропетровск)

Руна 1

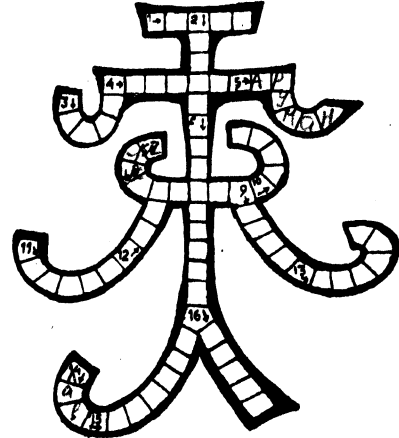
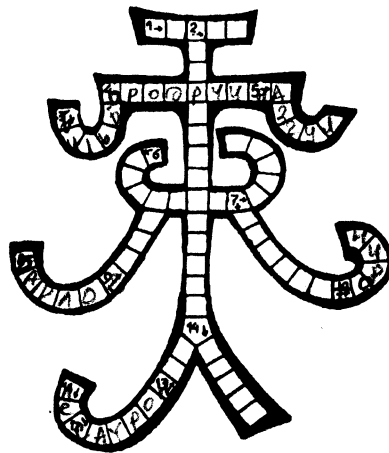
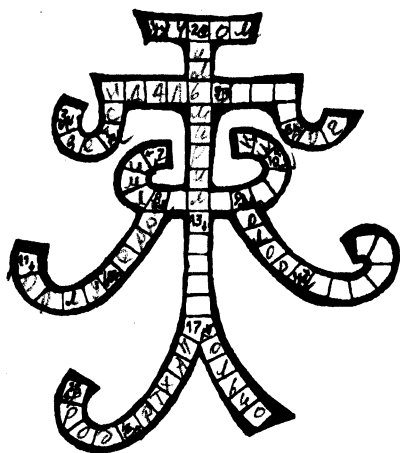
1. Всякая вещь, которую девать некуда, а выбросить жалко (хоббитское).
2. Каждый из трех бриллиантов, впитавших свет деревьев Валинора.
3. Река, с помощью которой онги затопили Изенград.
4. Волотистые низины у Андуйна, после Тол-Брандира.
5. Эльфийский мастер, изготовивший бриллианты.
6. Нечто, принадлежавшее Боромиру, расколотое в битве с орками.
7. Двужильный гном, «охотник» за хоббитами.
8. Последняя Светлая Обитель.
9. Платформы лориэнских эльфов на деревьях.
10. Храбрый и верный хоббит.
11. Вторая половина Смеггорла.
12. Хоббит из Брендизайков, сунувший нос в дела мудрецов.
13. Прозвище Барда, поразившего Дракона.
14. Гондорский князь, сын Элендила.
15. Главный Хранитель.
16. Непрístupная башня посреди Изенгарда.
17. Проклятие Исилдура.

Руна 2

1. Конунг-ратоборец, державший оборону возле Ушеля.
2. Благословенный край, золотозвончатая долина.
3. Хоббит, который помог гномам вернуть сокровища.
4. Роковая гора.
5. Черный колтынос.
6. Эльфийское имя Гэндальфа.
7. (→) Владения Элронда.
7. (↓) Маг, повелитель растений и животных.
8. Великое лихо Дарина.
9. Главный телохранитель Теодена.
10. Царь - изгнанник, погибший в Битве Пяти Воинств.
11. Место первого ночлега хоббитов после Торбы.
12. Черный маг, последователь Мелкора, властитель Мордора.
13. Одно из колец эльфов, принадлежавшее Галадриэли.
14. Меч, выкованный Тельгаром.

Руна 3

1. Крепость (неменорское).
2. Один из сторожевых постов у Тол-Брандира.
3. Возрожденная молния.
4. Эльф-царевич из Северного Лихолесья.
5. Маг, который предал белый цвет.
6. Земля невысоких, к северу от Брендуйма.
7. Меткое оружие эльфов.
8. Вершина вершин, где был поединок Гэндальфа с Багровым Ужасом.
9. Река, протекающая через Фангорн.
10. Водопад на Андуйне.
11. Прародитель нынешних лошадей Мустангрима.
12. Сосуд, который светится тем ярче, чем чернее тьма.
13. Бесстрашный странник, наследник Элендила.
14. Имя хозяина трактира «Гарцующий пони».
15. Равнинные земли к востоку и западу от Онтавы.
16. Меч Гэндальфа.

ЮРОДИВЫЙ

повесть

глава пятая

ЮРОДИВЫЙ

Красив и величав этот город. Время и обстоятельства поделили его на две неравные части: Верх и Низ. Административно-торговый Верх разместился на горе привольно и вельможно. Работный Низ гора притиснула к великой реке, которая навеки связала Город правым концом с лесным, рыбным да пушным Севером, а левым — с Уральским Камнем, откуда прибывало железо да медь, да все от них производное.

Кроме лабазов, часовен да церквей, Низ был деревянным. Жилые дома, кабаки и лавки; проезжие середины и пешеходные края нешироких улиц; мосты и мостики через лога, овраги, речушки и ручьи, — все, буквально все было из дерева. Но в разных руках этот материал проявлял себя по-разному, каждый дом не схож с соседним, каждый на особицу смотрится, — да как смотрится! — не жилая изба, терем сказочный. Кружевные карнизы и наличники; затейливой искусной резьбой украшены парадные крылечки. Есть такие ставни, хоть в иконостас вставляй и молись... А дымники... Какие дымники! Скачут по над крышами кони, диковинной стати и красоты, с распущенными длинными гривами, развевающимися по ветру хвостами. Плавают в низких облаках невиданные рыбы. Сверкают чешуей русалки. Вот-вот и сорвутся в лет пернатые красавцы, содеянные ловкими, даровитыми руками искусных умельцев, среди коих есть и такие, что могут блоху подковать, комару шпоры приладить.

Административно-торговый Верх губернской столицы приметно отличался от Низа каменными постройками, венцом коих являлся белостенный Кремль, соединивший в себе духовную и мирскую власти. В Кремле укрылись и митрополичьи покои, и резиденция губернатора, и заглавный городской собор имени святой Софии.

Сверху, со звонницы Софийского храма, кажется, будто дома хороводятся вокруг церквей да собора. Их в городе — тридцать семь, больших и малых, изумительных и заурядных — нацелили в небо золотые, золоченые, крашенные купола. Тридцать семь отменных мастеров самородков состязались в таланте, изобретательности и сметке, творя из каменной красоте во славу господу богу, на радость и в усладу людям. В праздничные дни город тонул в колокольном перезвоне, который волнами скатывался с нагорной части и, столкнувшись здесь с встречным потоком, взмывал к облакам, уносился к реке, достигал левобережной поймы и растекался все дальше, к синему бору, к речной крутой излучине, опоясавшей высокий холм, где полтора века назад блистал великолепием и роскошью дворец любимой жены сибирского хана.

Церковные звонари — народ лихой, отпетый, талантливый. Были среди них умельцы, кои могли на колоколах любую песню сыграть, но когда начинался праздничный перезвон, никто из них не вырывался, не выказывал своего искусства, а норовил неприметно, но мощно влиться в общий хор медногласных собратьев, усложняя, разукрашивая мелодию, наращивая ее мощь.

Сегодня в городе престольный праздник, самый пышный и громкий праздник года в честь чудотворной Авдеевской божьей матери. Село Авдеево в восьми верстах от городской заставы. Богатое. Торговое село. Рядом, чуть в стороне от тракта, в обихоженной кедровой рощице женский монастырь. Там, тринадцать лет назад, и объявилась чудотворная.

Пошла молодая монахиня Алефтина по воду, за-

черпнула бадейку, а вытащить не может, будто нечистая сила вцепилась в посудину, и ни в какую не отпускает. Тужилась, тужилась Алефтина, да толку что. Заглянула монахиня в колодец, а там плавает неведомый предмет, и от него, как от костерка, свет, да живой, струится. Вгляделась Алефтина, ахнула, узрев святой лик божьей матери. Возопила потрясенная монахиня. Сбежались сестры. Пришли игуменья и священник. На веревках спустили в колодец Алефтину, и вынула она чудотворную. Еще не успели одеть богородицу в золотую ризу, как почла она чудеса творить, да такие, что молва о них растеклась по всей Сибири и за Урал просочилась, и с той поры, каждый год в день явления иконы, в губернской столице зачинался престольный праздник — шумный, торжественный и веселый.

Загодя, за несколько дней до престола стекались в Авдеевский монастырь паломники, увечные, кликуши, нищие. В канун праздника являлся туда архиерей и священники из митрополичьего Софийского собора. Едва занималось утро праздника, как из Авдеевского монастыря начиналось шествие — перенос чудотворной в губернскую столицу. С пением псалмов и молитв, с восторженными кликами, слезами умиления и покаяния. Чудотворную сопровождала огромнейшая толпа, растянувшаяся на полторы-две версты. Жаждавшие чуда или исцеления то и дело забегали вперед, падали в дорожную пыль, припадали к священникам и архиерею, когорый, творя молитву, благословлял страждущих и жаждущих.

Город ждал чудотворную, готовился к встрече. На колокольне Софийского собора сидел наблюдатель, стерег дорогу от Авдеевского монастыря, и едва показывалась сверкающая ризами голова процессии, как раздавался удар самого большого колокола и начинался праздничный благовест, в который включались все тридцать семь соборов и церквей.

У городских ворот икону встречала несметная толпа богомольцев, митрополит со свитою и вся губернская знать. Ревели колокола. Сводный хор церковных певчих воспевал и славил владычицу. Блистали хоругви и одеяния священнослужителей. Белели свеженапудренные парики знати. Сверкали ордена, парча и позолота разнаряженной пышно губернаторовой свиты. С рассветом жители Верха и Низа, кто способен был хотя бы ползти, двигались в Кремль, к Софийскому собору, на заутреню. После богослужения людская лавина хлынет под гору, навстречу чудотворной. Потом огромный кремлевский двор вновь до отказа наполнится богомольцами. Торжественную обедню в соборе будет служить сам митрополит.

Пока в митрополичьем Софийском пели осанну матери Христа, в нагорном саду, вокруг памятника покорителю Сибири, наскоро сколачивали длинные столы и скамьи. Туда везли и несли явства. На кострах кипело, шкварчало и жарилось. Молодцы в яр-

ких рубахах вышибали пробки из пузатых бочек с вином и пивом. Возле увеселительных балаганов и каруселей выстраивались горластые дерзкие зазывалы, готовясь перекричать друг друга. Закончится торжественная служба в соборе, и многотысячная толпа из Кремля хлынет сюда, и начнет пир на весь мир...

Так было всегда, в первое воскресенье июля. Так случилось и теперь. Все, как прежде. Как по нотам. Лишь одна инородная капля обнаружилась вдруг в привычной волне праздничных событий, и хотя та капля была мала и почти неприметна, именно она сделалась центром притяжения не только праздного люда. И власти предрержащие наострили уши, прицельно сощурились, сторожко блюдя каждое слово и каждый шаг новоявленного юродивого — Геши Пелымского...

2

Появился Геша в городе недели за две, за три до престольного праздника. Вернее было бы сказать, не появился, свалился камнем с неба на паперть Софийского собора незадолго до обедни. К тому времени не только паперть, но и площадь перед собором, и обочины дорожки, по которой шествуют богомольцы в святую обитель — все, буквально все было поделено меж нищими, кликушами, калеками, порченными, чревовещателями и прочими нахлебниками — несть им числа — поделено по принципу: «больше силы — больше прав». И если сирыс, увечные и убогие постоянно цапались из-за своего места под солнцем, то наиболее сильные, злые и нахрапистые являлись, когда хотели, на застолбленное ими место, кое тут же и освобождалось. Вожаком голодной, завистливо злобной стаи побирушек-вымогателей был Афоня-живодер, прозванный так за лютую ненависть к четвероногим собратьям. Подманив доверчивого пса, приласкав его и оделив куском, Афоня вдруг свирепел и начинал истязать и мучить бедное животное, и, окончательно осатанев, ломал ему позвонок либо душил. Поговаривали, что подобное Афоня втихаря проделывал и с непокорными из своей свиты. Так это или нет — бог весть, но авторитет Афони-живодера среди побирушек был непререкаем.

Был Афоня невысок, но неправдоподобно могуч и звероват ликом. Темно-рыжая порось на лице примята и спутана, как молодая осока в ненастье. В этой дремучей рыжей поросли пугающе зиял всегда полуоткрытый рот смрадный, в котором хищно посверкивали крупные, странно изогнутые зубы. Из-за коротких, будто выщипанных ресниц поразительно синие глазищи казались невероятно огромными. Ходил Афоня-живодер переломившись в пояснице так, что едва руками не доставал земли. Шаггал тяжеловесно, вразвалочку, раскачивая на ходу и плечами, и бедрами, и огромными кулачищами...

В тот день Афоня-живодер явился на паперть,

когда обедня уже началась. Едва он вступил в церковную ограду, как к нему тут же кинулись припешники-прихлебатели, кои всегда сопутствуют сильным и свирепым. «Ой, беда, Афоня...» — «Где ты был, Афоня?..» — «Поспеши, Афоня...» — запричитали, захныкали шакалы, юля вокруг льва. «Не веньгайте! — цыкнул Афоня. — Ково изделалось?» — «Местечко твое... у колонны... сграбастали...» «Кто? — взъярился Афоня. — Кому жить надоело...» «Чужой... Нездешний... Юродивый, бают... Звонарь привел... Привел и посадил...» — «Пошто не упредили?!» — взревел Афоня. «Упреждали... Не слышит... Бормочет ково-то...» «Скинули б с паперти рылом о землю...» — рычал, задыхаясь от злобы, Афоня-живодер. «Он сам кого хошь...» — начал было один из холуев и тут же схлопотал такую оплеуху, что земля из-под ног выпрыгнула...

В ожидании конца обедни попрошайки сбились в группы и группочки, спаровались, строились по интересам, делясь новостями, главной из которых было явление незнакомого юродивого. Тот был черен, как грач. Сосулькимо слипшиеся давно немые и нечесанные чернеющие волосы накрывали лопатки. Густая смоляная поросль скрывала все лицо. В черном омуте бороды кричаще белыми казались зубы. Горячечно сверкающие черные глаза пугали пронзительностью. Казалось, их взгляд входил в человека, как шуп, пронзив тело, впивался в душу, и та, опаленная болью, раскалывалась, размыкалась, подставляя чужому взгляду запретное нутро.

Сгрудившийся у собора сброд ел глазами новоявленного юродивого, с великим нетерпением ожидая куда-то некстати запропадившегося Афоню-живодера, явление которого сулило забавное развлечение, наверняка, с кровью. И едва завидя разъяренного вожака, вся стая мигом стихла, сбилась в круг, в центре которого сидел юродивый, раскачиваясь, что-то лопоча, бесстрашно смотря на стремительно шагающего к нему Афоню-живодера.

На юродивом Афона замызганная, в пятнах, суконая ряса, надетая на голое тело. На груди, на обрывке бечевы болтался большой медный крест. В правой руке — обрывок цепи. В левой — что-то похожее на короткую рогатину.

Когда Афоня подступил почти вплотную, юродивый вдруг коротко, жутко взвыл и залаял, да так громко, так звонко, так по-собачьи залаял, что ему тут же откликнулись где-то вблизи собора дремавшие псы, а обступившая его толпа обомлела, и даже Афоня-живодер, оборвав стремительный шаг, замер оглушенно. Пролаяв, юродивый заскулил:

— Душегуб грядет... Погибель зиждет... Сгинь, сатанинское исчадь!.. Ату его, братья! Ату!..

И вскочил, нацелив рогатину на подошедшего Афоню. Будто влекомые неведомой, неотразимой силой, потянулись к паперти случайные прохожие, выманенные из собора лаем богомольцы, плотным кольцом обступили они Афоню-живодера и противостоящего ему юродивого.

— Кто таков? — грозно, хотя и негромко прорычал Афоня-живодер.

— Это Геша Пельмский, — услужливо прошамкал старушечьим голосом пыльный ком лохмотьев.

— Из Пельмского монастыря... Давно там объявился... Пришел к нам на престол, а может, навовсе... — прохрипел жалкий безногий обрубок с трясущейся головой.

— Брысь! — рыкнул Афоня-живодер, и толпа качнулась, раздалась в стороны от юродивого.

А тот вдруг подпрыгнул и, пританцовывая, запричитал:

— Коготки востры кошачьи... Зубы крепеньки собачьи... Слова бойся!.. Слова страшись... Ни железо, ни дерево, ни камень не заслонит... Когти отпадут... Зубы выкрошатся... Прах... Тлен...

Толпа росла. Толпа напирала, обжимая их все теснее. А из собора валом повалили любопытные.

Афоня-живодер привык действовать кулаком, мог нагнать на себя истерику, пасть на землю, биться и брызгать слюной. Но для этого нужен был повод, а юродивый выговаривал что-то невнятное, непривычное, оттого пугающее, и, не зная, как поступить в данном случае, что ответить или сделать, Афоня-живодер замешкался, и эту растерянность подвластная ему стая сразу заметила, истолковав как проявление робости или слабости. Верно угадав это, Афоня-живодер пошел на юродивого, нацеля растопыренную пятерню вытянутой руки на тощее горло пришельца.

Юродивый вдруг опять взлаял, утробно и дико, потом промяукал и неожиданно заворковал голубем. Оборвал воркование криком:

— Вон они!.. Вон они!.. Ну же. Скорей!.. Летят... Летя-а-т!.. Улю-лю-лю-лю!.. Гууди-гули-гули... Р-р-р... Гав!.. Гав!.. Изыди. Сгинь... Живоглот...

Снова застопорил наступление Афоня-живодер. Он колебался. Он мялся. Он проигрывал поединок. Фактически уже проиграл. Симпатия толпы была целиком на стороне юродивого, который притягивал и покорял необычайностью, загадочностью и какой-то неизъяснимой, нутряной, невыказанной, но явно выраженной силой. Почуя проигрыш, Афоня-живодер взбеленился, сграбастал за грудки, притянул к себе юродивого. А тот вдруг, откинув рогатинку, накрыл ладонью лицо Афоню-живодера и, еле приметно вращая его, что-то торопливо, глухо и невнятно забормотал. Толпа замерла, глотая непонятные слова, а Афоня-живодер выпустил рясу юродивого и стал медленно пятиться. Юродивый наступал. Юродивый наседавал. При этом растопыренными руками он как бы отталкивал и отталкивал Афоню-живодера, хотя к нему и не прикасался. Толпа заулюлюкала. Завыла. Заорала, в сотню злорадных, насмешливых, гневных глоток. Если бы теперь лишь коснуться юродивого посмел Афоня-живодер, его бы растерзали, втоптали в землю. Нутром почуя стремительно нарастающую ненависть толпы, Афоня-жи-

водер кинулся прочь. А юродивый, пав на колени, воздел руки к небу и заголосил:

— Славься, восславься!.. Великий и необоримый... Горе презревшим его доброту!.. Нам горе!.. Всем горе!..

Распростерся на каменных плитах, припал к ним лицом. И вдруг зарыдал. Все громче и громче, пока не забился в истерике. Толпа потрясенно и благоговейно безмолвствовала. Шепотом люди передавали друг другу только что увиденное и услышанное.

И прокатилась по городу молва о Геше Пелымском, и стало его явление притчей во языцех. Где бы ни показался он, вокруг немедленно возникала толпа. Жадно ловила каждое слово юродивого, тут же разносила по городу. Нашлись толкователи Гешиных слов. Сыскались страстные поклонники. У небольшой каменной сторожки, где обычно ночевал Геша, с раннего утра толпились жаждавшие повидать юродивого, послушать его, прикоснуться к нему. Появились им исцеленные, успокоенные и осчастливленные. Его стали называть святым, к нему лезли с вопросами, на которые он отвечал до ужаса мудро и невнятно, оттого загадочно. Ему совали подаяния — самые сочные, самые вкусные, самые лакомые куски. Он тут же раздавал их нищим или, выскочив на площадь перед храмом, крошил и разбрасывал, выкрикивая: «Это бездомным... Не сеют, не пашут... Братья и сестры... ангелы во плоти...» Пернатые скоро привыкли к этому, и стоило Геше появиться, как к нему тут же слетались голуби, а с ними — воробьи и иная крылатая мелюзга, и эта Гешина причуда подлила масла в огонь его популярности...

В престольный день Авдеевской божьей матери, задолго до появления иконы в городе, Геша оказался на окраине, у специально на этот случай поставленных декоративных ворот, подле которых чудотворную встречали и приветствовали высшее духовенство и светские власти во главе с губернатором князем Лебедевым.

Юродивый сидел в придорожной пыли, по-восточному подобрав под себя ноги и перебирая в ладонях камешки. Окружившие его люди отмечали каж-

дый жест юродивого, ловили любое его слово. И хотя Геша говорил негромко, вроде бы сам себе под нос что-то бормотал, однако оброненное им слово не только улавливалось десятками ушей, но и тут же передавалось тем, кто не расслышал. На непоседливую, вертящуюся меж взрослыми ребятню шикали, иным, наиболее непослушным, походя отпускали затрещину или дергали за вихри.

Юродивый раскладывал на ладони камешки и бормотал:

— Семь звезд... Семь печатей... Семь ангелов... Семь... Семь... Семь... Грядет... Падет первая печать... Дрогнет мать божия... Сердце в куски... Семь куков... Семь звезд... Семь печатей...

Сразу же обнаружили толкователи замысловатых рассуждений юродивого, вспомнили Апокалипсис, крестились, творили молитвы. Время шло. Народ прибывал. И вот уже заблаговестили церковные колокола, стали подъезжать экипажи со знатью. Впереди огромной толпы, чуть на отлете, стояли митрополит

и князь Лебедев. Беспрепятственно пропускаемый народом, протиснулся туда и Геша юродивый.

— Идут!..

— Идут!..

Запыленная усталая процессия с чудотворной иконой Авдеевской божьей матери подошла к триумфальным воротам. Мощный хор, поддержанный многотысячной толпой, грянул «богородица, дева радуйся...» Осенив крестным знаменем подошедших, митрополит принял икону, поцеловал ее и стал ею благословлять народ, поворачиваясь на все четыре стороны. Духовная и светская знать выстроилась по ранжиру, чтобы приложиться к чудотворной.

Когда Князь Лебедев потянулся к иконе, сквозь колокольный гул и хор певчих прорвался пронзительный вопль юродивого:

— Матушка!.. Заступница!.. Отворотитесь!.. Беги Ирода кровавого... Зришь, владычица, с перстов его кровь... Невинных... Замученных... Убиенных... Ирод кровавый!.. Кровавый!.. Кровавый!.. Сгинь, сатана! Изыди!..

Все произошло так неожиданно и так громко, что спугало, смешало все карты. Не дотянувшись губами до иконы, замер Лебедев. Умолк хор. Ахнув, сгрудились люди. Стражники кинулись было на юродивого, да толпа остановила их ревом:

— Не трожь!

— Божий человек!

Преодолев замешательство, Лебедев приложился к иконе, и тут же завопил юродивый:

— Наследил кровавый!.. Смойте... Сотрите... Запудрите... Матушка-заступница... Осквернил лик твой... Иуда... Низринь... Отвергни... — И зарыдал.

Четверо дюжих мужиков бережно подхватили его на руки, отнесли, усадили при дороге. Он плакал, размазывая грязь по искривленному, страдающему лику, приговаривая:

— Матушка-заступница... Приди... Возри... Семь печатей... Семь звезд... Семь и семь... Пала звезда Каина кровавого, срубила Авеля...

Ниже, ниже клонилась лохматая трясущаяся голова, пока не коснулась горячей пыли. Свернувшись калачом, юродивый повалился в серую мякоть и затих. Обступившие его люди, скорбно безмолвствовали. В этой выходке юродивого было что-то жуткое и праведное. О мздоимстве, жестокости и коварстве князя ходили рассказы по всей Сибири. Шепотом, из уст в уста, передавались вести о злодействах Лебедева. На его кровавом счету числилось немало безвинных правдборцев. Народ все видел... Народ все знал... Народ все помнил... Но молчал... И этот выкрик юродивого прозвучал, как глас народный... Всколыхнул... Потряс... Ошеломил...

Привыкший к собственному всевластию и рабскому повиновению окружающих, князь Лебедев почернел от бешенства. Не будь здесь петербургского фискала, присланного Сенатом проверять дошедшие все-таки до столицы слухи о грехах губернатора, Лебедев тут же бы распорядился схватить юродивого, и в ту же ночь этот Христов угодник корчился бы в лапах Парфентия. Но...

Чуть поостыв, Лебедев возблагодарил судьбу за то, что воспрепятствовала этому неразумному действию, ибо оно вызвало бы гнев горожан, недовольство духовенства, а, главное, навело бы на мысль, что в словах юродивого есть нечто, зацепившее губернатора за живое.

Двумя часами позже, Лебедев покаялся, что сдержал себя, не выхватил из толпы злоязыкого мерзавца.

На выходе из собора, после торжественной обедни, юродивый вновь встал на пути князя Лебедева. Гомон в нарядной густой толпе мгновенно стих, и отчетливо прозвучал негромкий, похожий на блеянье голос юродивого:

— Князь... Где твой палач?..

Застигнутый врасплох, Лебедев смиренно, с кривой усмешечкой на тонких, вмиг посиневших губах спросил:

— Какой палач?

— Тот, что замучил дьяка Зыкова. И сына его. И еще... Ныне и присно и веки веков... Аминь!..

— Что ты лопочешь, несчастный? — изо всех сил сдерживая бешенство, спросил князь, торопясь уйти.

А по толпе уже поползло: «Зыкова»... «Какого Зыкова?..» — «Был такой дьяк... Был...» И петербургский фискал насторожился.

— Вороти их, князь кровавый... Ты все можешь... Ты — царь небесный и царь земной... Нет царя иного, окромя тебя... Во здравие твое... За упокой... Боже, упокой. Успокой... Прими души убиенных кровавым...

Враз одеревеневшие ноги не повиновались, князь тужился, но не мог ускорить шаги. Как всегда, перед ним молча расступались, кланялись, улыбались, но в этом молчаливо улыбчивом поклонении чудилось князю скопление вражеских сил. В бредово выкрикнутом юродивым вдруг послышалось нечто грозное и тревожное, как отдаленное эхо того, давно сожженного в камине, доноса дьяка Зыкова. «Померещилось мне или... Откуда?.. Каким образом?..» Искра сомнения не угасала, напротив, разгоралась и разгоралась, опаляя душу. Он шагал сквозь строй еще покорных, но уже взбаламученных верноподанных, как сквозь огонь...

3

Полымем по сухостью металась по городу молва о вещуне юродивом Геше Пелымском, который может в прошлое заглянуть и в будущее посмотреть. Всех вдруг заинтересовал бог весть когда и куда загнувшийся дьяк Зыков с сыном. Заинтересовался этим и петербургский фискал, стал выпрашивать, вынюхивать. А князя Лебедева замучил, прямо-таки истязал вопрос: откуда имя Зыкова попало на язык юродивому? А если на кончике этого языка крутится еще кое-что, связанное с Зыковым? Наверняка, крутится. Иначе как истолковать это: «Нет царя иного, кроме тебя?» Пока это словеса, никому не понятный намек, а что если обнажит их принародно и громко?..

Лебедев был уверен, связанное с Зыковым давно отболело, отгорело, отвалилось. А вот выкрикнул полоумный поганец запретное имя, и разом ожила зыковская история. Да так ярко, так чувствительно ожила, словно только что свершилась. Тенью пошли с Лебедевым видения пыточной, ожил вдруг голос Зыкова, показались совсем рядом невероятно огромные глаза зыковского сына. Лебедев отбивался от видений, давил в себе проклятый голос, бежал от одиночества. Но стоило лишь забыться, и тень опять оказывалась рядом, волоча за собой проклятые вопросы: кто нашептал юродивому имя Зыкова? Кто вбил в дурью башку? Не с неба же свалилось? Кто? Вот что выведать. Парфентию в руки этого юродивого, — заговорит! Вся блажь из башки выскочит, как станет пятки поджаривать.

Хотел было уже мигнуть, кому следует, помешала мысль: ежели вправду юродивый, какой с него спрос и вера ему? Сперва дознаться, кто в город приволок, кто пригрел? Кто-то дергает петрушку за ниточку, кто?.. Сыскать и вкупе с юродивым — в рай. Там ему место, только там. Ушел и нет, сгинул. Кто розыск учинять станет? Мало ли куда волен забрести неразумный? Но сперва выведать, с кем яхшается, кто в дурную башку поганые семена кидает. Прибрать его бог с нашей помощью всегда сумеет...

В тот же вечер, когда весь город пировал, а в губернаторском саду гремела музыка, сверкали фонари, прогуливались, веселились, танцевали гости, в затаенной глухой беседке Лебедев встретился с человеком, который проник в сад через потайную крохотную калиточку, скрытую от сторонних глаз буйно разросшимся малинником. Был тот невысок, тяжеловесен, угрюм и крайне малоречив. Зато слушал князя так внимательно, что, казалось, впитывал княжеские слова каждой клеточкой своего скуластого, широкого, плоского лица.

— Послушай, Иннокентий, — негромко и неторопно говорил Лебедев, и плосколицый наклоном головы дал понять, что весь внимание. — Не ведаешь ли, откуда пал юродивый?

— Из Пельмской обители.

— Коим образом?

— Молва о нем давно ходила по городу. Баяли, чудеса творил в монастыре. Тянулись к нему варующие отовсюду. Видно, они и сманили...

— Не пеши же он полторы тыщи верст...

— По воде. Это точно. По воде. Видать, долгонько плыл. Рыбаки Феоктиста Гомозова подхватили его на Черных песках. Сидел там в остяцкой избушке. А как туда добрался? — бог весть...

Князь насупился. Извлек из кармана табакерку, долго нюхал заморское зелье, долго чихал. Сквозь чих, еле вымолвил:

— Бог-то бог, да сам не будь плох.

— Разузнаю. Вскорости. Тут же донесу.

Фукнул ноздрями князь. Зевнул. Спросил без малого интереса:

— Как мыслишь, нужен ли граду сей вещун?

— Нужен смутьянам да иной твари из той же породы...

— А коли не нужен, — все так же лениво и безразлично продолжал допрашивать князь, — зачем он здесь?

— Как пришел, так и ушел.

— Думаешь, уйдет?

— Уйдем.

— Только не наследи. В одну могилу ляжешь...

— Не извольте беспокоиться. Рук марать не стану. Был тут до его явления Афоня-живодер, всю нищую братию в кулаке держал. Пошатнул его трон пришелец. Пылает местию Афоня. Ни просить, ни приказывать ему не надо, токмо моргнуть.

— С богом... — и протянул руку.

Плосколицый, сгорбясь еще приметней, подхватил протянутую руку, поцеловал и стал пятиться. Вот он выскользнул из беседки. Прошуршал в малиннике. Еле слышно звякнула щеколда потайной калитки...

4

На зеленой присоборной лужайке, в тени исполинской березы, меж двумя надгробиями соборных священников, спал Геша Пельмский. Спал крепко и сладко, чуть слышно похрапывая.

Удушливый зной окутал город, загнал под крыши все живое. И на реке не видно ни единой посуды. Молчали даже птицы, плотно заселяющие соборную рощицу и близкий сад с памятником покорителю Сибири. Мухи и те обессиленно сникли, не кружили над спящим, лишь лениво ползали по нему, не тревожа.

На невысоком взгорке, припав спинами к неохватному березовому стволу, сидели и трапезничали Афоня-живодер с другом по кличке Куцый. Перед ними на лоскуте мешковины лежала немудрящая снедь, стоял вместительный жбан с хмельной бражкой. То и дело припадая ртом к жбану, они жадно закусывали чем бог послал и при этом вели беседу о чем-то очень важном и занятом. По мере того, как пустел жбан, голоса собеседников становились все громче, жесты размашистей и энергичней.

— Неуж пять золотых? — с притворным изумлением спросил Куцый.

— Пять! — самодовольно подтвердил Афоня-живодер. — Пять... Один уже у mine. В залог... — Пошарив в лохмотьях, извлек откуда-то монету. — Во!..

— Ишь ты! Кому-то Гешкина башка спонадобилась...

— Цыц! — жестко прикрикнул Афоня-живодер. — Вякнешь иде, свою башку обронишь...

— Да я... Я — могила! — поспешил успокоить Куцый.

— То-то... — самодовольно уркнул Афоня-живодер. — Мне этот пельмский выкормыш тоже во!.. — прижал к вспученному кадыку заскорузлые полусогнутые пальцы правой руки. — Позже, ране, все едино, надо перекрут ему делать. Грех на том, кто правит, а не кто везет. Да и отмолим. Бог-от добренький, простит...

— Может, помешкаем пару ден... — неуверенно выговорил Куцый. — Отойдет престол. Сгинут, расползутся людишки... Стихнет все. Тут мы и...

— Нет! — куражливо выкрикнул Афоня-живодер. — Как порешили, так изделаем. После вечерни... У часовни... Колом по маковке... Скатим с бугра. Там — добьем, и в реку... Чего ты?

— Ну, взаправду богом отмеченный... А мы его...

— Коли богу угоден, пушай по раю гуляет, на земле ему делать нечего, — глумливо изрек Афоня-живодер и загоготал по-жеребьячи.

Друзья долго безмолвствовали. Потом Куцый смлевшим голосом проурчал:

— Духотища... Бери веник, парься...

— Дреманем малость, — предложил Афоня-живодер, укладываясь на траву, и тут же захрапел.

Куцый повалился рядом и тоже сразу заснул.

Когда их вдвоенный сытый храп закружил над покрытой муравой поляной, поднялся Геша. Посто-ял, прислушиваясь к чему-то, и медленно неслышно двинулся прочь...

Еще раз суждено было им столкнуться в этот день.

На самом его изломе.

Вблизи полуночи...

Что-то невнятное бормоча, Геша брел по тропе вдоль кремля с наружной его стороны — это был наикратчайший путь к его логову в сторожке.

Справа крутой откос. Слева глухая стена. Впереди четкие контуры старой, заброшенной часовни. За спиной торопливые, нагоняющие шаги.

Геша громче бормочет что-то похожее на молитву. Окаменелые пальцы правой руки сжимают обрубок цепи, к концу которого неумело, но прочно прикреплена тяжелая гирька.

Вот и угол часовни. Поравнявшись с ним, Геша делает стремительный прыжок в сторону. Карауливший, не ожидая, на миг смешался, этого достало для того, чтобы Гешина гирька проклюнула Куцему череп. И тут же из-за угла часовни вынырнула голова Афони-живодера, и нетерпеливый возглас:

— Готов?..

— Готов, — откликнулся Геша, припечатывая гирьку к узкому Афонину лбу.

Как мешки с мякиной, скатились тела по откосу к реке. Та приняла Афоню-живодера и Куцего безропотно и тихо. Приняла и, медленно погружая в воду, поволокла их вниз, на Север, туда, где на далеком, очень далеком крутом берегу приютилась породившая Гешу Пелымская обитель...

глава шестая

ЦЕНА ПРАВДЫ

Метались по городу слухи.

Шуршали...

Шипели...

Орали...

Сплетались змеиным клубком. Где голова, где хвост? Где правда, где ложь? Не разобрать. Да никто и не силится разбирать. Всех будто наскипидарили. Носятся. Кричат. Размахивают руками. Сбиваются в ватаги, грозят. Не ровен час, возьмутся за топоры да за вилы, подпустят красного петуха, и заблужит набат, и загорланит бунт.

В воздухе то и дело гроззовые токи зарождаются.

Сшибаются смерчевыми вихрями, искрят, погромычивают, того гляди ахнет гроза, разнесет, размечет, спалит.

Власти насторожились. Ушки на макушке. Глаза прицельно сощурены. Все видят. Все слышат. В миг любой готовы ястребом пасть на бунтарские головы. К губернаторскому дому, к кремлю стянулось все наличное воинство — от гарнизонных солдат до будочников. В помощь им придали отряд из преданных государю пленных шведов. И еще добрая ватага купецких сынков, коих хлебом не корми, дай только кулаки почесать...

Первая мятежная искра, даже не искра — искорка сверкнула вчерашним ранним утром на паперти Софийского собора. Собравшиеся к заутрене нищие вдруг обнаружили отсутствие Геши Пелымского. Это тут же стало известно завсегдатаям собора, неременным участникам всех богослужений, ветхим телом, но стойким духом бабулям Агафье Тихоновне и Меланье Порфирьевне. Те послали пацанов обежать ближние соборы, где бывал иногда юродивый. Посыльные воротились ни с чем. Кинулись в сторожку, Гешину обитель: не занедужил ли христовый? Но и в сторожке не обнаружили. Тогда кто-то и высказал взбаламутившую всех догадку: не иначе порешили блаженного по злой воле князя Лебедева. Перелетая из уст в уста, догадка превратилась в факт, и в одночасье страшная весть облетела собор, пронеслась по рядам нищих, выскользнула за кремлевские ворота и запорхала по городу. Раздраженные всевластием, жестокостью и немилосердными поборами князя, горожане сразу поверили слуху, заволновались. А до конца престольных празднеств еще два дня. Только послезавтра, после торжественного и пышного молебствия, чудотворную икону Авдеевской божьей матери вынесут из собора и под колокольный звон, с молитвами и благостными песнопениями пронесут на руках до самого Авдеевского монастыря. В праздничном городе от безделья, вина и гостей даже воздух стал хмельным и взрывоопасным. Весть о расправе над юродивым дала повод погорланить, побезобразничать, кое-кому бока понамять. Кто-то из обиженных князем купцов подпоил пристанскую голь, и та покатила к кремлю мартовской собачьей стаей — с воем, свистом, улюлюканьем, притягивая к себе любопытных, хмельных, задиристых. На крутом Прямском взвозе, ведущем к кремлю, дорогу смутьянам заступили солдаты. Пальнули для острастки в воздух. Толпа сыпанула с дороги, рассеялась, большинство покатались вниз, но наиболее упорные полезли по горе, обтекая заставу слева и справа. Пришлось солдатам снова палить, да не в белый свет, в людишек. Ранили троих, одного на тот свет отправили, чем и вовсе озлобили горожан.

Весть о том князь Лебедев получил из уст все того же плосколицего, скуластого, тяжеловесного молчуна Иннокентия. Они снова свиделись в той садовой беседке.

— Значит, Геша Пельмский в царствии небесном? — не тая злорадства, насмешливо спросил князь.

— Так... навряд... — услужливо подтвердил Иннокентий.

— Отчего речешь так неуверенно? — нахмурился князь. — Где твой... Этот... Как его? Афоня-живодер...

— Сгинул. Оба сгнули. Как того порешили, так, видать, запили. Деньжищ-то я ему отвалил... Не один бочонок водки... Пока не пропьяется, не покажется...

— Кто народ баламутит?

— Пристанские...

— Устрой им вечером угощение в кабаке Чуприна. Придумай что-нибудь... Напой в стельку. Выведай зачинщиков. В мешок и в реку...

— Слушаюсь... — Согнул кренделем худую спину, сверкнул лысой маковкой.

— И разыщи живодера. Не под землей же он кутит. Вытряхни из него подробности. Потом и его туда же... Так надежней.

— Сделаю.

— Ступай. Явишься завтра, после обеда...

Иннокентий чмокнул сухую, будто пергаментом обтянутую княжескую руку и, пятясь задом, выскользнул из беседки. Князь недвижимо стоял до тех пор, пока еле слышно не звякнула невидимая калитка...

Лишившись в одночасье главарей и заводил, больная с великого перепоя пристанская голь к торжественной обедне не явилась. Зато на проводы чудотворной божьей матери съехался, почитай, весь город. В собор набилось столько, свечи от духоты гасли. Непопавшие в храм стояли под окнами, толпились вокруг. Судачили о самом разном, но, главное, о Геше Пельмском. Плели, кто во что горазд, но в одном все сходились: сгубил Гешу не кто иной, как князь Лебедев. Еще говорили о том, будто петербургский фискал дознался о каких-то злодействах князя, и тому теперь не миновать государева гнева и расправы.

Отстояв службу, распаренные, отдувающиеся богомольцы вылетали из храма, как из парной, стирали пот, разминали занемевшие члены и неспешно отходили в сторону, ожидая выноса чудотворной иконы. Скоро кремлевский двор походил на ярмарку: поразительно яркая пестрота нарядов, гомон и выкрики; неспешно продираются сквозь людскую толчею водоносы с ведрами, лотошники с горячими пирожками да кренделями; на разные голоса плаксиво и назойливо гундосят попрошайки.

Но вот, перекрывая ярмарочный гул, ахнул самый большой и самый голосистый колокол на звоннице, тут же ему отозвались колокола других соборов и церквей, и поплыл над городом малиновый перезвон. Горожан, способных передвигаться, колокольный звон повывел из домов, отовсюду спешили

люди, кто к кремлю, кто к Пряmsкому спуску, а кто к главной Царской улице, по которой должны пронести чудотворную.

Процессия была громадна, пестра, впечатляюща. Шитые золотом и серебром ризы, золотые и серебряные нагрудные кресты духовенства, драгоценные оклады икон, переливающие на солнце хоругви, море цветов, мощный величавый и распевный хор. Вслед за духовенством, сразу же, впритык, шла городская знать во главе с князем Лебедевым. В хвосте процессии медленно плелись их коляски, запряженные великолепными вышколенными и выхоложенными лошадьми. Из переулков, улиц и улочек выбегали и прикипали к процессии малые дети и старики: середняк давно ушел на праздник. Тысячи людей стянулись в бесконечную шеренгу, запрудившую всю главную улицу.

У тех же самых, специально выстроенных на этот случай ворот состоялся пышный молебн. Митрополит кропил святой водой толпу. Клубился в воздухе ароматный кадильный дым. Под крики, плач, пение, колокольный трезвон поплыла чудотворная из города. Князь Лебедев, отыскав взглядом свою коляску, направляется к ней. И вдруг...

— Кня-а-а-азы!!!

Если бы в это время разверзлась земная твердь и в образовавшуюся расселину вылез князь тьмы, толпа, вероятно, была бы потрясена не более, чем от этого выкрика. Со всех сторон, толкая, тесня и обгоняя друг друга, рванулись люди на этот голос. Заслыша его, дрогнул князь Лебедев, будто в спину ему вошел нож. Дрогнул и обернулся, вопреки желанию, наперекор воле. Неведомая, неодолимая сила развернула его лицом к юродивому. Вкруг них спрессовалась до немоты и замерла многотысячная толпа.

— Кня-а-азы!.. Воскрес я, чтоб воротить тебе твое... — а сам тянул, тянул трепещущую длинную руку, в которой был зажат нож с широким острым лезвием. — Бери, князь... Твой... — Метнул нож к ногам Лебедева. — И это... — на ладони юродивого сверкнула золотая монета. — Твое. За смерть мою уйице от тебя...

Толпа не дышала. Молча поворачивать и уйти Лебедев уже не мог. Испарина оросила его лицо так щедро, что намокла пудра, слиняли румяна. Затравленно озираясь, князь искал выход из неожиданно замкнувшегося жуткого кольца. В любой миг эта окаменелая толпа могла взорваться ревом и втоптать в землю. Охрана не успеет протиснуться, да и не сладить ей. Как же он не предвидел, поверил Иннокентию... «На кол мерзавца», — мелькнуло в сознании ошеломленного князя. Мелькнуло и сгнуло, придавленное страхом. Придав лицу и голосу слейного выражение, князь негромко, распевно проговорил:

— Оставь золотой себе. Пригодится...

— Он в крови, князь... В невинной крови... И ты в

крови... Смотри... Смотри... Вон... Вон... Течет... Капает... Святая... Безвинная... По волс твоей пролитая убийцами и палачами... Вот так... — Он запрокинул голову, и все увидели на тощей длинной шее юродивого свежий кровавый рубец. — Призови палача. На дыбу их... Как Зыкова... Федосиева... Хунтова... И языки... языки им... Пусть молчат... Где твой Парфентий?.. Зови... Поспешай... Не ты — тебя... Тебя... Тебя... Бойся, государь всея Сибири... Хи-хи-хи-хи!.. Велик День... Грозен лик... Суд грядет... Слышишь? Идут... Топ-топ-топ... Иду-у-ут. — Вскочил, замахал руками, закричал пронзительно и жутко. — Сюда-а-а!.. Господи! Поспеши... Я тут... Я с тобой...

А князь в то время пробивался сквозь толпу, и чем дальше уходил от юродивого, тем теснее обступали его спешившие отовсюду стражники. Слепо и ярко работая кулаками, они, наконец, пробили ход к карете. Князь рухнул в нее...

— Гони!!!

Бешеным аллюром летел по деревянной мостовой известный всему городу серый жеребец князя Лебедева. С криком, лаем, кудахтаньем увертывались от копыт и колес люди, собаки, куры. Поспели не все. На мостовой трепыхались раздавленные куры, с подвывом и лаем уползал помирать старый пес с переломанным хребтом.

Коляску трясло, подбрасывало. Князь болтался в ней, как горошина в погремушке шаловливого дитяти. Но он не замечал этого: его бесило, душило, выворачивало наизнанку одно желание — подмять, согнуть, сплющить юродивого, выжать из него вместе с кровью ответ на вопрос: откуда?.. кто?.. Выдержат все жилы, свить веревочку и по ней добраться до конца. Потом всех... всех, кто покрывает, наставляет, науськивает — в одну петлю. А Иннокентия сечь, пока кости наружу не вылезут...

Завидя скачущего рысача, привратник поспешно распахнул ворота княжеского двора. Подлетевшему к коляске стремянному князь отрывисто скомандовал:

— Парфентия... Не мешкая... Иннокентия. Сей миг!..

— Слушаюсь...

2

Постоянным напряжением нервы юродивого были истонщены до крайности, потому так невероятно чутко реагировали они на малейшие перемены в окружающем, предугадывали опасность, предчувствовали беду. Вчерашняя победа над ненавистным князем далась юродивому нелегко. Сработал главный козырь — неожиданность. Князь почитал его убиенным, а он оказался воскресшим. Бежал от

правды князь. Трусливо, позорно бежал. Больше на людях им не встретиться — вот это юродивый понял и принял спокойно, как некую, от него независимую истину. Впереди у него всего одна, последняя встреча в пыточной: один — на дыбе, другой — в креслице, с табакеркой в руке. И та роковая встреча была недалеко. Юродивый что-то еще выкрикивал вслед умчавшемуся врагу, припадочно бился в пыли, но в душе Геша Пельмского уже зародилась полынная свинцовая тоска. «Конец... Теперь конец...» С этой ужасной мыслью устре-

мился он на ночлег в глубокой берлоге, вырытой в отвесном речном берегу. С этой мыслью притащился чуть свет к заутрене на паперть Софийского собора.

Его тут же окружили почитатели, любопытные, завистники, доносчики. Привычный к подобному окружению, юродивый расслабился было, неспешно соображая, чем бы подивить напоследок православный люд, как вдруг острая тревога прямо-таки прострелила Гешу. Он мигом подобрался, повел по сторонам сторожким взглядом и дрогнул, наткнувшись на пристальный, пыливый взгляд багроволикого могучего мужика. Взгляды их столкнулись и намертво сцепились. В чужих глазах юродивый увидел сперва злое любопытство, потом вспышку недоверчивого изумления и, наконец, ярость — неодолимую и лютую. Она грозила и пугала, поднимала и гнула, но юродивый не отвел взгляда от ненавидящих бешеных глаз палача, который тогда терзал и мучил отца. «По мою душу, — сразу же решил Геша, и вдруг освирепел. — На людях, на свету не посмеешь, не рискнешь, душегуб!..»

Медленно, будто порывая невидимые препоны, юродивый поднялся и, хищно горбясь, вскинул над головой длинные, тонкие растопыренные руки, пошел на палача, выкрикивая:

— Чур меня!.. Чур!.. Дьявол по мою душу!.. Сколько за нее? Откуплюсь... Открещусь... Отобьюсь... Хочешь кнут? — Сделал широкий замах рукой, словно бы занес над головою кнут, и с натужным надсадным кхаком опустил ременную змею на распластанное тело. Еще и еще, и еще раз повторил этот жест, да все резче, все яростней, непременно натужно кхакая при каждом взмахе. — А-а!.. А-а!.. А-а!.. Шипцы? — И тут же изобразил, как швыряют кнут, схватил шипцы. — Языки рвать. Чтоб не глаголили... Подайте копеечку на кнут палачу! — завопил он, обводя взглядом растущий на глазах круг людей. — Копеечку...

Лицо Парфентия из багрового стало сизым. Канатом вздулась станова яила на бычьей шее. Глаза налились кровью. Сбежались пальцы рук в неправдоподобно огромные кулачищи и зачугунели. Одним ударом вышиб бы он душу из горлодера, но не посмел: убоялся толпы.

А юродивый подступал и подступал, готовый, кажется, вцепиться в глотку. И палач начал медленно пятиться, бормоча что-то маловыразительное. Из толпы полетело:

— Палач!..

— Кровопивец!..

— Душегуб!..

— Покажи клеймо Ирода! — истерично закричал юродивый. — Христос отметил убивца...

Палач поворотился и трусливой трусцой засеменял к воротам. Вслед ему улюлюкали, свистели, орали.

Только один человек наблюдал эту сцену спокойно — обер-фискал Тумашевский, присланный в город самим государем. Он стоял, припав спиной к колонне, скрестив руки на груди.

На прежнее место юродивый возвращался какими-то странными зигзагами. Неожиданно он качнулся в сторону Тумашевского и, оказавшись подле, встретился глазами с обер-фискалом. Тот поразился мгновенной перемене лица блаженного, выражению его глаз. Это были глаза мудрого, сильного, смертельно усталого, затравленного существа. Тумашевскому показалось, что во взгляде юродивого отчетливо проступило желание приблизиться и что-то сказать, но, поборов желание, он прошел мимо.

Пока шла заутреня, в соборе и вокруг только и разговору было о стычке юродивого с палачом. Все дивились, как это Геша угадал палача. Недоумевали, зачем тот явился, почему убежал.

Когда богослужение кончилось, Тумашевский со свечей в руке намеренно задержался в дальнем темном углу храма, неспешно крестясь на икону богородицы и творя полупешотом молитву. Интуиция

не подвела обер-фискала. Вот он услышал торопливые шаги, тяжелый вздох, и тихий рвущийся голос юродивого зашелестел прерывистой пугливой скороговоркой:

— Не оборачивайтесь. Я быстро... Я сын дьякона Зыкова — Евгений. Отец повез в Петербург государю донос на воровство, мздоимство и измену князя Лебедева. Нас схватили люди князя. Этот палач пытал, князь допрашивал отца. Его забили... Замучили на дыбе... Вырвали язык и... — Всклипнул, подавил рыдание. — Меня, беспамятного, скинули с кручи в омут. Подобрали. Увезли в Пельмский монастырь. Выходили. Полагаю, матушку мою с сестрой князь тоже лишил живота. Сегодня мой черед...

Не оборачиваясь, Тумашевский склонился над огромным подсвечником, делая вид, что вставляет в гнездо длинную свечу, а сам шептал:

— Потом... Ступай на мою ладью. Я упряжу. Там укроют...

Зажег свечу. Перекрестился и двинулся к алтарю.

Вихляясь и припрыгивая, юродивый выбрался на паперть, где его уже поджидали жаждущие слышать и видеть блаженного, перемолвиться с ним хоть единым словом, услышать нечто необычное, индифференциальное, пророческое, требующее домысла и толкования. Юродивый бормотал что-то маловразумительное, а сам исподлобья шарил взглядом по сторонам: он опять уловил присутствие врага, который наблюдал, стерег, охотился. Сколь зорко ни высматривал, не обнаружил, стало быть, враг наблюдал из укрытия. Надо было уходить, пока двор не опустел. Едва выскользнул за ворота кремля, прицепилась ватага ребятни. Крича, свистя, улюлюкая, облепили волчьей стаей и покатались следом. На выходе в главную улицу низовой части города ребятню пугнул какой-то степенный высокий старик с посохом. Как только старик отошел, прямо на юродивого вылетел из переулка крытый возок, запряженный парой гнедых жеребцов. Геша слышал грохот возка, видел несущихся на неге лошадей, но не отпрыгнул, дороги не уступил. Сидящий на облучке, видать, был опытный возница, в полуметре от юродивого лошади резко взяли в сторону, и возок остановился. В распахнувшуюся дверку высунулись четыре руки, сграбастали юродивого за плечи, легко оторвали от земли, втащили в возок, и тут же лошади рванули намотом, и сгнули, будто под землю ушли.

Все свершилось, как в сказке, — неожиданно и стремительно. Он едва раскрыл рот, а в него уже загнали кляп, скрутили руки за спину, накинули на голову крапивный мешок; притиснули в угол. Возок

трясло, подкидывало, кренило. По тому, как обрвался лошадиный бег и изменилось положение возка, юродивый понял, они поднимаются в гору. Он не только не успел рассмотреть лиц похитителей, даже не знал, сколько их, — двое?.. трое?.. четверо?.. Весь путь они безмолвствовали. Одолев подъем, лошади снова помчали рысью. Судя по неистовой тряске, долго ехали по какой-то малонаезженной улице.

Едва остановились, юродивого выдернули из возка, поставили наземь и, поддерживая за шиворот, поволокли. Рывком подняли на крыльцо, перекинули через высокий порог. Швырнули кулем на пол. Хлопнула глухо входная дверь. Стало тихо.

Какое-то время юродивый прислушивался к недоброй чужой тишине, потом, медленно привстав, уселся на полу, привалясь спиной к бревенчатой стене.

Ни страха, ни отчаяния не было в сердце Евгения Зыкова. За то короткое время, что провел он в городе в личине юродивого, Евгений смертельно устал. Устал ломаться и корчиться, изображая блаженного. Устал от все возрастающего страха перед неминуемой расплатой за публичные насюки на князя. Страх этот стал просто невыносим после неудавшегося покушения Афони-живодера. Теперь же, когда этот ужасный круг замкнулся, Евгений вдруг почувствовал неожиданный и желанный прилив облегчения. Дело было сделано. Хорошо ли, плохо ли, но сделано, и не надо больше насиловать себя, прикидываясь юродивым, не надо кликушествовать и кривляться, плести несусветную несурязицу, не нужно постоянно ожидать ножа в спину. Все воротилось на круги своя, стало на законные места. Что касается ожидавшей его неминуемой, страшной расправы, то Евгений почему-то был почти уверен: Тумашевский не даст ей свершиться, вызовет, отстоит, спасет. И пригретый этим предошущением, Евгений расслабленно сидел на полу, равнодушно выжидая дальнейших событий. Противно ныли перетянутые веревкой запястья рук. В мешке было душно. Раздражал и угнетал торчащий во рту кляп. Но за время приготовления к юродничеству Евгений ко многому привык, научился смирять себя, приспособливаться и подчиняться обстоятельствам.

С натужным пафосом отворилась дверь. Кто-то вошел, тяжело и уверенно. Поставив у порога, двинулся к Евгению. Железная лапища пала на покрытую мешком голову юноши, сграбастала его за космы и так рванула, что, глухо мыкнув от боли закляпленным ртом, Евгений проворно и легко вскочил. Вошедший, видать, был зело опытен в подобных деяниях, не успел Евгений сообразить что к чему, как с него сдернули мешок, развязали руки, выдернули изо рта кляп. Он оказался лицом к лицу с палачом Парфентием. Тот был в изрядном подпитии и напоминал не очень голодного кота, держащего под лапой только что пойманную мышь.

— Признал? — насмешливо спросил палач.

— Обнеси!.. Обойди!.. Сгинь!.. — выкрикнул Евгений.

— Замри! — цыкнул Парфентий, сердясь.

Двумя пальцами схватил Евгения за кадык, больно стиснул и так стукнул затылком о стенку, что едва глаза не выпрыгнули. Выпустил горло юноши, брезгливо отер пальцы о штанину. Проурчал миролюбиво, назидательно:

— Не люблю баловства, — осуждающе покачал огромной, как тыква, головой. — Я тя враз опознал. По зенкам. Надо бы выколоть их тогда... Ну, ниче. Не опоздано ишо. Да и сгодятся... — Надолго умолк. Заговорил иным, с болезненными прожилками, голосом. — Отче твой духом был велик. Однако, и его ты перерос. Нет бы заползти в какую-нито щель, замереть и не дышать, пока из-под княжей руки не выскользнешь. А ты ково удумал? На ково руку занес? Смуту посеял... Что посеял, то пожнешь. Сегодня ночью распну тя христовенького... Ой, худо будет. Страсть худо... По жилочке вытяну из тя нутро, коль не скажешь все, что князю запонадобится... Ково молчишь? Не будь ты князю нужен невредимым и целехонек, я бы из тя счас веревку свил... Ты ишо не нюхал боли-то. Думаешь, в кошки-мышки... Жаль тя. Ох, жаль... Повинись... Откройся. Опосля помолись богу и ступай к родимому батюшке... Иной тропы нет. Нет и не будет. Тогда тя бог спас. Ныне ни бог, ни черт не вынут из моих лап. Только смерть. Поразмысли над сим. Пока не стемнело. Тут тебе вода... — Кивнул на стол. — И хлеб. Чтоб не замер с голодухи. Да не удумай бечь. Под оконцем страж и под дверью. А я пошел. Глядеть на тя не могу. Кулаки чешутся... Вечером свидимся знамо где...

Уверен был палач: все так и будет. Но бог опять решил иначе. В тот час, когда Парфентий вразумлял Евгения Зыкова, обер-фискал Тумашевский явился к князю Лебедеву и, вручая тому царев указ, промолвил ледяным непререкаемым тоном:

— Сегодня я отбываю в столицу. Соблаговоли поехать со мной.

— Сегодня? — изумился князь.

— Прочти, что повелевает государь.

— Это что, арест?

— Собирайся, князь. Поплывем на моей ладье до Сузгуна. Там ждут лошади.

Прежде чем отбыть, князь свиделся накоротке с Парфентием.

— Щенка этого блюди. Корми. Пои. Не прикасайся. Чтоб к моему возвращению жив и здоров. Уразумел?

Парфентий кивнул.

И снова бог спас Евгения Зыкова от мученической кончины.

Надолго ли?..

глава седьмая

ОРДАЛИЯ

(НАЧАЛО)

Далеким, тревожным, безответным вздохом долетело из Петербурга: князя Лебедева казнили. Сперва вельможного владыку Сибири нещадно пытали, тот покаялся на дыбе, признался в тяжких прегрешениях и по приказу царя был повешен.

Слуху верили и не верили до тех пор, пока под конвоем не увезли куда-то жену и детей Лебедевых, а потом в цареву казну уплыли его сундуки кованные, набитые золотом да серебром, парчей да шелком, соболями да прочим пушным товаром, коим неисчерпаемо богата сибирская тайга.

Дольше всех от дурных вестей открещивался палач Парфентий. Вот и Лебедевский корешок выдернули, и княжеское добро сгнуло, а Парфентий все еще сомневался, еще чего-то ждал. Лишенный привычного заделя, он много пил. Напившись, бредово втолковывал что-то безответному псу. Потом, сбитый с ног хмелем, валился на пол и засыпал чугунным сном. А пес лежал подле, чутко подремывая, вылавливая из окружающего малейший подозрительный шорох, запах, тень...

В короткие перерывы меж запоями, да и во хмелю, пока голова хоть что-то, но еще соображала, палач обдумывал, как поступить с юродивым. В городе уже смирились с исчезновением Гешы Пельмского, свалив вину на опального князя Лебедева. Но Геша был жив, сидел на цепи в сокрытой от сторонних глаз избенке, под неусыпной охраной двух верных сторожей.

Сегодня камнем на голову Парфентия пал писарчук, помощник дьяка, привередливый, заносчивый человечиска, из кожи лезущий вон, чтоб только показать свою власть. Пес выверился на бумагома راку и так рыкнул, что у писаря пятки к полу пристыли, и он еле выговорил посиневшим ртом:

— Уйми кобеля, Парфентий...

— Цыц, — незлобно осадил Парфентий пса, и когда тот, поуркивая и злобно посверкивая глазами, сел, неприязненно спросил посыльного. — Зачем пожаловал, барин?

— Пришел царев указ немедля отправить в Петербург юродивого Гешу Пельмского...

— Садись, барин. Ноги-то не наемные... — угрюмо пробурчал Парфентий, тяжело перемалывая в похмельном сознании услышанное и нащупывая верное решение.

— Недосуг, — надменно отмахнулся курьер. — Надо поспешать.

— Не держу, — разом озлился Парфентий, — дверь не заперта.

Уловив раздражение в голосе хозяина, вновь взвешорился, угрожающе зарычал пес, обнажая ог-

ромные влажные клыки. Писарь непрочно присел на скамью, и, выждав пока успокоится пес, повторил:

— Пришел царев приказ, немедля отправить в Петербург...

— Слышал... — небрежно перебил Парфентий. — Вам приказуют, вы и отправляйте...

— Само собой, — снова занесся посыльный, попетушиному выгибая грудь и запрокидывая голову. — Твое дело указать, где хоронишь юродивого.

— Ишо ково удумал, барин. Я-то туточки при чем?..

— Савостин сказывал, князь препоручил Гешу тебе. Стереги, мол, и пестуй, пока не ворочусь...

— Не припомню такого...

Парфентий разыграл раздумья. Зашевелил, задвигал губами. Заворочал мутными покрасневшими глазищами. Тер лоб. Ерошил лохмы на голове. Ворошил закуделенную бороду. Хмыкал. Крякал. Кашлял. Чмокал. И с выделенным виноватым отчаянием, наконец, изрек:

— Убей бог, не припомню. А можа Савостину поблазнилось? Али с большой головы на здоровую. По слухам Геша улег обратно в свой монастырь. Там его шарить надоть. Боле некуда податься...

— Брешешь, — вроде бы и негромко, но убежденно и угрожающе вымолвил писарь. — Порешил, поди, блаженного, кровопивец...

— Мотри, барин, угодишь в мои руки, — припомню...

Говоря это, вытянул перед собой огромные ручищи, растопырил узловатые, похожие на гигантские когти пальцы и, хакнув, с такой выразительной яростной силой стиснул кулаки, что у посыльного холодок прокатился по загорбку, и он не посмел ни укорить, ни пригрозить. Невесомо поднялся с сиденья, опасливо косясь на собаку, бочком прошелестел до двери и, что-то невнятно пролопотав, сгинул.

— Кр-р-рыса! — кинул вдогонку Парфентий.

И будто поддерживая хозяина, свирепо и громко гавкнул пес.

2

Юродивый спал и не спал, плашмя распластавшись на ворохе перетертой, изопрелой, почерневшей соломы, от которой исходил тошнотворный гнилостный дух. Из левого рукава ветхой, грубой рясы выползала цепь, прикрепленная к вбитой в стенку скобе. На грязном холщовом лоскуте, кинутым подле соломенной подстилки, стояли глиняная круглая миска с остывшим хлебовом, подернутым серой морщинистой пленкой, высокий берестяной туес с пойлом. Рядом валялись краюха ноздреватого заветренного хлеба и луковица.

Третий день не прикасался он к пище, не отвечал на обращения сторожа и мужика, приносившего ему питье, ушат для испражнений.

Холстину с нетронутой едой облепили усатые, верткие, жадные тараканы. Они приклеились к хлебной горбушке, плавали в супе, доползали до горла тuesday и, сорвавшись с кромки, с еле слышным отвратным чмоком валились в воду.

Разгульное тараканье пиршество порушили мыши. Серые хвостатые твари, распугав тараканье полчище, жадно принялись поедать хлеб. Иногда на отвалившейся от горбушки кусочек налетали сразу две мыши, и тогда в душевой, затхлой, вонючей тишине слышался противный тоненький писк.

Из-под печи выглянула желтая брюхатая крыса. Ее огромный живот волочился по полу. Растянутая на брюхе шура глянцевито поблескивала. Какое-то время брюхатая крыса озирала жирующих мышей, все быстрее и быстрее подергивая острым носом и вертя махонькой головой. Потом, будто исполняя чью-то команду, крыса сорвалась с места и кинулась к холстине. Мыши с писком прыгнули по сторонам, а крыса, облепив горбушку, впилась в мякоть острыми частыми зубами и быстро-быстро работала челюстями.

Юродивый слышал шорох тараканьих лапок, мышиную возню, частый зубовой стук жирующей крысы. Слышал, но не шелохнулся, не спугнул гадких тварей, хотя и презирал их, брезговал ими, боялся этой мерзости. Брезгливый страх перед грызунами и насекомыми жил в нем с детства, с того незапамятного, невероятно далекого призрачного детства, которое вспоминалось редко-редко, как сладкий сон, как дивный мираж, коего на самом-то деле и не было вовсе. Да и пыточная, и монастырь, и недолгое пребывание в роли Геши Пельмского, — все, все казалось какой-то странной полуреальностью. Было и вроде бы и не было, или было, но с кем-то другим, близким, очень близким, но все-таки другим. И чтобы не потревожить, не отпугнуть это ощущение, он не шевелился, шевельнешься, — звякнет цепь, заност запястье, стиснутое железным браслетом, заломит онемевшее от долгой неподвижности тело, жестокая беспощадная реальность заглянет в глаза, вцепится в глотку, замкнет оскудевшее, обескровленное сердце, и мир померкнет от несносной, неодолимой тоски, в сравнении с которой смерть — блаженный, желанный рай.

Зачем палач приволок его сюда? Приковал к стене? Не давал сдохнуть от жажды и голода? Зачем? Первые дни вынужденного одиночества целиком были заполнены поисками ответов на эти вопросы. Потом из подслушанного обрывка разговора своей охраны-обслуги юродивый узнал, что Лебедева в городе нет, его увез в Петербург тот самый фискал. И тут же родилось решение, что томят его здесь по приказу Лебедева, воротится князь — и они встретятся, наконец-то, встретятся не на соборной площади, не на людях, а наедине, в той самой пыточной, где распяли отца. Ожидание этой встречи-конца поглотило все силы юродивого. Большое вообра-

жение юноши нарисовало, да что там нарисовало, проиграло, пропустило через душу и плоть множество вариантов предстоящей встречи с Лебедевым. Готовясь к последнему роковому поединку, юродивый стремился поддержать, укрепить силы тела и духа. Он съедал все, что ему приносили; зажав в кулаке цепь, чтоб «ожерелье» не натирало руку, ходил и ходил вдоль стены, вполголоса разговаривая с воображаемым князем. Иногда воображение так разыгрывалось, он так входил в действие и в роль, что начинал в полный голос говорить и за князя, и за себя, заводился, закипал, переходил в крик и кончал истерикой...

Никто не зрил, не касался души человека, и на том основании иные вовсе отрицали ее, а вместе с ней и бессмертие, и ту потустороннюю, неведомую и недоступную воображению жизнь, и приободренные, обнадеженные этим своим отрицанием, спешили грешить и пакостить на земле. На закате дней, спохватываясь либо прозрев, торопливо откупались от грозного небесного судьи покаяниями, дарами, жертвами.

Были такие, кто и в тот мир входили без покаяний, мольбы и слез, входили, как на постоянный двор.

Но большинство жило с постоянной боязливой оглядкой на того, кто держал в руках нить их жизни. Эти грешили, но тут же каялись, вновь грешили, и снова каялись, и так до бесконечности, до того часу, когда едва набиралось сил на предсмертное земное покаяние, а на новый грех их уже не доставало. И лишь малая малость землян, считанные единицы избранных жили духом, пренебрегая плотью. Это были фанатики, пророки и апостолы, отшельники и юродивые...

Примерно такие мысли не однажды зарождались в сознании Евгения Зыкова, непременно приводя его к одному и тому же — к богу. Где он? Почему позволяет торжествовать злу?.. побеждать неправде?.. брать верх насилию? Почему не поровну разделит меж людьми добродетели, раздарил счастье, расшвырял невзгоды и беды? За что покарал отца? Жестоко, дико покарал? За что мучает его, единственного сына, обрывает последнюю ветвь зыковского рода? За что? Не лиходеи. Не убийцы. Не воры. Бога чтили, кресту поклонялись. Исправно блюли евангельские заветы и заповеди. Матушка, бывало, ни одного нищего не минует, не оделив хотя бы полушкой. С прислугой в доме, как с близкими меньшими: без окрика и побосв. В службе и рвением, и честностью блистал отец. За правду мученическую кончину принял...

«За что ж карасешь меня, боже праведный и всемогущий? Не дав вкусить от жизни сладкого, наполнил сосуд мой ядовитой желчью... Ни богатства, ни почета не добивался я, только правды. По твоим заветам. Твоим именем. Презрев благополучие, похоронив себя заживо в безвестном юродивом... Где же

свет? Где святая правда? Сколько по Руси ее слуг, пророков и борцов кладут животы свои на ее алтарь? А солнце правды так и не взошло. Взойдет ли?.. Когда? Просвети, вразуми мя, боже, и легче будет мне принять кончину за нее... Где ты, господин? Где? Откликнись. Отзовись. Подай малый знак, что слышишь, внимаешь. И по воле твоей приемлю я смерть. Отзовись!.. Не дай загинуть сомневающимся, неверящим, отступившим от правды твоей...»

То были долгие, странные молитвы, молитвы-монологи, обращенные к богу, ибо никто иной не мог услышать и понять Евгения. Но бог молчал. Не отзывался. Не являл каких-либо знамений, даже во снах не снисходил к измученному узнику, и тот слабел духом, и лишь надежда на неизбежный скорый, смертельный поединок с князем Лебедевым поддерживала в юноше желание жить, дотянуть до роковой встречи и еще раз, последний раз, прямо в глаза, громко и четко высказать душегубу, хриstopродавцу и изменнику святую непреложную правду...

Но вот несколько дней назад, стоя у зарешеченного крохотного, затянутого паутиной оконца, Евгений услышал разговор своих стражников и опекунов о последних событиях: казни князя Лебедева, исчезновении его семьи и имущества, ожидании нового губернатора. Сперва весть ошеломила и обрадовала. Лебедева нет, не будет и пыточной. Вот-вот явится кто-то, раскует руки, распахнет дверь: иди! И он скинет полуистлевшую хламиду, вымоется, наденет настоящее белье. «Может, живы матушка и сестра? Воскреснет, воспрянет род Зыковых. Может...»

И день. И два. И три дня качала и кружила его волшебная карусель розовых мечтаний. Он торопил, подгонял неведомых избавителей, прислушивался к голосам с улицы, ликовал и даже пел псалмы, служил целые молебны в честь победы и избавления, но... Дни загорались и гасли один за другим, а избавление не приходило. Постепенно радость и надежда вытескали из души, их место тут же заполнила тоска.

Кто знает о нем? Кому он нужен? Кто станет искать и вызволять какого-то юродивого? Но тогда зачем его держат на цепи да еще стерегут? Ждут, когда околеет? Зачем ждать, если можно камень на шею и в тот же омут? Неведение доводило его до иступления. Несколько раз в порыве отчаяния он попытался хоть что-то выведать у охранников, но те лишь испуганно тарасились и были немые, как камни. Вот тогда он решил уморить себя голодом, пере-

стал есть, слег, и несмотря ни на какие уговоры и просьбы охранников не прикасался к пище...

Он спал и не спал, разметавшись на гнилой соломенной подстилке. Сквозь оконную решетку в душную каморку прорывались с воли голоса птиц, отдаленный собачий лай, конское ржанье. Где-то вблизи тоненько и однообразно свиристела неведомая пичуга. Казалось, из птичьего горла выкатываются неотличимые одно от другого, звуковые колечки-звеньишки, смыкаются друг с другом, становясь длинной звонкой цепочкой, та растет и

растет, опускаясь до земли, а, коснувшись ее, перестает звучать, и пичуга тут же отшвыривает цепку, переводит дух, и вновь начинает выковывать звуковые колечки.

От голода. От недвижимости. От душевной капитуляции — Евгений слабел. Он хотел бы так крепко заснуть, чтоб, не просыпаясь, переступить земную черту, уйти в тот мир, где ни князей, ни палачей, ни юродивых, где измученные человечьи души обретают, наконец, вечный покой... Там, наверняка, он встретит отца. С Лебедевым отец уже свиделся. Не могли они миновать друг друга... Достать бы сонного зелья — и «со святыми упокой»... Свидеться бы напоследок с Клементом. Истину рек он: «не посилен сей путь для смертного... Уж коли Христос не сыскал иного пути к правде, как через Голгофу, чего же сетовать, чего негодовать мне?.. Схорониться бы тогда у звонаря. Скинуть рясу. Смахнуть бороду. Остричь власы...» Нет!.. Только так... Нужно... Должно... Не приневолили — сам!.. Ни сожаления, ни раскаяния. Неважно, поспособствовал ли я гибели князя. Без разницы, чья слеза, чья молитва дошла

до господ, но он покарал злодея. Правда — вот мое земное предназначенье. Я молвил правду, и тем исполнил долг земной, предопределенный мне богом. Чего ж томлюсь, терзаюсь, стоя у последнего предела? Малую искрицу веры, но все ж оставил после себя. Не жить, не быть без веры людям... И Земле не жить... И миру... Господи, ниспосли мне кончину скорую, безболезненную, непостыдную...» С улицы донеслись голоса. Евгений дрогнул, узнал голос палача: «за мной».

3

Парфентий был во хмелю. Шагал тяжеловесно, редко, гулко припечатывая каждый шаг к дощатому настилу перед крыльцом. Охранники метнулись к нему, засасюкали, заюлили, готовые вместо подстилки под ноги пасть.

— Цел? — куражливо спросил Парфентий.

— Знамо, цел, — тут же откликнулся один из сторожей.

— Цел-то цел, — подхватил другой, — да не жрет ничего, окаанный, третьи сутки. Лежит пластом и ни гу-гу...

— Помешкайте здесь, покудова мы покалякаем... Дам знак — уносите ноги. И чтоб ни-ни. Залью глотку варом...

— Да что ты! — воскликнул один.

— Господь с тобой! — подхватил другой.

Они боялись. Они трепетали, как мышь под кошачьей лапой. И тем доставляя неизъяснимую усладу неутоленной гордыне палача, и тот возликовал, решив, что волен не токмо казнить, но и милловать. «Отпущу юродивого на все четыре. Пушай живот...»

С тем и ввалился в избушку. Ошалело метнувшись под ноги брюхатую желтую крысу поддел носком сапога, что та желтым кровоточащим комком прилипла к стене. Следом взрезалась в стену обглоданная горбушка. В мелкое крошево рассыпалась под сапогами глиняная миска с хлебовом. Перепуганные тараканы чумно заматались по грязной холстине. Он давил насекомых сапогами с таким остервенелым упоением, словно это были какие-то крупные, злые, кусчие твари. Пнув распростертого на соломе юродивого, скомандовал:

— Вставай!..

Пока, постанывая и ойкая, тот поднимался, пока утвердился на онемевших ногах, по зову Парфентия явились сторожа. В шесть рук они проворно освободили узника от цепи. Палач шевельнул бровью, и сторожа безмолвно юркнули за дверь.

— Пошто не ликуешь? — миролюбиво обратился палач к юродивому. — Докричался до господ бога. Сказнили Лебедева... царство ему небесное... — Медленно перекрестился. — Поганый был человек, прости господи. Сколь безвинных душ загубил...

— Твоими руками, — подкусил юродивый.

Палач виду не подал, что слова эти царапнули по больному. Проурчал миролюбиво:

— Срубить чужую башку охотник завсегда същется. Не я, так другой...

— Другого бы и проклинал народ, и бог карал... — опять съязвил юродивый.

Он спешил на тот свет, потому намеренно лез на рожон, задира, ярил палача. Угадав манеру юродивого, Парфентий ухмыльнулся, присел на длинную, толстую пристенную лавку, негромко повелел: — Садись.

Юродивый постоял в раздумье и медленно сел. Был он страшно худ и бледен до синевы. Мертвенная белизна щек особенно резко бросалась в глаза от соседства с чернью разлохмаченных, давно невымытых и нечесаных волос и свалывшейся длинной бороды. Из провалов глубоких глазниц в палача нацелились два черных раскаленных жала. Столкнувшись с юродивым взглядом, Парфентий посуровел, и тут же решил: «Этого гаденыша на волю нельзя. Разнесет. Раззвонит. Не отмоешься опосля, не отскребешься, а то и вослед князю на виселицу...»

— Ково шары-то на меня выкатил? — гнежливо спросил Парфентий. — Ишь, выверился, ровно волк бешеный. Я к нему с добром...

Юродивый вдруг захохотал истерически, надрывно. Лицо его при этом страдальчески скривилось, на глаза навернулись слезы, и весь он затрясся, будто в лихорадке. Миг — и слезы потекли обильно, заструились по бугоркам острых скул, мутной весенней капелью повисли на бороде и усах. Словно отбиваясь от невидимой напасти, юродивый вскинул обе руки и зарыдал. При этом он, как защемленный капканом заяц, пронзительно и жалобно вскрикивал, стонал, ойкал, сотрясался от рыданий. «С чего это, он? — опешил палач. — Ни страху, ни боли... Тронутый... Помилуй бог, тронутый...»

Затих юродивый. Похоже, вместе со слезами вытекла из него и ненависть, во взгляде остались лишь усталость да тоска, безысходная, угрюмая тоска идущего на виселицу. Перелом в настроении юродивого приглянулся палачу, пробудив какое-то непривычное, необъяснимое чувство, схожее с состраданием. «Чего с им делать? Навязался на мою голову. Надо бы тогда сперва жулькнуть за глотку, опосля в реку. Не маялись бы теперича оба...»

— Кто тебя спас тогда?

Долгим пытливым взглядом юродивый оглядел палача, ответил тихо и смиренно:

— Не ведаю. Очнулся в монастыре.

— Зачем сюда приперся?

— Стосковался... по князю... по тебе...

— По смерти стосковался, — осуждающе поправил Парфентий. — Моли бога, князь в тот день уехал. Ночью бы вздернули ты на ту дыбу, что и башку твою.

— Тут ты мастак! — вызывающе дерзко воскликнул Евгений. — Кровавый пес!..

Качнулся Парфентий, сжал кулачищи и наступательно, угрожая всем видом:

— Пес, глаголешь?

— Шелудивый и мерзкий! — выкрикнул Евгений, вскакивая. — За похлебку и пойло с барского стола отца родного распнешь, сына на дыбу вздернешь. А уж за золотой...

Гиреподобный кулак Парфентия качнулся и врезался в худую плоскую грудь. Ахнув, юродивый оторвался от пола и, всплеснув руками, на какое-то время прилип к бревенчатой стене. Потом с механической, неживой медлительностью надломил ноги в коленях, согнулся в поясице и, отлепясь от закопченных бревен, скукожился на полу. Парфентий наметился было пнуть скрюченное тело, да передумал, опустил на прежнее место.

Стеная, откашливаясь, Евгений еле оторвался от пола, поднялся сперва на колени, потом на четвереньки, лишь после распрямился и встал, припав спиной к стене. Во взгляде юродивого вновь обнажились огненные жала, вонзаясь в Парфентия. А тот вдруг вроде бы расслабился, опустил плечи, разжал кулаки, обронил глухо:

— Сядь. — Юродивый послушно сел. — Так кто я?

— Пес, — напористо и зло, с вызовом, тут же отозвался Евгений, — смрадный пес... Гад ползучий...

— Ладно, — глухо и гневно проорчал палач. — Я — пес... гад... Как наречешь тогда покойного князя, светлейшего, его сиятельство, правителя всея Сибири... Кто он?..

— Казнокрад и убийца!.. Богоотступник и предатель!..

— Мыслишь, есть середь нас иные: праведные, чистые? Чтоб душа не запятнана, руки не замараны?..

— Есть! — воскликнул Евгений. — Вовсе святы... не знаю... Но чтоб дела и помыслы чисты... таких много. Достаток и власть твои на муках и крови. За то в крови они и сгинут. Ждет тебя Лебедев в преисподней...

Теперь захохотал палач. Громко, сыто, нагло захохотал. Смеялся, пока слеза не прошибла, не перехватило дух. Побагровел. Закашлялся. Харкнул под ноги. Сморгнулся туда же.

— Ф-фу-ух!.. Насмешил, паря... — И назидательно. — Князья приходят и уходят, палачи остаются. Без палача власть, что беззубая пасть. Не укусит, не сжует. Мы — зубы и когти власти. Стало быть, сила. Сила на страхе держится, страх — на палаче. В монастырях-то святые отцы тоже ослушников секут, в подвалах гноят, а не то и на костер. А ить там бог близко, рукой дотянуться...

— Что ты понимаешь о боге? Твой бог — кулак, в коем зажат золотой. Ты — тварь ползучая. Алчное, хищное... пресмыкающееся!..

Парфентий не знал, что такое «пресмыкающееся», но по выражению лица, по голосу говорящего понял, что нечто гадкое, отвратное, и вновь взя-

рился, устрашающе вскочил, раненым медведем попер на юродивого. Тот не шелохнулся. Сказал только:

— Бей на повал, чтоб дух вон. Видеть тебя — мука хуже смерти...

Замер палач. Оглушенно потряс огромной лохматой головой. Прохрипел задушенно:

— Не-е-ет!.. Нет, барич... — Помолчал. Вскинул голову, ухмыльнулся весело. — Скорую смерть я тебе не подарю. А жизнь могу подарить... Вот ежели падешь передо мной на колени, да руку облобызаешь, да прощенья слезно попросишь... Отпущу. Живи! Не сумлевайся, слово сдержу. Сказано — сделано. Ну?..

Широко и вальяжно расставил толстые ноги, развернул могучные плечи, колоколом выпятил грудь, чуть запрокинул голову и замер, выжидая.

Евгений словно окаменел. Только огромные глаза жили: ненавидели, брезговали, карали.

— Ну?! Али жить не хочешь? Воля тебе без надобности?

— Н-нет... — с запинкой, трудно выговорил Евгений, поднимаясь. — Отчего же?.. Жить хочется... И воли... Но не такой ценой. Отец в гробу...

— В гробу! — саркастически передразнил палач. — В каком гробу? Я скинул его в скотский лог, где зарывают падаль. Присыпал мал-мала, и хорош... Собакам да воронью на потребу. И ты туда просишься?.. Ну? Покуль не передумал, — вались на колени, целуй и моли. Да слезно, как бога, чтоб до души дошло...

— До чьей души? До твоей? Нет души у того, кому чужая боль в радость. У тебя нет отца. И матери нет. Ты — исчадь ада. Поклонись тебе?.. Лучше живым в землю...

И плюнул в лицо палачу.

Стальная клешня вцепилась в горло юродивого, сжалась, перекрыв доступ воздуха и крови, и тут же одрябло худое тело, подломились колени, срубленно пала голова. Палач поспешно разжал пальцы, подхватил падающего и, легонько встряхивая, держал до тех пор, пока тот не ожил. Кинул на лавку, как куль с мякиной. Перевел дух. Сказал тихо:

— От меня ты... живой... ни в землю, ни по земле. По жилочке... по ниточке выдерну душу... Будешь смертыньку кликать...

Пинком распахнул дверь.

— Где вы там?

Побитыми псами подкатили под ноги оба стражника.

— Здесь мы...

— Чего изволишь?..

— Там на развилке мой возок. Садись на козлы и сюда.

Один из сторожей рванулся было бежать.

— Постой. Поедешь со мной. Потом отгонишь лошадь ко мне на ограду, сдашь сыну...

— Не беспокойся...

— Не скись... Вот еще что... Попомните накрепко... Ежели кто... хоть намеком...

— Вот те крест!

— И не думай...

— Чего мне думать? Вы думайте. Не то отверну думалку и на помойку... Брысь!

Над предвечерним затихающим городом показалась туча. Медленно наплывала она с недалекого Севера, черной густой кисеей затягивая небо. В кладбищенской роще ошалело орала галки. Перекликались запертые во дворах цепные собаки. На звоннице Софийского собора ударил колокол, сзывая верующих к вечерней. Пахло смолой, березовым дымом и пылью. Пригнавший тучу ветер вдруг разом пал наземь и затаился до поры, затаих. Предгрозовая, тревожная и строжкая тишина подмяла живые голоса города. Будто повинуюсь этой силе, смолкли и церковные колокола. Обезголосели птицы. Онемели собаки. Кажется, кто-то неведомый, но всесильный вскинет сей миг руку, и загрохочет гроза. И, верно предваряя этот командный жест неведомого владыки, взлетел ветер, не ветер, — ветрина. Вцепился в гривы тополей, сграбастал за макушки березы, навалился на высокие ели, и ну трепать, раскачивать, мять, осыпать смахнутой с дороги пылью и мусором. Захлопали сорвавшиеся с привязи ставни. Тревожный утробный гул прокатился из конца в конец города. И ахнул гром, расколов надземный купол, и в пробитую трещину выглянуло что-то ослепительно яркое и зловещее, неземное...

глава восьмая

ОРДАЛИЯ

(ОКОНЧАНИЕ)

Бесновалось небо, изрыгая на землю огненные стрелы и оглушительные грома, от которых, казалось, и покачивалась вся вселенная. Косые стремительные струи ливня секли кибитку, в которой сидел палач и его жертва. Парфентий облапал Евгения за плечи, и самодовольно и сыто урчал в самое ухо:

— Ишь, разгулялась погодка-то... Вовремя и к месту... Проскользнем, ни одно око не узрит... Жаль сторожей-то... Придется их... — Издал странный хрюкающий звук. — По-иному никак... Покойничек, царство ему небесное, князь-то наш батюшка приучил меня: только мертвяки безмолвны... И тут надо, чтоб ни сном, ни духом никто... ой, как надо... Тебя ить сам царь в Петербурге затребовал... Не спроста, вестимо... Хочет, видать, в чине-звании возродить, богатство воротить... Как ты есть один от роду-то остался: матушку-то твою с сестричкой я вот этими руками придушил...

Рванулся Евгений, норовя выскользнуть их стальных лап палача, да где там. Крепче притиснул Парфентий извивающуюся, трепещущую жертву, ладонью накрыл оружий рот Евгения, зажал ноздри, и держал до тех пор, пока тот обеспамятенно стих, обмяк. Убрав ладонь с лица, обеспокоенно покосился на бескровно синие щие полукружья щек. Когда, переводя дух, Евгений открыл глаза и затравленно глянул на палача, тот улыбнулся и просительно-примирительно заговорил:

— Ты уж, голуба душа, не гневайся. Не обессудь, лапушка, не по воле тираню ты, по великой нужде. Отпусти я ты на все четыре, ты ить не скоронишься где-нито, не затаишься, опять супротив полезешь, до Петербурга ползком, но поползешь, смертыньку мне у царя вымолишь... Аль не так?..

— Так! — выдохнул Евгений.

Если б в этот миг он мог хотя бы зубами впиться в ненавистную багровую глотку палача и рвать ее, захлебываясь кровью и ломая зубы, он не упустил бы этой возможности. Но железные объятия Парфентия больно сжимали грудь, тесня дыхание, сдавливая сердце.

— Люблю ты за прямоту, за правду... Неподкупная, святая и чистая душенка... Коня б тебе теперича. Булат да щит. Эх-ма! Порубал бы ты басурманских голов, покосил бы ворогов Руси и был бы славен на всю державу... Бодливой корове бог рогов-то не дал... Крепись. Приедем в мой терем, поиграем со смертью в жмурки. Ох, поиграем! Жаль, князя-то нет. Вот полюбовался бы, потер ручки, похлопал в ладошки... Ну, да не горюй, без его не соскучимся...

— Гад! — бредово выкрикнул Евгений. — Тварь!..

— И это припомню, батюшко барич. И это... Ох, продублю твою шкуру, крепче лютого барабану будет. Можно на ней что хошь — не прорвется... Трам-та-та-рам!.. Трам-там-там!..

Возок остановился.

— Вот, голуба душа, распрекрасный Бова-королевич, — проворковал счастливый Парфентий, — вот мы и домчались, доскакали... Подит-ко не растрясло ты в пути-то? Сейчас ополоснет нас дождичком, сонливость и грусть смоет, и мы, благословясь, примемся за дело... За дело! — ликующе возвысил он голос, и вдруг завопил. — Ах, за дело, за работу...

Возок остановился у потайного входа в Кремль. Они бежали через кремлевский двор под проливным дождем. Держась за руки, бежали без остановки до самой башенки, в которой укрылся лаз в пыточную.

Щелкнул секретный замок входной двери, и тут же оборвался шум грозы, подвальная черная тишина навалилась на Евгения, смертной тоской сдавив душу, выключив разум.

— Не зашибись тут, лапушка, не изуродуйся, баринок, — ласково, просительно пропел палач и тут же сграбастал Евгения за космы и поволок по кру-

той лесенке так стремительно, что тот в кровь разбил ноги о холодные шершавые каменные ступени.

От тлеющих угольев в горне струился зыбкий, призрачный свет, слабый его напор чуть вспучивал кромешную темь, как бы сгущая ее и утяжеляя. Выхватив из настенного вставца факел, палач метнулся к горну, качнул меха, и вот уже у него в руке ярко полыхает могучий светильник. От факела факел, от факела факел, и скоро в пыточной стало светло и

чадно. Шипели, потрескивали, пошелкивали факела. Но свет не облагородил, не скрасил страшное обиталище зла, напротив, оттенил, выпятил угрюмую, дикую беспощадность закопченных каменных стен, застарелые черные пятна крови на полу, на скамьях. В неровном трепетном свете факелов каждое приспособление, каждый инструмент для пыток, и плеть, и лоза, и спицрутен — все, буквально все казалось живым агрессивным, изготовившимся к нападению...

Шипели, потрескивали, похрустывали горящие факелы, заглушая шорох разгорающихся углей, натужное хриплое дыхание обреченного. Ему было страшно. Немилосердно, одуряюще страшно. Со все возрастающим ужасом взирал он на веревки, крючья, шипцы, колодки, шилья и много-многое иное, изготовленное людьми, чтобы истязать и мучить людей. Смерти он еще не чувал, оттого, видно, не думал о ней и не страшился ее... На краткий миг воображение воссоздало раскачивающееся на дыбе тело отца, воскресило его раскаленный болью и ненавистью голос, отвратительный, корежащий душу хворост выдираемого языка. Евгений содрогнулся, и закричал бы, завопил, взвыл, моля о пощаде; если б в этот миг не натолкнулся его взгляд на палача.

— Вот так... Вот так... — довольно гундосил Парфентий, озирая пыточную. — Вот мы и сготовились, голубок. Теперича начнем... — Поворотился к оглушенному ужасом Евгению. — Страшно?.. Ха-ха! То-то! Всякой твари помирать не хочется... Ишло не опоздано. Ишло можно меня улестить, умяслить. Пади на колени. Пролей слезу. Лобызай руку... — И вдруг мгновенно выверев, заорал. — Ково буркалы выкатил?! Скидовой лопотину! Ну!

Ветхая ряса под лапой палача расплзлась на клочья. Вместе с ними под ноги упал большой нагрудный крест. Туда же осыпались обрывки истлевшего исподнего. Нагой Евгений выглядел устрашающе худым. Четко проступали подрагивающие ребра, выпячивались острые позвонки согбенного хребта, шея казалась неправдоподобно длинной и такой неестественно тонкой, что было непонятно, как еще она не надломилась под тяжестью большой разлохмаченной головы.

Пытливо оглядевшую фигуру юродивого, палач сорвал с крюка короткий витой сыромятный кнут и, поигрывая им, постукивая кнотовищем по смазанному, пахнущим дегтем, черным сапогам, потребовал:

— Повтори-ка, что ты мне давеча сказывал. Как ты меня... Кто я есмь...

— Пес!.. Вонючий, смрадный пес!.. Цепной... Бешеный...

С жутким смачным причмоком прикипел сыромятный кнут к вспученным, обтянутым желтоватой кожей ребрам. Сперва к правому боку, после

к левому, потом ременная змея крест-накрест перепоясала грудь и, будто разоидясь, разъярясь, заскакала по бедрам, по спине... По спине... По спине... И минуты не прошло, тело юродивого стало полосатым от кровавых, на глазах набухающих, чернеющих полос.

— И кто же я теперича? — переводя дух, выкрикнул запыхавшийся палач.

— Мерзкая тварь!.. Гадина... проклятая богом и людьми...

— А-а-аа! — Фыркнул. Громко и длинно выдохнул. — Н-ну... Сейчас...

Что-то невнятно злобно уркнув, схватил Евгения за руки, рванул к себе и очень ловко и проворно завернул руки за спину, накиннул на запястья петли, подзатянул, отпрыгнул, ухватился за веревку, и вот уже тело юноши маятником раскачивалось на дыбе; Боль в суставах вывернутых рук вырвала стон из уст истязуемого, палач довольно ухмыльнулся в бороду, проговорил с деланным восторженным сочувствием:

— Больно поди-ка, дитятко? Зато вона куда воз-

несся. Прямо на небеси. Оттуда да ле видно, лучше слышно... И ково же ты зришь перед собой?

— Двунногого скота! — надорванно выкрикнул Евгений. — Волосатого... Тупорылого... С кирпичом вместо сердца... И мертвый я не дам тебе покою. Стану являться во снах, в бреду... в петлю... в омут... До-о-обью-у!..

— Э-э!.. Сколько я вас таких... всяких... Целое кладбище можно бы... Проклинали... Чуму и холеру, и язву на меня накликали... Бога призывали и дьявола... Ништо! Бог-то видит. Я — раб, покорный и безответный. Светлейшие сиятельнейшие благородия... вот кто моими руками мучает, пытается да казнит... На что митрополит наш... святой отче... а и он... наемни тут двух попов ли, монахов ли огнем пытал... Не меня, их лай. На их головы клич мор. Я — поденщик... хлеб свой зарабатываю. Один пашет. Другой прислуживает. Я вот тут... Шибко лакомый кусок!.. Спытай-ка!.. То-то!.. Теперича вот скажи что-нибудь... Головушку-то не вешай. Ручки, ножки шевели. К богу в рай погодь...

— П-п-од-дойди... п-об-ближе... — еле внятно пролепетал Евгений.

— Не пойму... Чего? — заинтересовался палач, подступив вплотную к подвешенному на дыбе.

Тот вдруг резко подогнул ноги и обеими, из всех остальных сил, ударил палача в лицо так, что тот, не ожидавший подобной атаки, отлетел к стене. Из разбитых губ и носа Парфентия хлынула кровь. Зажав ладонями лицо, он подбежал к огромному уша-ту с водой и принялся плескаться, останавливая кровь. Вытер лицо какой-то холстиной. Долго отдувался. Сказал неожиданно спокойно и рассудительно:

— Ты поди-ка мыслил, разгневолюсь я, и разом ты порешу. Не-е-т... Теперича я твою жисть по ниточке, по малой паутиночке вымать стану. Опосля пальчики обкарнаю, а уж потом...

И с угрюмой деловитостью приступил к исполнению своей угрозы. Скоро юродивый походил на только что освежеванную тощую тушу козла, замученного на козлодранье. (Есть такая дикая игра в Азии: огромная ватага молодых могучих всадников вырывают друг у друга козла до тех пор, пока самый удачливый и ловкий не умчит его к финишу.)

Терзая жертву, палач пристально следил за мучеником, боясь, как бы тот не испустил дух до срока, и страшно радовался, если истязуемый стонал. Мучитель устал, вспотел, десять раз закипал бешенством, колол, жег, резал, но ни слез, ни мольбы не добился, истязуемый безмолвствовал и этим молчанием довел палача до полного иступления.

Залпом выпив огромный тусс квасу, Парфентий отер рукавом бороду и рот, перевел дух, и долго раздумчиво молчал. Потом, плеснув в лицо Евгения, убедился, что тот в сознании, и медленно, слово по слову произнес:

— Постой... Ты, это самое, помешкай... Сейчас я тебе в нутро расплавленного вару...

С этими словами схватил с полу глубокий ковш на длинной ручке, сунул его в угли, наклонясь над ними, стал дуть. Вдруг, коротко вскрикнув, сшиб голову ковшом и ткнулся лицом в раскаленные угли. Замычал, заворочал головой, словно бы укладывая ее поудобней, и стих, заткнув обмякшим телом горн. Запахло сперва паленой шерстью, потом отвратно завоняло горелым мясом. Этот тошнотворный запах вернул сознание юродивому. Тот вроде бы оживился и тут же ужаснулся: никто сюда не придет, не снимет его с дыбы, не уведет от этой отвратно смердящей на углях головы палача...

Это было неожиданное и худшее из того, чего он ожидал, к чему готовился. Даже тут, перед самой кончиной, судьба еще раз надругалась над ним. А сил ни в душе, ни в теле уже не осталось ни капельки. И воля иссякла до донышка. Черный чугунный морок сгустился вокруг, застилая разум, прерывая дыхание, останавливая судорожное биение сердца.

Вдруг что-то оглушительно грохнуло над головой. Треснул сводчатый каменный потолок. В образовавшуюся щель хлынул ослепительный свет, и, похоже, под его напором, щель стала шириться, превращаясь в расселину. Он увидел небо. Совсем близко. Кружились, падали, раскачивались большие и малые голубые и красные, и желтые звезды. Скользила меж ними ослепительная луна. Роскошным, брызжущим светом шлейфом тянулся за ней млечный путь. Из него и родилось полярное сияние. Яркое и многоцветное. Волнистой ослепительной лентой слетело оно на землю, скользнуло в расселину, пало к его ногам. «Что это? — изумился Евгений. — Зачем упало? По ней можно выйти отсюда, но я привязан...»

И тут он увидел Его. Таким, как не однажды видел на иконах, на картинах, украшающих церковные стены и священные писания. Он был босой, в хитоне, с обнаженной грудью и пальмовой ветвью в руке. Легко и скоро, и неслышно сошел Он с звездной выси, встал рядом.

— Я пришел, — молвил Он голосом Клементя. — Ты не звал, но я пришел. Как к брату... Как к сыну... Пришел взять тебя с собой... Пойдем, брат мой возлюбленный... Пойдем, чадо мое ненаглядное...

— Я не могу, — глотая слезы восторга, еле внятно пролепетал Евгений. — У меня руки...

— Что руки? — спросил Он. — Ничто земное не властно над тобой... Пойдем... Мы тебя заждались...

И они пошли. Рядом. Обнявшись. Шаг в шаг.

Широкая сверкающая, разноцветная тропа увела их круто вверх, к звездам, к бессмертию...

Иллюстрации Натальи ЕРМОЛАЕВОЙ

ПЕРВАЯ ГИТАРНАЯ

НА СНИМКЕ:

ВЛАДИСЛАВ

МИХАЙЛОВИЧ

МУСАТОВ

СО СТАРИННОЙ

РУССКОЙ

ГИТАРОЙ —

ГИТАРА

ДВУХГРИФНАЯ,

ОДИННАДЦАТИСТРУННАЯ.

Даже не каждый музыкант знает, что существуют «Справочник по гармоникам», «Справочник баяниста», ...балалаечника, духовых инструментов. А вот «Справочника гитариста» до сих пор не было, несмотря на то, что гитара — самый распространенный, самый демократический инструмент. Изредка выходили лишь «самоучители» — и были нарасхват.

И вот новость: в Тюмени готовится к изданию не просто

справочник — тысячестраничная гитарная энциклопедия, первая русская энциклопедия по гитаре в нашей стране, охватывающая историю и современность. Ее редактор и составитель — Михаил Сергеевич Яблоков, преподаватель по классу гитары Тюменского училища искусств. У издания мощный спонсор — научно-технический центр «Гермес».

Любая энциклопедия — это «склад» фактов. Сведения о гитаре и гитарных исполнителях,

РУССКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

об истории инструмента и науке игры — в таком объеме — собираются впервые. Это будет вместительный «склад», куда может «прийти» каждый и найти любые интересующие его сведения. В энциклопедии будут представлены несколько предыдущих поколений русских гитаристов, исследователей, энтузиастов, современные апологеты гитары, будут использованы труды многих историков, изучавших этот инструмент.

Один из них — Владислав Михайлович Мусатов. Без его архивов будущей гитарной энциклопедии не появилось бы. Владислав Михайлович был человеком другого поколения. Тем не менее, несмотря на разницу в сорок лет, мы были дружны. Встречались, беседовали, спорили, переписывались. Живя в разных городах: он — в Орджоникидзе, я — в Свердловске, издали в 1988 году совместный библиографический труд «Гитара. Обзор и краткая аннотация русских печатных материалов». Я отправил Мусатову пробные типографские оттиски и звуковое письмо, чтобы порадовать и поддержать старого гитариста. К сожалению, ни оттиски, ни кассета его уже не застали в живых.

Советским гитаристам всегда не хватало общения, информации. К счастью, среди них

находились инициативные люди, пытавшиеся прорваться через «заговор» молчания вокруг любимого инструмента. В двадцатых годах В. П. Машкевич в Донбассе издавал гектографический и машинописный журнал «Гитара и гитаристы», выходивший, вполне понятно, очень небольшим тиражом. В Грозном М. П. Папченко сумел литографским способом выпустить 12 номеров музыкально-литературного журнала «Гитара и гитаристы» тиражом в 200 экземпляров. Спустя тридцать два года В. М. Мусатов издал в Орджоникидзе первый типографский гитарный «Бюллетень». Вышли два номера тиражом 200 экземпляров; третий номер, а вместе с ним и вся затея, были «зарезаны» государственной машиной. Еще спустя одиннадцать лет Мусатов вновь осуществляет через «самиздат» идею «Самодельного гитарного журнала»: пять номеров, вышедших в 1968 году, представляют нынче немалую ценность.

С 1981 года и по настоящее время идею общения гитаристов воплощает в жизнь В. Н. Агапов в Нижнем Новгороде:

с помощью корреспондентов из разных городов, на множительной технике дважды в год выходит информационно-музыкальный сборник «Гитарист». Вот сколь длинна и скупа история гитарного «самиздата».

Интересно, что ни баянисты, ни скрипачи, ни саксофонисты и другие музыканты никогда не пытались создать свой специальный журнал. А вот целые поколения гитаристов этой идее одержимы до сих пор. До революции такой журнал у них был, и за рубежом есть — и не по одному в некоторых странах; а нашего журнала — всероссийского, типографского, по подписке — так и нет.

Что ж, раз нет журнала, — будем надеяться на энциклопедию...

И не страшен серый ВОЛК!

Поиск единомышленников, научные исследования, известные коллекции всемирно известных музеев... — все это в жизни коллекционера происходит потом. А начало всему обычно — пустяк, которому никто не придавал особого значения.

Семь лет назад екатеринбурженка Катя Бакова, будучи в городе Санкт-Петербурге (тогда еще Ленинграде) зашла в какой-то магазин и на витрине его увидела маленького стеклянного поросенка с трогательными полосками на заду. Почему-то он не смогла пройти мимо и купила его. Через несколько дней Кате попался другой поросенок, на этот раз в виде брелока. Поросенок был сделан из пластмассы и одет в красные штаны. Все вместе (кольцо для ключа, поросенок и штаны) называлось почему-то «Животный мир». Это настолько восхитило Катю, что она немедленно купила и этого свинтуса. А дома, в Екатеринбурге, поставив свежкупленных поросят на полку, Катя подумала, что это начало коллекции...

Сегодня в Катиной коллекции более двадцати голов всевозможных свиной. Это копики, свинки из фарфора, стекла, пластмассы, свиные-свечки, свиные-игрушки...

— За семь лет, конечно, можно было собрать более крупную коллекцию, — говорит Катя. — Но в моей находятся исключительно «перлы». Каждая вновь прибывшая свиная проходит тщательный осмотр, и большая часть отсеивается еще в самом начале.

— А в чем «перловость» твоих экземпляров?

— Каждый из них можно оценить как «самый-самый». В моей коллекции есть самая уродливая свиная (вот эта копилика на редкость уродлива, не так ли?). Есть самая красивая (поросенок-поваренок с ложкой в руке действительно хорош собой). Самая старая, в смысле, старинная, вот эта фарфоровая. Есть

свиная «двойная» (на самом деле это две свиные, поставленные друг на друга: по отдельности они просто не смотрятся). Вот эта свиная — верх идиотизма, ты где-нибудь еще видела хрюшку с цветочками на заднице?..

Особо ценится материал, из которого сделана свиная. К сожалению, в моей коллекции до сих пор нет свиной из камня, а также из слоновой кости! Я как-то видела экземпляр из кости, но он стоил пять тысяч рублей. У меня, к сожалению, нет таких денег. Хотя это была бы самая дорогая свиная в моей коллекции...

— А если бы ты встретила тогда в магазине не свиную, а, скажем, змею в красных штанах?

— Возможно, я по сей день собирала бы змей. Просто так получилось... Потом и друзья узнали о моей болезненной страсти, начали привозить мне свинок из самых разных мест. Есть у меня заграничные свиные. По сей день друзья подкладывают мне свиной... Некоторые из них (в смысле, друзей) просто серьезно отнеслись к моему хобби, а остальные знают, что ради того, чтобы получить в руки очередную свиную, я способна совершать самые свинские поступки. Был, например, такой случай: я пришла в гости и увидела маленькую детскую игрушку-каталочку, в которой сидело три поросенка. Я не удержалась, вырвала одного из них и унесла домой... А в другой раз моей близкой подруге папа привез из Питера набор стеклянных игрушек, среди которых, к моему восторгу, была свиная. Я немедленно занялась гнусным вымогательством, но безуспешно. К счастью, подруга вскоре собралась выйти замуж и принялась упрашивать меня быть тамадой на свадьбе. Я отказалась, и вот тогда мне предложили взять в виде той самой заветной свиной. Потребовав свиную вперед, я согласилась.

— А живые свиные тебя никогда не интересовали? Говорят, что у этого животного масса общих с человеком черт и особенностей — вплоть до того, что мозг хрюшек по строению гораздо ближе к человеческому, чем, скажем, обезьяний. А вот мусульмане с презрением относятся к свиной, называют ее «грязной» и категорически отказываются употреблять в пищу свиному и все ее производные. Один ныне здравствующий кандидат наук сказал своей жене, пытавшейся угостить его жирненьким: «Или я, или сало!» Вот так по-разному люди воспринимают свиной...

— Я не отношусь к коллекционерам, которые изучают все про любимый предмет. Я просто собираю разных свинок, и это доставляет мне удовольствие. А что касается свиной-животного, могу только привести высказывание моей мамы: «Катя, ну почему у всех дети как дети — собирают монеты, марки, а ты — свиной?.. Собирала бы что-нибудь более интеллигентное!»

— И долго ты собираешься заниматься таким «неинтеллигентным» занятием?

— Пожизненно. Пока наша и зарубежная промышленность выпускает свинок, я буду их собирать...

Что ж, посреди нашего всеобщего свинства не худо найти себе хобби, которое здорово поднимает настроение. Посмотрите на мордочки Катиных хрюшек и представьте себе, как приятно видеть эту компанию каждый день.

Дорогу свиным, змеям и прочим игрушечным животным! Дорогу коллекциям! Может быть, именно они не дадут нам окончательно упасть духом.

И вообще, все не так уж плохо. Хрю-хрю!

Слайды Олега КАПОРЕЙКО

Александр СЕМЕНИН

ХУРМА

Осенью в овощных магазинах к привычным дарам уральского огорода и сада добавляются два южных экзота — гранат и хурма. То бордовые, то малиновые, а иногда цветом напоминающие спелый помидор, плоды последней аппетитны и привлекательны, однако вкус их... От терпкости хурмы порой сводит язык и зубы. Лишь пожевав в сухом теплом месте, уже перезревший плод утрачивает (да и то не полностью) нещадно вяжущий привкус. Он присущ многим сортам хурмы, которые разводят на Кавказе или в Средней Азии. А между тем известны сорта, плоды которых даже в незрелом состоянии лишены неприятного привкуса (Джиро, Каире, Фуйю); достойны также внимания высокопродуктивные сорта Хиакуме, Хачиа, Чинебули, Зенджу Мару.

По пищевой ценности это один из важнейших субтропических фруктов. Плоды хурмы содержат ценные белки, углеводы, микроэлементы, витамины А, С, Р, дубильные и пектиновые вещества... Изумителен и вкус плодов этого дерева: нежнейшая желеобразная мякоть, приятно-сладкая, освежающая, «тающая во рту» и ароматная.

Родина хурмы — страны юго-восточной Азии (особенно популярен этот фрукт в Китае). Там же получены и многочисленные ее сорта (более двух тысяч!). О многих из них мы, к сожалению, не знаем.

В нашей стране первые попытки акклиматизации китайского экзота были предприняты на Черноморском побережье Кавказа около ста назад.

Слово «хурма» в переводе с персидского означает «дикий финик». Именно так на Ближнем Востоке и в Северной Африке прозвали чужестранку, хотя хурма и финиковая пальма вовсе не походят друг на друга. Оказывается, высушенная хурма приобретает удивительное сходство с любимейшим фруктом арабов и персов. Прежде всего, своей сахаристостью. Сахара в сушеной хурме так много, что он искрится порой сплошной белой корочкой, выступающей на поверхности плодов. Поэтому, из них готовят мармелад, джем и варенье. В растертом виде плоды хурмы добавляют в некоторые сладкие сорта хлеба, используют для приготовления вина и кваса. И, кроме того, «дикий финик» всевозможными способами консервируют.

Не обошла его вниманием и древняя восточная медицина. И сегодня в странах юго-восточной Азии хурмовой диетой лечат малокровие, гипертонию, приступы кашля, она помогает восстановить силы после укусов ядовитых змей. Однако ученые и народные врачеватели подметили, что при язве желудка, запорах, сахарном диабете плоды хурмы противопоказаны, нельзя их также сочетать с молоком и холодной водой (расстроится пищеварение).

А теперь поговорим о том, как вырастить «дикий финик».

Читатели в своих письмах просят возобновить рассказы об экзотических плодовых растениях. Наш главный автор Александр Семенин продолжает раздел «Экзоты на окнах».

Хурма — дерево листопадное. Опытному садоводу этим уже многое сказано. В начале октября листья хурмы начинают краснеть, а еще через пару недель, став красновато-бурыми, дружно опадают. Период зимнего покоя у «дикого финика» хорошо выражен и даже при выращивании его в теплых комнатах продолжается не менее трех месяцев — до конца января-начала февраля, когда трогаются в рост побеги. Этой особенностью хурма отличается от инжира и граната, с которыми читатель уже знаком. У последних состояние полной «безлистности» гораздо менее длительно и в большей степени зависит от условий содержания растений.

До февраля хурму желательно поместить в прохладное помещение (с температурой воздуха +5-10°C) и очень умеренно поливать. Попытки как-то стимулировать развитие растения (обильный полив, внесение удобрений, содержание в теплых комнатах) приносит только вред. Ведь таким «подстегиванием» вы грубо нарушаете естественные жизненные ритмы, которые складывались у биологического вида на протяжении миллионов лет.

С начала февраля, для ускорения роста и развития, хурму регулярно подкармливают растворами минеральных и настоями органических удобрений. В качестве первой подкормки служит аммиачная селитра (доза, как и для других видов плодовых, — 3-5 граммов на литр воды). Затем, через каждые 10-14 дней, до начала цветения, поочередно вносят минеральное (например, нитроаммофоску) и органическое удобрения (настой коровяка, предвременно разбавленного в 15-20 раз).

В мае растения, достигшие 4-5-летнего возраста, обычно зацветают. Небольшие белые или кремовые цветки располагаются поодиночке в пазухах листьев. Они источают приятный нежный аромат и бывают одно- или обоопольными. Однако если в цветках вашего деревца не окажется тычинок — не торопитесь расстраиваться: у хурмы часто наблюдается явление партеногенеза, при котором неоплодотворенные завязи женских цветков разрастаются и превращаются в настоящие плоды. Семян в них, разумеется, нет.

Как многие другие субтропические фрукты, плоды хурмы зреют долго. Поэтому, если плоды на вашей «облетевшей» хурме еще не созрели, — не беспокойтесь: все необходимые питательные вещества от дерева они уже получили, а до

нужной кондиции «дойдут» за счет собственных внутренних химических изменений.

Плоды у некоторых сортов весят 500-600 г. В комнатах они вполне могут достигнуть 200 г. Что касается урожайности хурмы, то рискованно утверждать, что 4-5 кг плодов с дерева — результат для комнатной хурмы, видимо, близкий к предельному. На фруктовых же плантациях ее урожайность доходит порой до 100-120 кг с одного дерева.

Не запаздывайте с обрезкой и формированием кроны. Постарайтесь провести их в конце периода покоя, до начала роста побегов. Дело в том, что цветки у хурмы формируются на приросте текущего года. И запоздалая обрезка может просто лишить вас урожая, так как цветки не успеют появиться. Удаляются полностью «на кольцо» — мощные вертикально растущие ветви (плодов на них все равно не будет), побеги, растущие внутрь кроны, а также слабо развитые боковые ветви. Длинные боковые побеги укорачивают на 1/3 их длины.

По тому «сопротивлению», которое чувствуешь, используя при обрезке даже острый секатор, нетрудно догадаться, что древесина хурмы очень прочная, крепкая, ведь принадлежит она к семейству эбеновых, или черноподобных — к тому же роду, что и знаменитое индийское черное дерево.

К сожалению, в отличие от большинства других южных плодовых культур, черенки хурмы практически не укореняются. Помимо возобновления семенами, родственница эбенового дерева размножается прививкой — на хурме кавказской и хурме виргинской. Первая из них встречается на Кавказе и в странах Ближнего Востока, вторая — произрастает в Северной Америке. И ту и другую иногда разводят в качестве самостоятельных плодовых культур, но по размеру и вкусу плодов они уступают хурме восточной.

Хурма — дерево светолюбивое, однако лучше развивается при легком укрытии от прямых солнечных лучей. В сухую и жаркую погоду растения полезно 2-3 раза в день опрыскивать теплой водой. К влажности и плодородию почвы хурма малотребовательна, не выдерживает лишь щелочных земель. Мирится она с сухим воздухом помещений, сквозняками, длительным нахождением в небольшой емкости. Конечно, все это не оказывает положительного влияния на развитие и урожайность китайской гостьи. Поэкспериментировать, «поколдовать» с этой культурой, право, стоит. Она может преподнести садоводу немало приятных сюрпризов. Научное название этого дерева — диоспирис, данное ему знаменитым шведским ботаником К. Линнеем более 200 лет назад, переводится как «божественный плод». Не попробовав ли вырастить его в своем доме?

Слайды автора на 4 с. вкладки

“СУПРУГИ”

Сергей ВАСИЛЬЕВ — фотокорреспондент «Вечернего Челябинска» — один из ведущих мастеров фотографии. Коллекции его наград трудно не позавидовать. Он четырежды удостоен приза «Золотой глаз» — высшей международной награды в области фотожурналистики. Гран-при «ИФО-Сканбалтик» — выставки стран Балтийского моря и Скандинавии, дважды Сергей ВАСИЛЬЕВ удаивался золотых медалей «Интерпресс-фото» (Москва и Гавана). В Кракове (Польша) и Страконице (Чехия) проводятся весьма представительные выставки, воспевающие духовный мир женщины, ее многогранную деятельность, красоту. Жюри в разделе черно-белой фотографии присуждает только одну золотую медаль. На «Венусе-84» и «Женщине-86» этих наград был удостоен Сергей Васильев. Выставки его работ видели зрители Болгарии, Югославии, Германии, Польши, Чехии, Голландии, Словакии, Франции, Испании, Австралии, Финляндии, США, Венгрии и других стран.

Решением Международной организации журналистов ВАСИЛЬЕВУ присвоено звание «Международный мастер пресс-фотографии».

Сергей ВАСИЛЬЕВ

... Я должен был посетить в зоне штрафной изолятор. Одна из заключенных, по прозвищу «Голубка Маша», умолила меня передать подруге-«другу», посаженной в ШИЗО, что она ее очень любит, скучает и ждет возвращения. «Голубка Маша» попросила еще, чтобы я угостил «Зойку-экспресс» сигаретой. Что я все и выполнил: передал приветы и подарил сигарету. «Голубка Маша» строго за этим проследила и, со своей стороны, выполнила обещание; поведала мне о некоторых тайнствах «любви» в неволе.

Женщина в колонии, лишённая общения с мужчиной, вынуждена прибегнуть к ласке своей избранницы, чтобы более не нуждаться в мужчине. Аргументов здесь много: что только женщина знает, как любить и быть любимой, что есть много способов — так что и другого пола не надо, да и другого пола попросту здесь нет. Некоторые из заключенных женщин признавались мне, что сроду бы не занимались такой любовью, если бы хоть изредка давали возможность встречаться с мужчиной. Есть в колонии и такие, которые стойко переносят все тяготы заключения, но им, как правило, не позавидуешь.

Заметной привилегией пользуются среди зэчек «коблы» — женщины с мужскими склонностями, с транссексуальными задатками, мужеподобной внешности, а иногда и приятные внешне, но с крупными формами. Готова себя на мужскую

роль, «кобла» развивает в себе соответственно мужские качества: накачивает мускулы, тренирует характер, изменяет голос, несколько раз в день бреет не только лицо, но и руки и ноги, пока не начнут расти волосы, стягивает грудь жгутами, чтобы ее не было видно. «Кобла» постоянно внушает себе, что она — мужчина.

У таких в зоне много преимуществ. Их уважают и боятся. Женщины-зэчки им все прощают, отдают свои пайки, делают посылками. Есть зоны, где такие пары живут как супруги, ведут общее хозяйство. Материальными благами (деньги, вещи, продукты) распоряжается «он». «Кобел» или «жених» ничего не делает по быту. Всю работу выполняет «Маша», «кобылка» или «невеста» — стирает, убирает, гладит. Начальники колоний, которые понимают неизбежность таких отношений, стараются не замечать любовные связи женщин, даже разме-

ПОНЕВОЛЕ

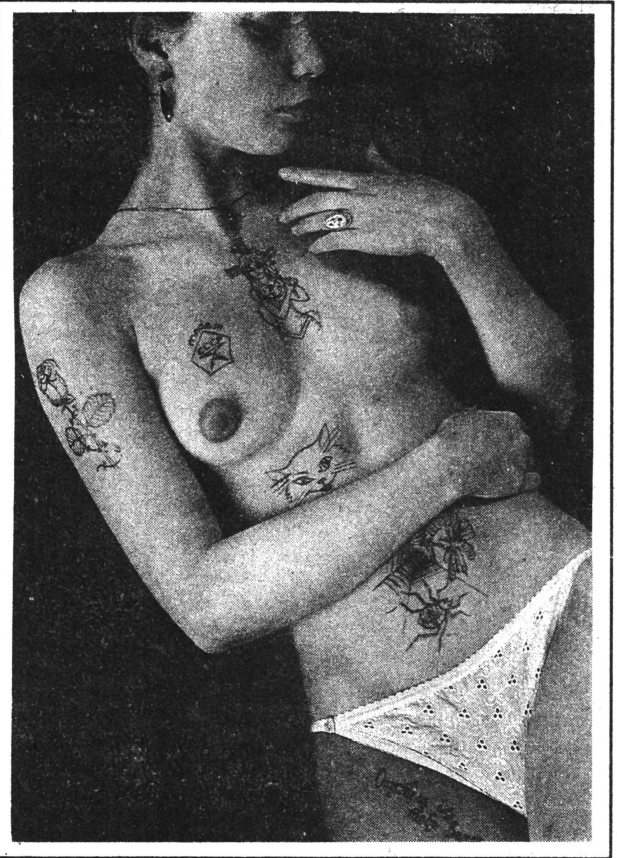
Места лишения свободы.
Женская колония. Не будем говорить о том, почему так много женщин в нашей стране оказываются за колючей проволокой, почему тем же продавщицам за растрату нельзя определить вместо заключения штрафы или к юным девушкам применить другие санкции, вместо того, чтобы бросать их на дно жизни — это изъяны нашего тяжеловесного законодательства и итог всей нашей несчастной жизни. Есть еще одна неприглядная и трагическая сторона в существовании бедных этих женщин, при всей их скученности, — одиночество. Прежде чем говорить о голоде сексуальном, как о результате нарушения естественного жизненного режима, наверное, следует сказать о том, что изначально — о голоде эмоциональном: о тоске по ласке, но нежному слову, по чьей-то заботе и защите — в этом женщины, как дети... Многолетнее отсутствие мужчин — это отсутствие не только предмета любви, а и отсутствие предмета обожания. Для кого представители прекрасного пола тщательно подбирают медальоны, носят кольца, делают прически, вышивают очаровательные узоры на блузках, подбирают косметику? Для НЕГО... Женщина остается женщиной и за колючей проволокой. И в колонии носят медальоны и кольца, делают прически, пользуются косметикой — но не для мужчин, которых здесь просто нет. То-то и оно: ни о нежности, ни о трепетности в привычном понимании на сей раз речь вести не приходится, и любовь здесь может быть особой, другой...

щают вместе в бараке, чтобы койки стояли рядом. В таких колониях психологический климат спокойнее. Но за «открытую любовь» следуют репрессии со стороны администрации: за это сажают в штрафной изолятор, лишают очередной передачи, свидания.

Настоящие страсти разгораются из-за новеньких, особенно если девушка хорошенькая. «Коблов» такая сводит с ума. Из-за нее возникают драчки: отвоюет кто сильнее. Многие неприятности и недоразумения между женщинами в зоне происходят на почве любви. Измену здесь не прощают: в ход идет все — нож, заточенная вилка, лопата, телесные повреждения порой бывают тяжелы и даже смертельны.

Некоторые «супружеские пары» продолжают совместную жизнь и после освобождения из заключения, отвергая мужей, если они были. Нередки случаи, когда «кобел» едет к своей возлюбленной и живет у нее на всем готовом — «отдыхает». Бывает, что и на свободе вернувшиеся к мужьям «Маши» расплачиваются за «измену», достигнутые «коблами» из колонии.

Немало женщин в зонах в знак любви метят себя и подруг татуировками. Активный партнер-«амазонка» носит изображение кабана на предплечье или на бедре. Популярны аббревиатуры: «Яхонт» — «я хочу навеки тебя», «Клот» — «клянусь любить одну тебя», «Богиня» — «буду одной гордиться и наслаждаться я», «Змея» — «зачем мужчины, есть я» и так далее. Наколки делают в местах, скрытых одеждой, нижним бельем. У «Маш» или «невест» наколки наносятся на левое плечо — цветок лилии, или на бедро — роза, обвитая шипами. У них

свои аббревиатуры: «Лебеди» — «любить ее буду, если даже изменит», «Сатурн» — «слышишь, а тебя уже разлюбить невозможно», «Клен» — «клянусь любить ее навеки».

Вот такая эта «любовь поневоле»... И вдруг посреди разных сексуальных картинок, карт, бутылок, кинжалов и любовных признаний встречаешь знакомые есенинские строки:

«КАК МАЛО

ПРОЙДЕНО ДОРОГ,

КАК МНОГО

СДЕЛАНО ОШИБОК...»

Снимки автора

«ЛИРИЧЕСКИЙ ПРОБЕГ ВДОЛЬ КЛЕТКИ»

Каждый раз, когда я вспоминаю прошлое, неизменно возвращаюсь к той ночи с 4-го на 5-е ноября 1937 года. С этой ночи я стала взрослой, хотя мне было только 11 лет. С этой ночи я помню все почти в хронологическом порядке.

Отец стоял молча, облокотившись на полку буфета, наблюдая, как летят в разные стороны книги, белье, письма, фотокарточки и многое другое, что только недавно было его домом и жизнью («Мы жили в домиках из карт...»). А когда обыск кончился, он молча обнял нас с мамой и ушел («Так вам обеим и застыть, застыть навеки передо мною, как некий пограничный стык меж той и этой стороной»). Стакан с недопитым чаем и кусочком лимона я хранила долго: мне казалось, что это какой-то талисман, который поможет разрешить «недоразумение», и отец скоро вернется...

Мой отец Яков Осипович Зунделович родился в г. Духовщина, Смоленской губ. 22 августа 1893 года. Через некоторое время семья переехала в г. Лодзь (тогда это тоже была Россия) да так там и оста-

лась — впоследствии уже в Польше. А в 1917-м, когда в России свершилась революция, отец вместе с мамой, бросив родителей и учебу в университете во Франции, приехали в Москву и не гнушались никакой работой.

Шло время, и отец начал преподавать в Литературно-художественном институте и Высших Литературных курсах. Познакомился и был очень дружен с В. Я. Брюсовым, в 1933-35 годах в звании профессора читал лекции по русской и зарубежной литературе в Московском институте философии, истории и литературы, а в последние перед арестом годы стал деканом режиссерского факультета ВГИКа. Он переводит с польского, немецкого и французского, пишет литературоведческие работы и с 1930 года становится членом Союза писателей.

А стихи отец писал с молодых лет, и всю его жизнь можно проследить по этим стихам, которые практически никогда и нигде не публиковались. Почему? Да по многим причинам и субъективным и объективным, которые я поняла только недавно, буквально расшифровывая почти каждое стихотворение.

Дело в том, что с детства у него была повреждена правая рука и почерк разорвать очень трудно. Но не только в этом дело: то, о чем с недавнего времени начали говорить и писать открыто, он понял и почувствовал еще тогда. И писал об этом...

Летом 1938-39 годов мне довелось побывать в лагере, где отец отбывал ссылку: он был осужден «тройкой» по статье 58 п. 10 на 10 лет с правом переписки. Где-то на середине пути между Вологодой и Архангельском есть станция Няндомы. Она была эвакуационным Каргопольских лагерей, которые растянулись на 90 км между Няндомой и Каргополом через каждые 2-3 км. Один из этих лагерей был для инвалидов, которые не могли работать на лесоповале. Туда-то и попал отец. Это было страшное, гиблое место. Люди там умирали сотнями... («Везде штабелями трупы, сухие, как палки, трупы лежат один на другом»). Отец перенес там сыпной тиф и цингу. Когда я увидела его, то в седом, оборванном почти скелете не узнала своего отца. Мы привезли с собой кое-что из еды. Отец попросил меня вернуться, когда он будет есть, но я не могла сдержать любопытства и до сих пор помню, как он остатками зубов буквально раздирал кусок сала... Но несмотря ни на что, отец сохранил человеческое достоинство, ум и порядочность.

В лагере было много незурядных людей. Они не могли по состоянию здоровья работать там, где требовалась физическая сила, но каждый из них делал что-либо полезное: так, отец наносил красящее вещество на старые использованные листы бумаги и таким образом получалась копировальная бумага... («Не черную серебра, а вязким, клейким тестом я покрываю лист, тухлявый квеель лист бумаг, томившихся в кладбищенских реестрах...»)

А во время отдыха они читали стихи, говорили и вспоминали, многие из них знали иностранные языки, и, чтобы не за-

быть их, они устраивали дни немецкого или французского.

Среди заключенных была бывшая фрейлина царского двора Ольга Корф. Несмотря на прошедшие годы, я хорошо помню ее. Это была удивительная женщина, полная внутреннего достоинства и благородства. Она помогла отцу выучить там английский язык: на кусочках дерева или коры углем писала слова, а отец их заучивал и запоминал...

Все было страшно в те годы, но даже и тогда случались чудеса. И одним из таких чудес было то, что мама и отец оказались в одном лагере. И если отец выжил и сохранил свою светлую голову, то во многом только благодаря маме, которая даже в тех условиях сумела остаться как прежде волевой, энергичной, работоспособной и не терять оптимизма («Да, глаза твои строгие, скорбные...»).

Прошло долгих семь лет, и, наконец, в конце апреля 1943 года отца, как инвалида, освободили. Он оказался в г. Александрове Владимирской обл. Этот провинциальный городок в 113 км от Москвы служил прибежищем многим, кому въезд в Москву был запрещен. Отец был слишком слаб и немощен, чтоб устроиться куда-нибудь на работу, да и не очень-то брали тогда ему подобных. Сняли мы комнату у одной из местных жительниц. Зимой в комнате вместе с отцом жили теленок, коза и куры. Я в то время училась в Москве, в техникуме, и как могла помогала ему продержаться. Примерно через год он начал заниматься переводами и немного зарабатывать, а еще через год с помощью друзей, оставшихся в Москве, переехал в Иваново, преподавал в пединституте. В 1947 году судьба забросила его в Самарканд, и Самаркандский университет стал его домом до последних дней. Здесь он читал лекции по русской и зарубежной литературе и вскоре стал зав. кафедрой, которую сам и основал. Много занимался научной работой, выпустил несколько монографий по литературоведению, книгу о творчестве Достоевского, которая получила признание у нас и за рубежом, в частности в Австрии и Японии. Многие его труды остались в рукописях, так же, как и стихи, которые он продолжал писать до самого конца. Он их никому не читал и всюду носил с собой в заветном портфельчике.

Только сейчас, читая и перечитывая стихи отца, я поняла, какие страсти в нем бушевали, как откликался он на все события, происходящие вокруг, как не мог забыть и простить то и тех, кто искалечил жизнь его и многих таких, как он, как не верил и в то же время втайне мечтал о том, что когда-нибудь его стихи увидят свет... («А я, быть может, только тем живу, что беспрестанно разрываюсь...»).

Портфель я смогла заполучить только в 1989 году. К счастью, многое там оказалось цело, но... мне понадобился еще почти год, пока я смогла разобрать и расшифровать лишь небольшую часть из почти 800 написанных стихотворений.

Мария ЗУНДЕЛОВИЧ

Яков ЗУНДЕЛОВИЧ

ДЕНЬ РОЖДЕНЬЯ

Зима. Сирень. На окнах снег,
а на столе — сирени ветка.
Ну кто лирический пробег
не совершал вдоль этой клетки?
И мне его не избежать,
и я пою пучок сирени,
Он точно ломкая межа среди сада,
скрытого от зренья.
Но мы-то, может быть, пройдем
и выйдем, может быть, куда-то,
Пока, тоскою осажден,
вздыхает лиро-завсегдатай.

5/1-31 г.

Невиданное насекомое
Вдоль белой каменной стены, —
Вот то видение знакомое,
Мне заменяющее сны.
Расправив щупальца мохнатые,
Подрагивая хоботком,
Оно, как крепкими канатами,
Меня влечет к себе силком.
И унизибельно расслабленный,
Как будто мелко на куски
Изрубленный кривыми саблями,
Я лезу, лезу сам в тиски.
И перемешанный, и смолотый,
Я превращаюсь в порошок,
И насекомое, как золотом,
Мной посыпает хоботок.

как раз накануне, 5/XI-37 г.

Уже, уже, уже, уже...
И сколько раз ты не повторил,
Не станет слово меньше жечь,
Не станет крапинкою кори,
Не станет легче от того,
Что час за часом даже сряду,
С небрежной легкостью его
Кидать ты будешь без отрады.
Не может слово отзвучать,
Не став ни делом, и ни плотью,
Не став хотя бы как печать,
Приложенная мимолетно.
Не может слово, повторясь,
Не разбередит свою же рану:
Оно заклатьем было раз,
Оно опять заклатьем станет.

20/ VI-39 г.

ПРОШЛОЕ

Оно все также жжет и жжет меня
И даже кажется невыносимей,
Но кожу начинаю я менять
И начинаю густо пахнуть псиной.

И глубоко забывшись в конуру,
Я начинаю в мир смотреть
сквозь щелку,
И только человечески ору,
И человек всхлипываю только.
Но верно миг уже недалеко,
Когда лицо переменив на морду,
Одной тоской животною влеком,
Я буду выть уныло и нетвердо.
И только вдруг, когда заснувший мозг
Былого луч резнет невыносимо,
Я выгавлю две-три росинки слез,
Уж тоже густо отгающих псиной.

Это надо понять,
это надо вместить,
И опять, и опять, и снова
Учиться считать от нуля до пяти
И на звуки расслабывать слово.
О, как убоги они — слова,
Здесь, в тюрьме, за решеткой,
О, как смешно на тебя уповать,
Мозг, весь в словах, как в чесотке:
Ну что означает «родные мои»,
Что означает «рыдаю»?
Это ли здесь в чаду и грязи
На пол меня кидает?
Что означает «брови», «глаза»,
«Грудь», «завиток на шее»?
Этим ли ночи мои рассказать —
Страшные ночи сумею?
Зачем у меня человеческий язык,
Зачем человек мысли?
Как хорошо бы прерывистый рык
И подборонок отвислый!..

Лежит в желтой майке
и синих трусах,
С биркой на правой руке.
И снег застревает на жестких усах,
Белеет во впалой щечке.
Нестроганный ящик ему тесноват,
И крышка нависла торчком.
Что ж, как-нибудь дотащат до рва—
Всех спрятать не так-то легко.
В желтой майке и
синих трусах он лежит,
В гримасе или смехе кривясь:
Перехитрил он все рубежи,
Жизни гурацкую вязь.
Лежит, как паяц из театра Диньоль,
Но проще, страшнее стократ.
И белая, не театральная моль
Его покрывает наряд.

Мы жили в домиках из карт,
А кто-то думал: «дом».
Мы ключ носили от замка —
Был дом открыт кругом.

Хватило одного пинка,
Чтоб сразу над страной
Взнеслись миллионы всяких карт
Бессильной пеленой.
За что посмели нам дома
Сместить, как ворох карт?
За то, что я не смел ломать,
А ты не смел украсть,
За то, что я любил покой,
А ты любил скакать,
Что ты, что я был никакой —
Был домиком из карт.

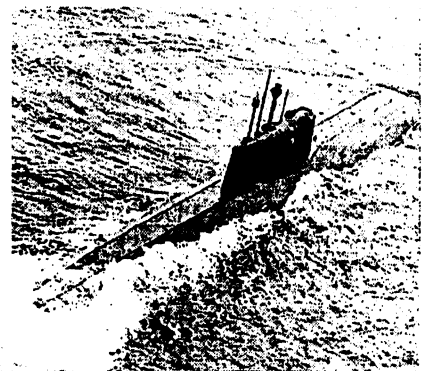
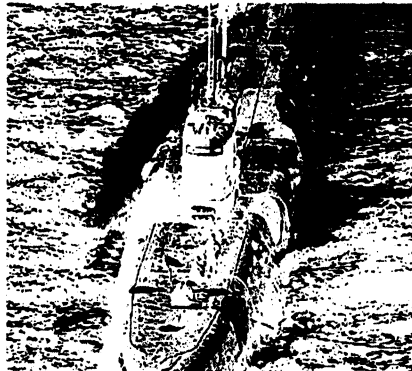
Под Эггара По («Ворон») или
под Блока («Осенний вечер был...»)

Мне часто ночью кажется, что дверь
приотворяется,
И, стоя на пороге, какой-то человек
Глядит, как я от шороха скрываюсь и
по-заячьему
«Стреляю» через форточку в мрак
черный, как навет.
Но ужас в том, что выбраться могу я
только мысленно,
И это ясно видит стоящий там,
в дверях,
Его лицо безликое
охотника за крысами
(Кого считают крысами)
— одно сплошное «зря».
Порой мне даже кажется,
что он и соболезнует
Мне, загнанному в угол,
в постельный тупичок,
Но он тотчас же морщится:
«Нет, это — бесполезное!
Лежи и жди,
покамест не сядешь на крючок».
Вот дверь и закрывается, он словно
улетучился.
Да был ли он вообще?.. Мне грустно
и смешно,
И смутно так мерещится:
«А может быть,
не лучше ли,
Чтоб крысовщик мой ночью той
и не был только сном?..»

20-21/IV-57 г.

Я даже и с собой наедине
Без маски оставаться не умею:
Она — часть тела у меня в стране,
А не простая прихоть лицедея.
Сегодня старый год —
как в давнем сне,
Я должен, должен подвести итоги.
Но можно ль это в маске? Нет и нет!
И я мечусь, задушенный тревогой.

30-31/XII-59 г.

СУБМАРИНЫ В РЫБОЛОВНЫХ СЕТЯХ

Телеграфные агентства сообщили: в Голландии вводится необычная премиальная система для рыбаков. Каждый из них, кому удастся выловить сосуд с токсичными веществами или взрывчатое вещество (мины, торпеды, снаряды), будет получать премию в сто гульденов.

Не только старые мины времен второй мировой войны вытаскивают рыбаки из своих сетей. Частой «добычей» тружеников моря оказываются современные глубинные бомбы с зарядом взрывчатки до 170 килограммов. Как правило, они используются в ходе маневров военных кораблей, однако по каким-либо причинам не взрываются.

А какое вознаграждение следует выдавать, если в рыболовные сети угодит подводная лодка?! ...Когда капитану греческого рыболовного судна, которое находилось в международных водах, сообщили, что в сетях запуталось «что-то крупное», он подумал, что это акула. Но подтянув трал и увидев на поверхности воды перископ, он немедленно отдал приказ рубить трос. Греческие рыбаки поспешили удалиться, поскольку на помощь «попавшей в беду» лодке уже спешил турецкий эскадронный миноносец.

Подводная лодка «Дас'ни» оказалась в сетях французского траулера «Корос», занимавшегося ловом рыбы у берегов Британии.

Рыболовная шхуна под названием «Красотка», подняв сети, обнаружила в них английскую субмарину «Аларик». Публикуя информацию об этом происшествии, бельгийский еженедельник «Пуркуа па?» замечает: «Эти англичане теряют свою сдержанность, стоит им выбраться из дома».

В феврале 1987 года многие газеты под заголовком «На волоске от гибели»

рассказывали об опасном инциденте, едва не окончившемся трагически для команды североирландского рыболовного траулера. Команда его занималась обычной работой, когда неожиданный резкий рывок потряс судно, и его с большой скоростью потащило прочь от берегов. Как оказалось, в рыболовную сеть снова попала подводная лодка. Более двух с половиной часов рыбаки находились на волосок от гибели, пока им, наконец, не удалось обрубить сеть.

А это сообщение было передано телеграфными агентствами в сентябре того же года. В ночь с субботы на воскресенье у берегов Франции в сети испанского рыболовного судна «Торнадо» попала французская подлодка. Инцидент не повлек за собой трагических последствий, но сильно поврежденной оказалась рыболовная сеть, стоимость которой была возмещена французскими властями.

Наиболее часто такие происшествия случаются в проливе Ла-Манш и в водах Северной Атлантики — на основных полигонах учений и частых военно-морских маневров кораблей стран НАТО. Вот пример.

Действующие лица: на поверхности — английский шкипер Стэнли Дрейк и его траулер «Флит Лэди», а на глубине — командир подводной лодки Датского королевского флота Blond Петерсон со своим кораблем. В мутных водах пролива Дрейк ловил рыбу. Петерсон занимался «ловом» «вражеских» подводных лодок. Дрейк клянется, что не забудет день, когда поймал эту «рыбину»... Маневрируя, им как-то удалось освободиться от пут. Когда Дрейк и Петерсон оба оказались на поверхности, они обменялись приветствиями. Командир лодки осведомился: все ли в порядке на траулере. Получив утвердительный ответ, он развернул лодку, и она пошла своим курсом. Траулер «Флит Лэди» тоже поспешил оставить место происшествия.

В связи с этим инцидентом датские подводники острели, что их командир хотел сменить сети НАТО на менее опасные

— рыболовные. Дрейк со своей стороны по прибытии в порт заявил журналистам: «Мы выбросили «рыбину» обратно в море, но кто может поручиться, что в один прекрасный день такое не повторится...»

Повторилось, да не раз...

Атомная реактивная субмарина США «Роберт Е. Ли» попала в сети французского траулера «Лорран-Бретань». Забросив сеть неподалеку от берегов Ирландии, на траулере вскоре обнаружили, что «улов» тянет судно в обратную сторону. Команда всполошилась и с изумлением увидела, что сеть на поверхность вытаскивает подводная лодка водоизмещением 6700 тонн с ракетами «Поларис А-3» на борту и с командой, состоящей из 112 американских моряков. Экипажам подводной лодки и траулера понадобилось пять часов, чтобы освободить железную рыбу из сети.

В 1984 году новейшая германская подлодка «Симпсон» потопила датское рыболовное судно «Ане Катрине». Вся команда моментально и без следа исчезла вместе с судном. Поднятые по тревоге вертолеты Береговой охраны и дюжина кораблей нашли лишь спасательный круг и различную мелочь, всплывшую с палубы погибшего траулера...

В международных правилах по предотвращению столкновений на море рыболовные и парусные суда пользуются «правом, облегчающим их род занятий» — то есть в любом случае они имеют преимущество перед плавательными средствами с механическим двигателем. Для этой цели предусмотрены визуальные, световые и звуковые сигналы. Однако рыболовные суда не имеют ни одного устройства, которое могло бы сообщить подводной лодке о роде его занятий... Зато подлодки оснащены множеством средств для обнаружения надводных целей. Приходится лишь удивляться, каким образом они остаются «слепыми» и «глухими»...

Давид ЭЙДЕЛЬМАН

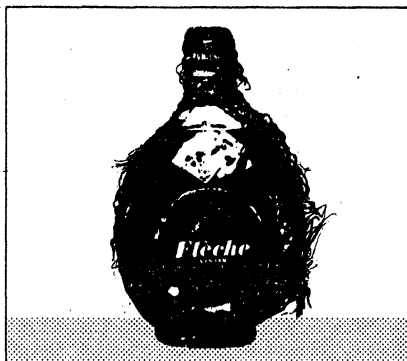
ПОЧТА НЕПТУНА

«Бутылочная почта», которая так часто упоминается в приключенческой литературе, не лишена резона. Бутылка — отличное средство для этих целей: она не ржавеет, не поддается воздействию морской воды. Достаточно насыпать в бутылку немного сухого песка, чтобы несколько увеличить ее вес (настолько, чтобы из воды торчала только верхняя ее часть), и она готова в путь. История свидетельствует, что бутылка может хранить вложение очень долго, если, конечно, ее старательно закупорили и если она не будет разбита. Бутылка может обрести ракушками и другой морской живностью и, тем не менее, плыть. Опасности ее подстерегают у скалистых берегов, особенно в часы сильного прибоя. Нельзя исключить и такого оборота, когда бутылка угодит в желудок акулы или иного прожорливого обитателя подводного мира.

История мореплавания знает много случаев, когда бутылки, пойманные в море или выброшенные на берег, содержали важные сообщения, сведения о месте и времени кораблекрушения, прощальные письма и даже завещания.

Осенью 1856 года американское судно «Пасифик» плыло из Ливерпуля, имея на борту 288 пассажиров и членов экипажа. К месту назначения «Пасифик» не прибыл. Прошло 10 лет, и однажды американская береговая охрана выловила бутылку с завещанием одного из пассажиров. Он указывал адрес своей дочери в Сан-Франциско и заявлял, что именно ей завещает все свое состояние. Не забыл сказать и о том, где и почему окончился путь «Пасифика».

В начале второй мировой войны англичане нашли в море бутылку с известием, что транспорт «Тарителла» наткнулся на мину и затонул. Согласно приведенным координатам, англичане обнаружили обширное минное поле, поставленное немцами.

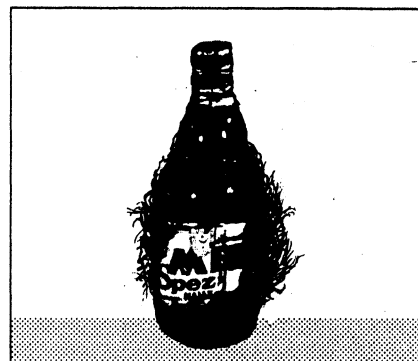

Конечно, у каждой бутылки своя судьба. Достаточно морю выбросить ее на безлюдный берег, и ее путешествие закончено, по крайней мере на какое-то время. Шотландская экспедиция в 1902 году проводила исследование морских течений и с этой целью бросила в воду три бутылки. Две из них выловили в 1908 году у берегов Тасмании. А третью нашли на побережье Новой Зеландии лишь спустя полвека.

Нептуновая почта* всегда была популярна в Англии. Еще в 1560 году королева Елизавета I учредила при дворе должность «королевского откупорщика бутылок из океана». По указу королевы по страху смерти запрещалось разбивать и вскрывать бутылки, выброшенные морем — их надлежало немедленно передавать властям. Такая строгость объяснялась тем, что тогда бытовало мнение, что бутылки содержат «секреты особой важности» (например, данные о том, где зарыт клад или где за тонуло судно, груженное большими ценностями).

В морских государствах встречаются любители не только коллекционировать «вести из моря», но и посылать их. Например, на Британских островах многие знают имя доктора Тайта, который уже несколько лет в течение года «спускает на воду» от двух до трех тысяч бутылок. Ему их часто возвращают из разных уголков света, и в его коллекции уже несколько тысяч таких возвращенных посланий.

Американского священника Джорджа Филиппа зовут «бутылочным пастором».

Он использует пустые бутылки для пропаганды слова божьего. Филипп помещает в бутылки тексты молитв и при отливе бросает их в море. Так он отправил уже свыше 2000 бутылок и получил письма от верующих от Аляски до Новой Гвинеи.

Иначе использовала почту Нептуна одна молодая итальянка. Она не стала помещать в газетах объявление о желании познакомиться с парнем, а бросила несколько десятков бутылок с такой вот запиской: «Тому, кто найдет мое послание, посылаю самый горячий поцелуй. Я — студентка из хорошей семьи, мне 20 лет, рост 160 см. Зовут меня Росса Мадзани, живу в Больцано на Виа-Джакомбо. Ищу друга!» Откликнувшихся оказалось больше, чем она могла предположить — было из кого выбрать друга. Подобным же образом поступила и одна англичанка — она послала в бутылках более 200 «любовных призывов». Некоторые из них попали в Скандинавию. Таким образом она познакомилась со своим нынешним мужем, выходцем из Швеции.

Бывают и курьезы. Интересно, что во время возвращения из Америки каравелла Колумба попала в жестокий шторм. Великий мореплаватель на куске пергамента записал некоторые выдержки из своего дневника, завернул в парусину и положил в небольшой бочоночек, который бросил в море. К счастью, каравелла выдержала шторм, а о своем «завещании» Колумб рассказал при возвращении. Его послание так и не было найдено... Но... многие коллекционеры гордо заявляют, что именно у них находятся «тайные корабельные дневники Колумба» вместе с бутылкой, в которой они находились. Не секрет, что эти «дневники» продали им за солидные деньги разные проходимцы. Забавно, что и мошенники, и коллекционеры не знают, что Колумб использовал бочоночек, а не бутылку.

Виктор РОЦАХОВСКИЙ

ВОСПОМИНАНИЕ ОБ ИЗУМРУДНОМ ОСТРОВЕ

...Окрест — тревожно, только блеснет огонек надежды — тут же гасит его новая волна мрака, и порой спасают от тоски лишь радужные картинки из памяти: зеленое море бьется о серые скалы, белые овцы, который век жующие нескончаемый изумруд лугов, юный зодчий по имени Патрик в сарае у папы — фермера строит голубой чудодом для японской столицы, взмывает над снежной пеной в бокале черного пива прозрачный звук серебряной дудочки — и еще, еще, еще...

Да было ли такое со мной? Не бред ли это воспаленного воображения, не память ли о долгом цветном сне? Нет, было на самом деле. Некоторое время тому назад ваш покорный слуга с товарищами и впрямь волей судьбы посетил Ирландию, «изумрудный остров», проведя на нем в праздном любопытстве целых две недели. Преданные читатели «Следопыта», конечно, прочли очерк о поездке в февральском номере журнала за прошлый 1992-й год, и спасибо им за несколько добрых откликов. Только как же давно это было! Подумать страшно — еще существовал «союз нерушимый», гэкачеписты запросто дефилировали на свободе, гостеприимно встречавшая меня журналистка Айлин Мерфи зачем-то прятала под кровать плакат «Русские, прочь из Афганистана!», полагая, видимо, что все русские обожают афганскую войну, милейшие ирландцы взахлеб уверяли нас — мол, горбачевская perestrojka обречена на победу, а билет от Москвы до международного аэропорта Шэннон в переводе на рубли стоил, примерно, как теперь бутылка ликера в коммерческом киоске.

Однако о собственных перетрубаниях и проблемах мы осведомлены достаточно. А что у них, на «изумрудном», какие за два года перемены?

Судя по газетам, теле- и радиоинформации, событий произошло немало. Ирландская республика обрела очередного президента, на сей раз женщину, и старая песня популярных там Саймона и Гарфункеля «Миссис Робинсон» — именно так зовут первую леди страны, стала почти национальным гимном. Увы, не успокаивается ИРА — подпольная Ирландская республиканская

армия в своей борьбе за единый социалистический остров. То и дело гремят выстрелы, взрывы, рана Ольстера по-прежнему кровоточит. С другой стороны, ирландцы проголосовали на референдуме за единую Европу, то есть за такое устройство континента, когда не слишком важно, английская или их столица управляет северной провинцией — несмотря на то, что для маленькой окраинной державы условия объединительного Маастрихтского договора не самые выгодные.

Но это все политика, сфера сугубо официальных интересов, тема тех, кто всерьез озабочен властью. Куда интересней — как дела у простых людей, в данном случае — моих заморских друзей, знакомых, о ком, как смог, рассказал и кто остался за кадром публикации.

По письмам, редким телефонным звонкам (дорогое удовольствие...) знаю: Айлин Мерфи заметно продвинулась по лестнице карьеры, окончив университетские курсы мастерства журналистов (по нашему — аспирантуру?); последний раз она звонила из Германии, из Мюнхена, где, если я правильно понял, представляет Ирландию на некогда антисоветском радио «Свобода». Тройка веселых программистов — Патриция, Поль и голландец Рене окончательно встала на ноги, их фирма активно развивается, недавно арендовала новый офис. Разбитной художник Джон О'Лоулин, мой неизменный гид по старому Дублину, и его симпатичная супруга Энн, накопив деньги, купили домик в горах и уехали, наконец, из шумного, людного (целых полмиллиона народу!) города.

И знаете, что самое поразительное? Большая часть содержания писем — даже не о работе, не о хлебе насущном, о другом: кто на ком женился, с кем какие праздники встречал, как растут дети, поживают родители, где прошла интересная выставка, концерт фолк-музыки... При всем том, что им, конечно, тоже совсем нелегко и они, разумеется, стараются сообщить в основном о приятном; ситуация в небогатой по западноевропейским меркам Ирландии не лучшая, денежная единица фунт стала менее устойчивой, плюс надовешая всем «секретная» война, прочие сложности...

Тем не менее просто люди живут прежде всего просто жизнью, своей, частной, она для них — важнее всего, и никакие экономические эксперименты, тайные заговоры не в силах ей помешать.

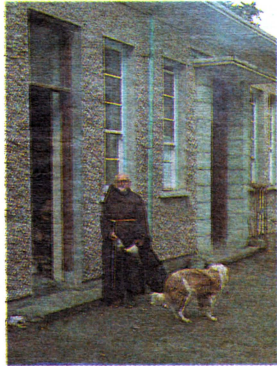
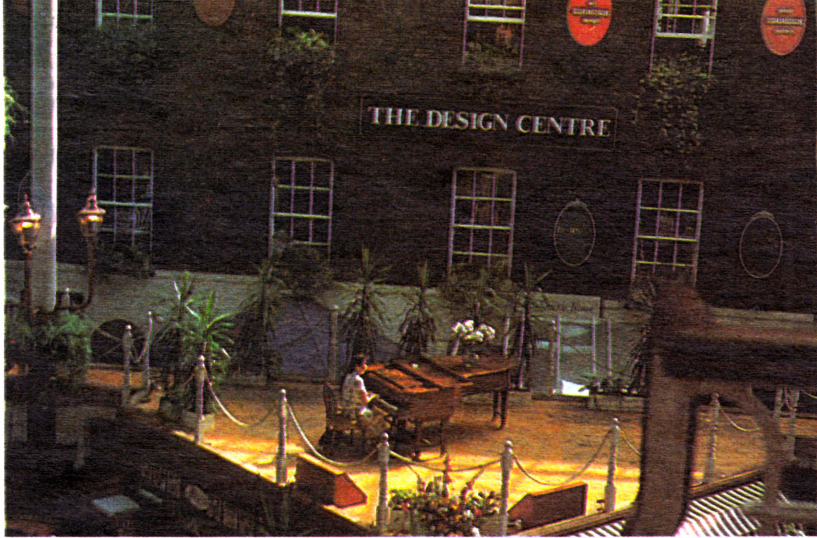
Между прочим, я поздравил Айлин с новым президентом. Она ответила примерно следующее: спасибо, это действительно победа женщин, однако перемена президента — еще не перемена способа существования. Президент лишь контролирует соблюдение Конституции.

Атмосфера всеобщей раскрепощенности — не деланой, показной, настоящей, внутренней, уважения, любви, во-первых, к самим себе, близким, природе, традициям, культуре своей страны, а потом уже, по мере того, насколько обеспечивают они их, к институтам современного государства — вот что, пожалуй, засело в памяти прочней всего после той поездки кроме романтических цветных картинок. Ею же веет от каждого нового письма. Удивительно читать их мне, одному из вас, чей каждый шаг по-прежнему зависит от настроения кучки мужчин «наверху»...

Еще остались слайды. Они не вошли в прошлогодний номер по техническим причинам. Давайте посмотрим их теперь и вспомним вместе: зеленое море бьется о серые скалы, пианистке в магазине — центре дизайнера полонезом сопровождает процедуру покупки, старый скрипач у кожанной лавки, бесконечно повторяющий мелодию бетховенского «Сурка», профессиональный джаз-бэнд играет посреди дороги, мирные улицы города Белфаста, нормальная автозаправка, как всегда, раскрашенная в праздничные цвета, церкви — в стиле модерн и обычная, традиционная (на красном автомобиле приехал помолиться простой прихожанин), добрейший священник брат Фиделио со своими ласковыми псами...

Посмотрим. Может, хоть чуть-чуть помогут они разглядеть ваали лучик — предвестник нашего собственного человеческого завтра? ■

На 3 и 4 стр. обложки
использованы слайды автора

Фрагмент экспозиции Нижнетагильского музея-заповедника горнозаводского дела Урала.
Слайд Алексея НАГИБИНА, фотохроника «Репортер».